

ОГОНЁК
№ 40 ОКТЯБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С Есенин

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 40 (1997)

3 ОКТЯБРЯ 1965

Флагманом советского вертолетного флота можно назвать вертолет МИ-10 конструкции М. Миля. Эта огромная машина, снабженная мощными газотурбинными двигателями, способна перенести на большие расстояния самые различные грузы. На специальных креплениях между высокими стойками его шасси свободно размещаются и домик геологов, и автобус, и мачта электропередачи.

Фото Дм. Бальтерманца.

В обеденный перерыв на Московском тормозном заводе. Парторг цеха мелких серий Н. М. Мизюрин проводит беседу о работе Пленума ЦК КПСС.
Фото А. Гостева.

В Москве состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклад тов. А. Н. Косыгина «Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» и доклад тов. Л. И. Брежнева «О созыве очередного XXIII съезда КПСС».

Пленум единодушно принял постановления по первому и второму вопросам.

На Пленуме с речью выступил Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум избрал тов. Ф. Д. Кулакова секретарем ЦК КПСС, освободив тов. В. Н. Титова от обязанностей секретаря ЦК КПСС в связи с переходом на работу в ЦК Компартии Казахстана.



Ф. Д. Кулаков.
Секретарь ЦК КПСС.



Митинг дружбы народов Советского Союза и Германской Демократической Республики в Кремле, во Дворце съездов.

ПРЕБЫВАНИЕ ПАРТИЙНО-ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ДЕЛЕГАЦИИ Германской Демократической Республики в Советском Союзе вылилось в яркую демонстрацию прочной и нерушимой дружбы между нашими странами. В Коммюнике, принятом после переговоров в Москве, с глубоким удовлетворением отмечается, что братские отношения между СССР и ГДР, основывающиеся на высоких принципах социалистического интернационализма, всесторонне и успешно продолжают развиваться в полном соответствии с Договором о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве. «Германская Демократическая Республика,— говорится в Коммюнике,— уверенно идет вперед по пути социализма и мира, избранному ее народом... Трудящиеся ГДР добились больших успехов в развитии экономики, техники, науки и культуры, в совершенствовании форм и методов социалистического хо-



Тридцать третий ответ

К. ЧЕРЕВКОВ
Фото Н. Ананьева.

«Задача состоит в том, чтобы учиться. Понятно, что это лишь «одно слово». Оно не дает еще ответа на главные и самые существенные вопросы,— чему учиться и как учиться?»

Так говорил В. И. Ленин сорок пять лет назад, на III съезде комсомола.

Ленинский вопрос и сегодня волнует многих, не только молодежь. Осень—начало учебного года. Первого сентября распахнулись двери школ и вузов, а через месяц—первого октября—первый день учебы политической.

В книжных магазинах Ленинграда, киосках, на заводских и фабричных книжных базарах проходили встречи с авторами учебников, обзоры новинок, консультации. Местом паломничества стал магазин политической литературы на Невском проспекте. Примечательно не только многолюдье, но и сам круг покупателей. Их привело сюда не любопытство, а желание глубже разобраться в вопросах, которые ставит перед ними их работа, их жизнь.

Нина Владимировна Кобышева, кандидат географических наук, и ее сын комсомолец Александр зашли в магазин вместе. Они тут старожилы. Сын и мать занимаются в одной аудитории университета марксизма-ленинизма. Мать — понятно... Но сын? Казалось бы, молод еще для университета, он еще школьник. В прошлом году после длительных уговоров Сашу зачислили вольнослушателем, а после успешной сдачи экзаменов приняли в число полноправных студентов. В порядке исключения. Теперь сын и мать— второкурсники.

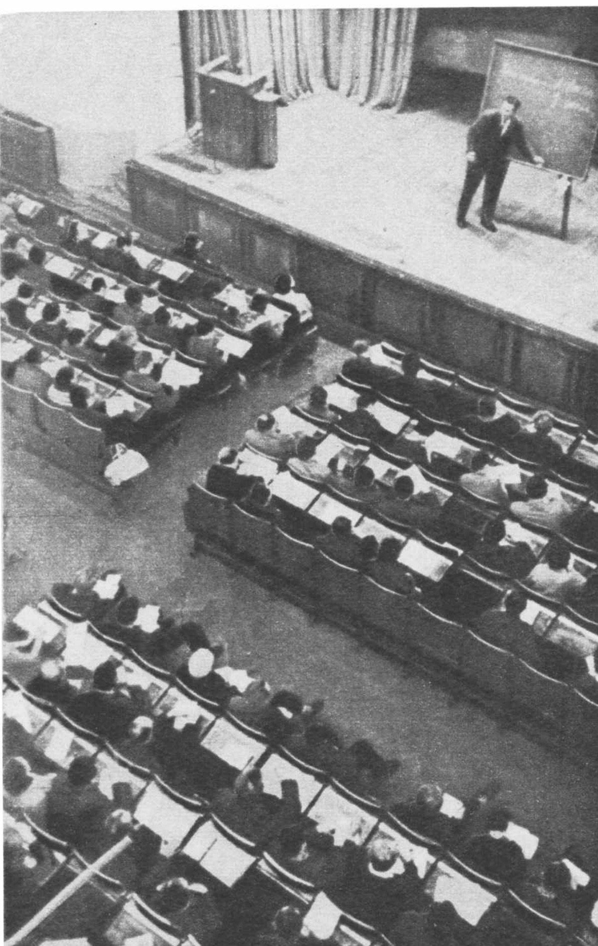
А вот рабочий базы «Ростекстильторг» Станислав Моргацкий— новичок. В прошлом году посещал кружок политграмоты, а сейчас решил серьезно изучить историю КПСС.

Начинаются занятия в университете марксизма-ленинизма при областном и городском комитетах партии. Это — одно из самых солидных учебных заведений города. Весьма солидные студенты — люди с высшим и средним образованием. Солидный и преподавательский состав — 122 доктора и кандидата наук. Главный корпус — знаменитый Таврический дворец. Но и он мал. На трех факультетах — 7 тысяч слушателей.

Их сейчас очень много, больших и малых аудиторий, в которых ленинградцы постигают основы главной науки, по которой строят жизнь миллионы людей на земле. Вот одна из них — в Невском районе. Невская застава — родина первых марксистских кружков. Там, в комнате рабочего Семянниковского завода И. В. Бабушкина, на собрании кружка в 1893 году прозвучало страстное слово молодого пропагандиста Владимира Ульянова. В эти октябрьские вечера собираются на занятия в кружках, школах, семинарах потомки семянниковцев — строители газовых турбин завода, носящего имя Ленина.

В одном из корпусов этого завода, где некогда работал слесарем И. В. Бабушкин, мы увидели необычный цветной альбом-плакат, выпущенный отделом пропаганды Ленинградского областного комитета ВЛКСМ. На обложке крупно набрано: «32 ответа на 33 вопроса».

Вопросы самые разнообразные. Где можно принять участие в диспутах и дискуссиях? Как заказать лекцию? Что такое ленинский урок? Как подготовиться к докладу?



Идут занятия в университете марксизма-ленинизма.

Дом учителя в Берлине.



зяйствования, в повышении народного благосостояния».

Накануне празднования 16-й годовщины со дня провозглашения Германской Демократической Республики весь народ этой страны подводит итоги социалистического строительства.

За последние годы в ГДР вступили в строй такие гиганты индустрии, как химический комбинат «Лейна», буроугольный комбинат «Шварце пумпе», нефтеперерабатывающий комбинат «Шведт», куда недавно по нефтепроводу «Дружба» пришла советская нефть. Большими сдвигами радует сельское хозяйство ГДР, где преобладают хорошо организованные и высокопродуктивные кооперативы. Растут и хорошеют города социалистической Германии. Восстали из руин и обрели новую красоту Берлин и Дрезден, построены новые соцгорода, такие, как город металлургов Айзенхюттенштадт и город химиков Хойерсверда. С каждым годом жизнь в ГДР становится все богаче и краше.

Возрожденный Дрезден.

Фото А. Гостева и Л. Степанова.





Город международной ярмарки — Лейпциг.

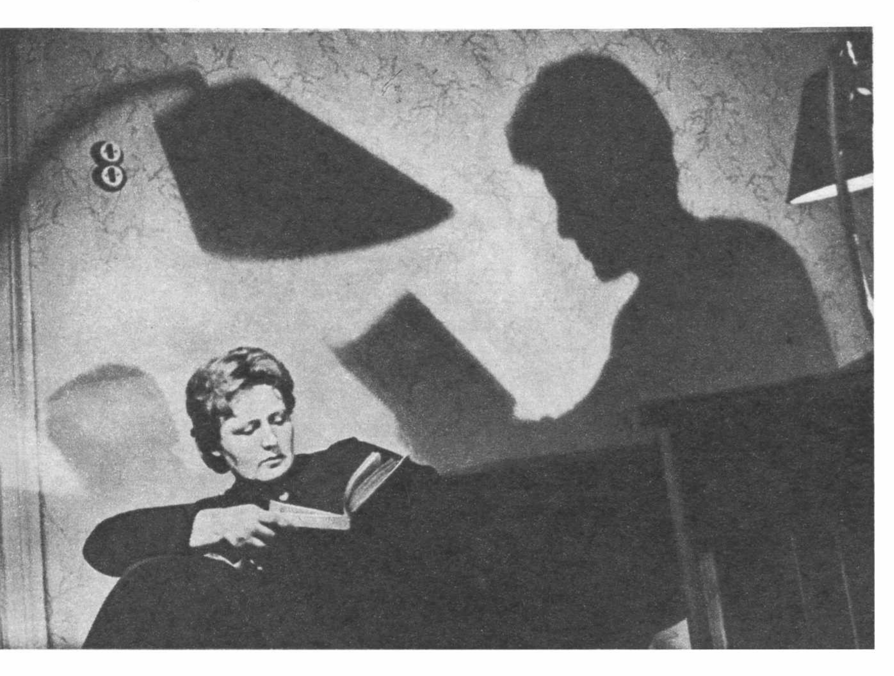
33 вопроса, но ответа только 32. Выбирай, юность, что тебе по душе. Политкружки «Глобус» и «Прометей». Институт молодого марксиста. Дискуссионный клуб «Молодежь и общество». Клубы-лектории «Искусство и время», «Страна комсомолия». Особенность новых программ этих кружков — широкий простор для творчества, использование различных форм учебы.

Да, а какой 33-й вопрос? Вот он: как в этом году будешь учиться ты, комсомолец, будущий коммунист? Что тебя волнует, что ты должен выяснить, чтобы лучше работать, чтобы стать настоящим коммунистом? На этот вопрос каждый должен ответить сам.

«Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Через сорок пять лет пронеслись к нам эти ленинские слова, но каждый, кто слышит их сегодня, чувствует, что адресованы они ему.

Вечер в семье Кобышевых.



ГЕРОИЗМ ПОИСКА



Среди почетных гостей на трибуне Всесоюзного слета в Бресте, состоявшегося две недели назад, находился писатель Сергей Сергеевич Смирнов.

Собственно, с него-то все и началось. Долгие годы мы ничего не знали о бессмертном гарнизоне Брестской крепости, нам неизвестны были имена героев, насмерть стоявших на самых первых огневых рубежах Великой Отечественной войны. И долгие годы с неутомимым и благородным упорством, буквально по крупицам собирал Сергей Сергеевич материалы о защитниках легендарной цитадели.

Сейчас о них знают все. Книги С. С. Смирнова о героях Бреста издаются и переиздаются, неустанно пополняются новыми именами и новыми фактами. Свой поистине героический поиск писатель ведет не один, в нем участвуют десятки тысяч людей. Его выступления по радио и телевидению зажигают миллионы сердец: ведь в их основе — «добела раскаленный материал удивительных героических подвигов наших людей», как писал Сергей Сергеевич в предисловии к книге «Рассказы о неизвестных героях».

Рассказывая правду о войне, воскрешая забытые и неизвестные имена, восстанавливая справедливость по отношению ко многим людям, писатель творит дело огромного гражданского и общественного значения. Поэтому так горячи отклики на его выступления и книги, поэтому так велико воспитательное воздействие его деятельности, поэтому так радостно было встречено всеми присуждение Сергею Сергеевичу Смирнову Ленинской премии.

Недавно писателю исполнилось пятьдесят лет. Он продолжает свою работу, которую собирается вести всю жизнь,— «поиски неизвестных героев нашей четырехлетней борьбы с германским фашизмом». Хочется от души пожелать ему новых успехов в его благородном труде.

Н. ГЕОРГИЕВА



ЮЖНЫЙ ВЬЕТНАМ, 1965 ГОД.

ПРОВ
ПУ
У ЗЕМ
ША

ПЕНТАГОН И СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЯ

Недавно в военном ведомстве Соединенных Штатов было подсчитано, что со времени окончания второй мировой войны в мире произошло сорок войн. Нет ничего удивительного в том, что американские генералы представляют себе историю как некое непрерывное кровопролитие, непрекращающийся рев пушек и вой авиабомб. Это у них чисто профессиональное отношение к историческому процессу.

Но составленный в Пентагоне список войн, который опубликовал в одном из последних номеров журнал «Тайм», достаточно любопытен. В этом списке бросается в глаза прежде всего, что Пентагон склонен всячески маскировать участие Соединенных Штатов в вооруженных конфликтах, происшедших в мире. По данным Пентагона за 1945—1965 годы, США лишь шесть раз развязывали войну. Однако, если внимательно просмотреть этот список, выясняется, что, даже по пентагоновским данным, Соединенные Штаты участвовали прямо или косвенно в шестнадцати вооруженных конфликтах. Четырнадцать других войн, перечисленных в списке, обязаны своим происхождением империалистическим державам, состоящим в союзе с Соединенными Штатами. Известно, что военная помощь из-за океана дала возможность колониальным державам вести войну в Азии и Африке, защищая «свои» владения от грозы освободительных движений.

Самое крупное кровопролитие, которое происходит сейчас,—война Соединенных Штатов против вьетнамского народа. Пространные разглагольствования американской пропаганды о том, что американский солдат в джунглях Вьетнама выступает поборником свободы, поражают своим цинизмом. Единственную свободу защищают там солдаты США — свободу рук для империалистов. Во Вьетнаме идет «нормальная» для империализма война за сферы влияния, против стремления народа быть хозяином своей страны.

Число американских «защитников свободы» во Вьетнаме уже перевалило за сто тысяч. И это не предел. США расширяют масштабы агрессии — свидетельство стремления «не упустить» лакомый кусок. Это стандартная политика империализма.

Американские империалисты заранее планируют новые вооруженные конфликты. Журнал «Тайм» пишет, что Соединенные Штаты «будут», без сомнения, вести ограниченные войны в течение ближайшего полстолетия или далее».

ДОКТРИНА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗБОЯ

Доказательством этого намерения служит резолюция, которую приняла 20 сентября палата представителей США. Провозгласив целью Соединенных Штатов вооруженное вмешательство в дела своих латиноамериканских соседей, законодательный орган США заставил открыть рот от изумления даже видавших виды американских газетчиков. Печать США не нашла

ЕРЬТЕ ЛЬС НОГО РА

сколько-нибудь членораздельных мыслей в защиту открыто провозглашенной доктрины политического разбоя.

Большая дубина американской политики, долгие десятилетия висевшая над двумя десятками латиноамериканских стран, вновь грозит загулять по головам народов, если они осмелятся поднять голову. Правда, Латинская Америка ныне не та, что была во времена Теодора Рузвельта, духовного отца нынешней резолюции палаты представителей.

И у Латинской Америки нашлись твердые слова осуждения. Известный мексиканский философ и писатель Хесус Сильва Эрсог заявил, что эта резолюция «не имеет себе равных в том, что касается ее неуместности, высокомерия и глупости». В Колумбии и Перу эту резолюцию осудили парламенты. Возмущены действиями американских законодателей профсоюзные организации Латинской Америки, государственные деятели, различные политические партии.

Однако нельзя забывать той очевидной истины, что палата представителей лишь дала официальное оформление политике, которую США не переставали проводить. Доминиканская республика является тому убедительным свидетельством.

Принцип американской политики — подавление народных движений и союз с самыми реакционными силами — остается на вооружении Вашингтона.

ПУСТЬ СПОКОЙНЫМ БУДЕТ ПУЛЬС!

Проверьте пульс у земного шара — он бьется неровно. Почему за последние двадцать лет то тут, то там вспыхивают языки военного пламени, где главный их источник? Даже пентагоновский список дает возможность установить диагноз: империалисты больны хронической военной лихорадкой.

Но в мире существует стабилизирующий фактор огромной силы — социалистические страны. Империалистическим заговорам и провокациям противопоставлена последовательная политика мира. Советский Союз, как самая могущественная социалистическая страна, выступает ее знаменосцем.

Недавно в Нью-Йорке начала работу сессия Организации Объединенных Наций. На рассмотрение этой сессии внесены два важных документа: проект Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета и проект договора о нераспространении ядерного оружия.

Само по себе появление этих документов свидетельствует о том, что мир может получить в руки новые средства для предотвращения империалистических провокаций. Миролюбивая инициатива Советского Союза исходит из глубокой веры в то, что народы могут сковать свободу действий всех любителей сунуть нос в чужие дела, всех охотников играть с ядерным огнем. Пусть восторжествуют подлинно гуманные принципы мира и сотрудничества!

А. СЕРБИН

ВСТРЕЧА КОЛЛЕГ-КОСМОНАВТОВ

— Вот посмотрите: ключ от Афин и фотографии этого прекрасного города!

Алексей Архипович Леонов берет у Павла Ивановича Беляева сувениры и передает мне. Разговор идет о XVI Международном астронавтическом конгрессе, участниками которого были наши космонавты.

— На конгрессе мы имели возможность познакомиться со многими иностранными учеными, которые имеют непосредственное отношение к развитию космонавтики,— рассказывает Павел Иванович.— Интересно было встретиться с нашими американскими коллегами, астронавтами Купером и Конрадом. Первая встреча состоялась на конгрессе, где они выступали с докладами о своем полете.

На другой день мы встретились за завтраком.

— О чем шел разговор?

— На профессиональные темы. Они рассказали о своих наблюдениях во время полета, а мы о своих. Оказалось, что некоторые явления, которые наблюдали мы, не видели американцы. И наоборот. Так, заход солнца, очень красочный, с яркими полосами, мы отлично рассмотрели, так же как и звезды красного цвета: этот цвет связан с некоторыми оптическими явлениями в космосе. Американцы не видели ни того, ни другого. Зато они наблюдали зарождение ураганов и смерчей. Этого не наблюдали мы. Тут дело, вероятно, в том, что во время одного полета в космосе могут быть такие явления, которые не повторятся в другой полет. Ну, и разница наблюдений зависит от возможности корабля и цели полета. Купер и Конрад произвели на нас очень приятное впечатление — люди мужественные, хорошо знающие свое дело.

— А с кем из иностранных ученых вы встречались?

— Со многими, в том числе и с Вернером фон Брауном. Это его ракетами «Фау-2» фашисты бомбили Лондон,— отвечает Алексей Архипович Леонов.

На конгрессе фон Браун, ныне живущий в США, выступал с докладом, отвечал на многочисленные вопросы, давал интервью корреспондентам, рассказывал, что работает над ракетой-носителем «Сатурн-IB». Это по программе «Аполлон», предусматривающей полет человека на Луну. Конечно, откровенность ученого имела определенные пределы. Тем не менее говорил он интересно.

Полет на Луну, по его мнению, будет происходить так: ракета доставит пассажира на орбитальную космическую станцию, вращающуюся вокруг Земли. Здесь пассажир пересядет в своеобразный межпланетный паром, который перенесет его на станцию, вращающуюся по орбите вокруг Луны. Здесь снова пересадка, уже в одноступенчатый лунный автобус, который будет совершать рейсы между этой станцией и Луной.

Затем космонавты рассказывают о выдающемся событии конгресса — докладе нашего астронома академика А. Михайлова. Он по-новому представил перед конгрессом панораму лунного мира, прокомментировал снимки обратной стороны Луны, сделанные «Зондом-3». На конгрессе председательствовал американский ученый, создатель «Маринеров» У. Пикеринг. Присутствовал и король Греции Константин.

— Представьте, — рассказывал Беляев,— мы с Алексеем Архиповичем слушали этот доклад не отрываясь, с волнением рассматривали знакомые нам фотографии. На них отлично различались долины, пересеченные цепочками кратеров, каких астрономы не встречали на видимой стороне Луны. Наш интерес к докладу, к Луне чисто профессиональный. Я глубоко уверен, что рано или поздно на Луне высадятся люди. А ведь каждый космонавт мечтает оказаться в числе этих счастливцев.

— А верно, что вы подарили королю Греции на память свой рисунок? — спрашиваю я у Леонова.

— Да. Королю сказали, что я умею рисовать, и он попросил меня нарисовать ему что-нибудь на память. Я сделал небольшой рисунок «Человек в космосе». Это получилась как бы иллюстрация к докладу, который мы с Беляевым делали на конгрессе. Павел Иванович в своем докладе рассказывал, как я выходил в космос из корабля через шлюз. Выход через шлюз дает широкие возможности для дальнейшего освоения космоса. Например, при смене экипажа орбитальных станций. При этом не надо разгерметизировать весь корабль.

Я доложил конгрессу о «ранцевой автономной системе жизнеобеспечения» человека, передвигающегося в открытом космосе. Рассказал, что мог регулировать обстановку в своей «малометражной квартире» — скафандре. В нем я по своему усмотрению поддерживал избыточное давление. После меня выход в космическое пространство повторил американский космонавт Эдвард Уайт. Он тоже подтвердил мои выводы о возможности выполнения в космическом пространстве некоторых рабочих операций. Этим я закончил свой доклад.

Были ли вопросы? Масса. Собственно, вопросы нам задавали не только на конгрессе, а всюду, где бы мы ни появлялись. Осматриваем величественные развалины Парфенона, а нас спрашивают: «Что мы думаем о полете человека к другим мирам? Могут ли люди жить на Марсе или Луне? Как я выходил в космос? Какие кушанья нам больше всего нравятся? Есть ли у нас дети?..»

На международной ярмарке в Салониках мы выступали с докладом о своем полете, о поездке по Греции. После была пресс-конференция. И тут даже представители самых правых газет выражали недовольство, что мы быстро уезжаем, что не все жители Салоник могли нас увидеть, услышать выступления.

Когда мы были в Греции, там бурлили политические страсти. Демократический дух всех слоев населения был очень высок. В этой обстановке особенно ярко проявлялись симпатии к советскому народу. Эти симпатии обращались и к нам. Не помню случая, чтобы местный житель прошел мимо, не сказав каких-то теплых слов.

Незабываемым был митинг, организованный в Афинах греко-советским обществом дружбы. В огромном зале собралось три тысячи человек, а ближайшие улицы были буквально запружены желающими попасть на этот митинг. Наши выступления встречали восторженно. Каждая фраза прерывалась аплодисментами, возгласами: «Мир! Мир! Мир!»

После доклада мы показывали фильм «Человек выходит в космос». Таких экспансивных зрителей, как греки, наверное, нигде не найти. Через каждые две-три минуты взрыв оваций. На экране крупным планом космонавт — овации, космический корабль — овации...

Заботой и вниманием окружило участников конгресса греческое астронавтическое общество. Оно ведет значительные теоретические работы, решает и некоторые практические вопросы. Например, здесь хорошо поставлена служба солнца, условия для этого отличные. В Греции много ясных, солнечных дней.

Астронавтическое общество Греции прекрасно организовало конгресс. На этом конгрессе в дружественной, теплой обстановке плодотворно работали ученые разных стран, и это залог того, что освоение космоса будет служить делу мира, на пользу всего человечества.

А. ГОЛИКОВ

«Лейпциг» в Москве



Магазин немецких товаров «Лейпциг» открыт.

Москвичи его ждали давно. Товары с маркой «Сделано в ГДР» пользуются в нашей стране заслуженной славой и широким спросом. Наверное, поэтому и возникла мысль создать специальный магазин. К этой идее не остались равнодушными немецкие друзья. Они решили сделать все, чтобы этот своеобразный полномочный представитель их страны понравился москвичам.

...Давайте заглянем в магазин «Лейпциг» в обычный, будний день. Глаза разбегаются. Особенно много соблазнов для женщин. Прилавок с бижутерией — первая остановка. Долго выбирают, меряют, смотрятся в зеркало. В отделе кожаной галантереи — изобилие элегантных сумок и чемоданов...

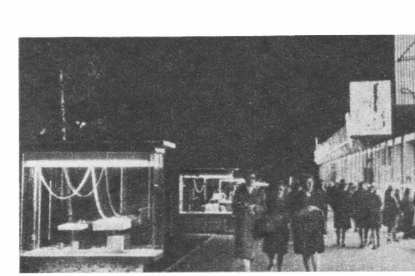
И вот наконец — косметика! Когда-то Гёте поведал миру печальную историю доктора Фауста, которому пришлось продать Мефистофелю душу, чтобы еще раз стать молодым. Здесь все обстоит гораздо проще. Красиво упакованные флаконы и тюбики таят в себе самые последние достижения волшебников сегодняшнего дня — химиков и фармакологов. Если же покупательница растерялась при виде всего этого изобилия или не умеет обращаться с новым средством, два немецких косметолога ждут ее в специальной комнате и совершенно бесплатно посвятят во все таинства великой науки быть красивой. Мужчины тоже заглядывают в этот отдел, и не без пользы для себя...

Но, пожалуй, самый большой и оживленный — это отдел игрушек. Здесь товар на любой возраст и вкус.

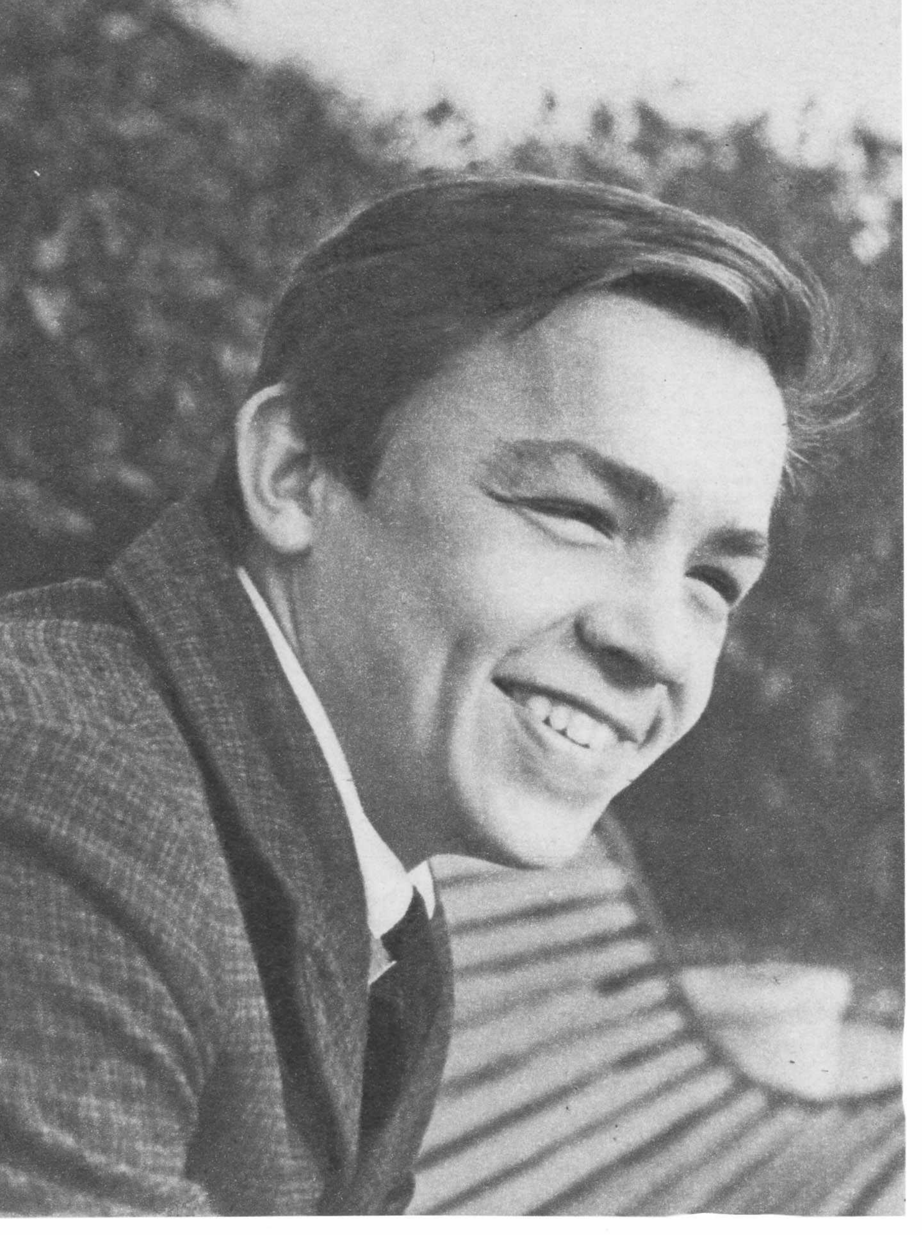
После осмотра магазина мы разговорились с его директором Людмилой Васильевной Козловой. Она рассказала о том, что скоро собирается со своими сотрудниками в Германию, чтобы ближе познакомиться с методами немецкой торговли и установить постоянную связь с крупнейшими универмагами ГДР. На вопрос об ассортименте Людмила Васильевна ответила фразой, которую не всегда услышишь от директора магазина: «У нас спрос на все товары!»

Уходя, заглядываем в книгу предложений и отзывов. Первая запись. Чья-то уверенная рука размашисто и радушно вывела: «Магазину «Лейпциг» — хорошего, счастливого пути!»

Нина АРСЕНТЬЕВА
Фото Г. Санько.







Александр Синяев стал рабочим.

Сергей Синяев будет рабочим. Фото Г. Ходова и автора.



Это было четверть века назад. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О государственных трудовых резервах». И вот цифры:

1940 год — 1 551 училище и школа ФЗО с 602 тысячами подростков.

1965 год — 4 237 профессионально-технических учебных заведений с 1 504 тысячами подростков.

За это время народное хозяйство страны получило 15,6 миллиона квалифицированных рабочих. Сегодня нет ни одной отрасли промышленности и сельского хозяйства, которые могли бы обойтись без рук молодых, рук золотых.

Галина КУЛИКОВСКАЯ

Утром обычно я включаю радио. Если передают московские объявления, значит, половина седьмого. Так и есть. Узнаю, что где можно купить. Теперь начнут приглашать учиться. Школа-магазин Мостекстильторга принимает девушек в возрасте... Профессионально-техническое училище при заводе «Калибр» выпускает слесарей-инструментальщиков, токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков... Начало занятий 1 сентября. Смотрю на календарь. Сегодня-то десятое. А не поздновато ли объявлять?

Невольно сравниваю с другим училищем, из которого только что вернулась. И надо же такое совпадение: своим существованием оно обязано как раз московскому «Калибру»! В 1941 году завод был эвакуирован на Урал, в Челябинск. Только что созданное училище готовило ему рабочих тех самых специальностей, какие объявлены сейчас по трансляции. Носило оно другой номер, не такой, как сейчас, и ветераны-преподаватели очень хорошо помнят и, кажется, никогда не забудут, как в полутемных сырых классах ловили на уроках крыс. Было такое тяжкое время. Потом завод «Калибр» вернулся в столицу, на его месте открыли часовой, и профиль училища несколько изменился. Затем училище снова перекантовали в чисто механическое и прикрепили к Челябинскому тракторному. При нем оно и поныне. А профессии подростки приобретают прежние: слесарей, токарей, фрезеровщиков, шлифовщиков. Как двадцать четыре года назад, как теперь в московском училище при заводе «Калибр». Но что-то я не слышала и не видела там, в Челябинске, чтоб в сентябре училище № 5 зазывало к себе ребят. Если бы на учебных заведениях вывешивали, как в театрах или в гостиницах, аншлаги вроде «Все билеты проданы» или «Мест нет», то подобным объявлением можно было бы разукрасить фасад скромного двухэтажного дома еще в середине августа. Мест было 180, а желающих — около четырехсот. Еще тогда я удивилась: «Что это у вас конкурс, как в вузе?»

Василий Михайлович Волков, директор училища, будто оправдывался:

— А мы агитируем. Весной мастера идут в школы, рассказывают, что у нас и как. Потом сами ребята любопытствуют, родители наведываются, а в июне, как только кончаются у восьмиклассников экзамены, смотрим — пошло. Мы и работу свою приспособили к приходу новичков. Прежде всего везем в совхоз на прополку, на сбор ягод. Там они и перезнакомятся друг с другом и окрепнут. К осени — сюда, в училище. Красить, белить, чистить, мыть. По этой причине, грешным делом, я десятый год с отпуском зимовничаю...

Слушала я его и думала: оно, конечно, умно,— и пропаганда и полезные каникулы,— да только в них ли суть?..

ДОМ БЕЗ ЗАМКОВ

Дом старый, тесный. Стоит в самом неподходящем, сутолочном и шумном месте — на привокзальной площади. Выщербленные ступени, узкие коридоры. И вдруг, как сюрприз, современная тонконогая подставка с разноцветными кашпо для цветов. На втором этаже классы. Небольшие, неудобные. А как оборудованы! Парты? Ни одной. Изящные каркасные столики с верхом из пластика. Решетчатые полочки для папок и портфелей. Мягкие сиденья на винтах, как у пианистов. И в каждом кабинете свой стиль, свой цвет, гармонирующий с окраской стен. В одном — чертежные доски на особых столиках, в другом — пюпитры, в которые вставляются планшеты с набором изучаемых инструментов. В кабинете электротехники преподаватель раздвинул коричневую доску, и раскрылась матовая поверхность экрана. Дневное кино. Да есть ли оно во всех полных средних школах, считающихся хорошими?

Внизу мастерские. Снова занавески и цветы, удобные, с регулировкой сиденья перед верстаками. Хожу меж станков, работающих на полный ход, и диву даюсь. Где же важные и глухо-тупые, как сейфы, стальные тумбы? Вместо них в токарном какие-то новые легкие сооружения. Стержень, и на нем три шестигранных полки. На каждой полке рабочий инструмент. Этажерка — не этажерка. Аптечная вертушка для готовых лекарств — вот что это такое! Зато удобно-то как! Повернул ученик вертушку — достал с полки ключ, еще раз — взял щетку. Все на виду, все под рукой. На других стендах — всевозможные сверла, лерки, метчики, напильники, резцы самой разной формы и величины. И все открыто — подходи и бери.

С целью сравнения заглянула в однотипное училище № 26, что рядом. А, старые знакомые! Вровень со станком высятся громоздкие узкие шкафы. Каждый день ученики берут в кладовой свой инструмент и каждый день его волокут обратно, как на заводе.

Прихожу в пятое и спрашиваю не без иронии:

— Что это у вас все, как на выставке? У соседей не так...

Мастер меня вначале не понял, а потом рассмеялся:

— Это вы про ихние тумбочки? У нас они исчезли давно, вместе с замками, после наумовской истории. Не слыхали?

В столовой, в которой обедают ученики, работает официантка Наумова. У нее двое взрослых детей. А тогда, девять лет назад, подростками были. Старшая девочка училась и особых неприятностей матери не причиняла, а вот сын... Гонял, лоботряс, по улицам, связался с какой-то подозрительной компанией, бросил учебу. Приметил все это Волков. Подошел к Наумовой в обед и говорит: «Пока твой малец не попал куда не следует, веди его ко мне...»

В токарном цехе у станков стояли тумбочки. Одна на четырех. Четыре дверцы, четыре замка. Замки оценивались на вес: чем тяжелее, тем надежнее. У наумовского соседа был самый большой: двухфунтовый, амбарный. Для Юрки Наумова, однако, не существовало запоров. Пробивался к соседу через свой ящик, в котором продавливал дно, а не к соседу — подобранным ключом. Хоть и брать особо нечего было — тот же самый у всех инструмент, те же самые резцы и сверла,— но Юрке такое занятие нравилось. Все равно что сманивать чужих голубей, до которых был ненасытно охоч. Ни разговоры, ни взыскания на него не действовали. И вот однажды вечером, когда шло учительское собрание, кто-то взломал стол мастера в токарном цехе. Пропажа обнаружилась только на следующее утро. Одних штангенциркулей не хватало двенадцати штук. Пахло нешуточной суммой...

Подозрение пало, конечно, на Наумова. И оно подтвердилось. Кое-кто из учеников видел, как Наумов прятал инструмент под крышу при выходе из мастерской во двор. А что не вместилось — раздал «помощникам». Участвовал в «операции» не один.

Директор приказал составить список недостачи. Бухгалтер подбил итог. Свыше тысячи ста руб-

Синяев, д'Артаньян и другие

лей по старым деньгам. Счет предъявили родителям двенадцати учеников — участников «операции». Или платите, или дело передается в суд. Погасили, конечно. Мастер, в группе которого все произошло, ходил удрученный со старостой и комсоргом по магазинам, покупал штангенциркули, линейки, очки...

Перед тем, как разложить все по местам, собрал директор совет.

— Вот что, товарищи.— Василий Михайлович встал из-за стола и в упор всматривался в каждого.— Пора снимать замки.

Мастера молчали. Внутренне они соглашались с ним, но было как-то страшно. А что потом получится? Ведь всюду, во всех училищах жили так, с запорами.

— Поймите, если их не будет, красть станет просто неинтересно.— Директор бил на элементы занимательности и риска, которые таит в себе для Наумова воровство.— А насколько станет легче мастерам! Представили? Все доступно, наглядно. Эх, если бы так на заводах! Кладовые и инструментальные уменьшились бы наполовину, а потери времени у рабочих — на добрую четверть смены. Это же миллиарды деталей дополнительно! Миллионы рублей.

— Ну и утопист же ваш директор! — не удержалась я, вспомнив про длинные грохочущие пролеты цехов с сотнями различных станков, с тысячами рабочих.

— Это почему же? — обиделся мастер.— Ведь ходят же трамваи без кондукторов. Есть магазины самообслуживания — подходи и выбирай. Да и в нашей системе профтехобразования по нашему примеру на открытую выкладку перешли многие челябинские училища. Даже с заводов приезжали смотреть. Пусть вникают. Может, позаимствуют кое-что.

— И ничего не пропадает у вас?

— Представьте себе, нет. С тех пор не случалось.

— А что же стало с Наумовым?

— Директор был прав. В замках собака была зарыта. Признался тогда Юрка во всем. «Виноватый,— сказал,— все. Кончил». Действительно, с той истории как отрезал. Работал по окончании на ЧТЗ. Отслужил в армии. Женился. Дочь растет.

КАК СНИМАЮТ СТРУЖКУ

Валерка лежал на диване и, прикрыв фонарик одеялом, чтоб свет не мешал матери, читал «Трех мушкетеров». Во второй раз. Ему нравился д'Артаньян, смелый, находчивый, ловкий. Мальчишке хотелось стать похожим на него. Но как? Как выделиться среди всех, отличиться? Может быть, задавшись такой целью, он стал первым учеником в классе? Отнюдь. Не приученный с детства к труду — мать старалась избавить его от всяких домашних хлопот и забот,— он избрал линию наименьшего сопротивления. Стал изощряться в остроумии, оттачивая вместо клинка шпаги свой язык. Было бы полбеды, если б словесная дуэль ограничивалась товарищеским кругом. Дерзкий мальчишка стал развлекаться на уроках. Он бросал реплики, подсказывал сущую чепуху, лишь бы стать центром внимания. Из училища в первый же день после торжественной линейки и первого урока храбрый мушкетер сбежал.

— Не хочу быть слесарем,— бушевал юный д'Артаньян дома.— Копаться в масле и ходить с черными ногтями? Не буду. Не пойду!

На другой день пришлось все же пойти. Уговорила мать.

Толстую чурку железа надо превратить в молоток. Чурка закреплена в тиски, и вот жми, дави напильником. Вперед-назад, вперед-назад. Скучное, нудное это занятие. Валерий смотрит в окно. Там голубое небо, высокое и прохладное. На каток бы! Он со злостью швыряет напильник об пол.

— Николаев!

Мастер с укоризной смотрит из-под очков на ученика. Но тот невозмутим, как будто ничего не произошло.

Отойдет Юрий Алексеевич, Валерка изловчится, мазнет пальцем по свежему запилу кому-нибудь. А это все равно что смазать металл маслом. Напильник скользит, как санки с ледяной горы. Или схватит чертилку и давай ею разукрашивать стену.

Тихо в мастерской, пусто. Все ушли по домам. Только один Николаев оставлен. Долго разговаривает с ним Юрий Алексеевич по душам. Рассказывает о себе. Сам он мастер молодой, кончал это же училище, в котором все-все, от побелки потолков и до элегантных столиков, сделано руками таких же ребят, как Николаев.

Молчит Валерий, отводит глаза в сторону. Извиняться не в его правилах. Только буркнет, уставившись на ботинки: «Не буду больше».

Проходит день-другой, и снова начинаются проделки, но теперь уже в другом стиле. Засунет в нагрудный карман коробку от дорогих папирос. Все знают, что он не курит, но надо же ему выставить себя напоказ! Или оденется пижоном, не по форме. Мать из последнего тянулась (отец ушел из семьи), себе отказывала, чтоб сынок выглядел понаряднее. А на уроке сынок анекдоты рассказывает, и все покатываются со смеху. Ему замечание, а он вежливенько так: «Позвольте, но я не совершил никакого криминала. Никого не ударил, ничего не тронул»,— и делает такую изысканную улыбочку. А что после этого бывает, известно: наказание.

— Опять Николаев моет коридор? — смеялись, проходя, фрезеровщицы.

— Как же, он у нас главный подметала,— медленно, растягивая нежным голосочком слова, пропела девчонка с русыми косичками и капроновыми, как белые розы, бантами за ушами.

Валерка с яростью глянул в ее глаза — большие, голубые, с насмешкой — и неожиданно для себя покраснел до самых корней волос...

На втором году обучения началась сборка ножовочных станков, которые выпускало училище. То ли возник у него интерес к ним, то ли почувствовал, что это настоящая работа и нельзя ее выполнять спустя рукава, то ли еще что с ним произошло, но в один прекрасный день Николаев подошел к мастеру.

— Юрий Алексеевич, дайте мне, пожалуйста, стойку.

До этого он шабрил станину. Для стойки требуется особая точность обработки. Это ответственный узел. Мастер ничем не выдал своего удивления, но разрешил и стал наблюдать, как бы не запорол литье. Николаев старался. Очень старался. Лицо раскраснелось, на носу блестели росинки. Работал быстро, и мастер про себя отметил, что хорошо. Конечно же, он мог и раньше так, но только валял дурака!

Во время экзаменов Валерка бегал в канцелярию и просил разрешения позвонить. «Мама, получил четверку!» — сиял он в телефонную трубку или: «Мама, поздравь, пятерка!» Совсем он стал другим. Теперь он мог, не краснея, посмотреть той насмешливой девчонке в глаза. И с удовольствием делал это. И озорники, когда он будто ненароком захаживал во фрезерный, кричали вслед: «Эй, не пускайте Николаева, мы знаем, зачем он туда идет!»

Началась заводская практика. Надо было видеть, как переживал Маркин за своих ребят — ведь это была первая в его жизни группа.

— Ну и дал ты нам парня! — встретил его механик цеха ДМЦ-2.

— Который это?

— Да черненький такой, шустрый. Как его? А, Валерка!

У Маркина дрогнуло, будто оборвалось, сердце. Подвел, подвел, значит...

— Золото — не парень. Что ни дашь — сделает. Схватывает на лету.

Как человек к людям, так и люди к нему. Всего отдавал себя Валерка, и тепло, по-отцовски принял его в свой коллектив тракторостроители. Через год, этой весной, присвоили звание ударника коммунистического труда. Таким знали его в цехе. А за порогом?

Комната у Николаевых маленькая. Кровать матери стоит напротив дивана сына. Сын сидит на диване. Читает. А мать на четвереньках ползает внизу, у его ног. Красит пол. Торопится. Прибежала в обед. Сын молча, лениво подбирает ноги. Он не удостаивает мать разговором. Они в ссоре. Ему нет никакого дела до нее. Он снова стал грубить. Пригрозил, что разделится с ней в хозяйстве. Не будет отдавать получку. А захочет — возьмет и женится: совершеннолетний, восемнадцать минуло. На голубоглазой фрезеровщице? Да нет, та забыта. Появилась другая избранница. Бойкая копировщица. Окончила, между прочим, одиннадцать классов. У него пока девять, с тройками.

И снова в тревоге Маркин. Что он, однако, может сейчас предпринять? Слушает горестный рассказ матери и вздыхает: «Идите в цех. Я им тоже скажу. Мы передали его на завод с рук на руки. А там крепкие руки. Там рабочие руки...»

В цехе удивились. Такой обходительный, аккуратненький... Расстроились. А ведь поверили было ему...

Разговор происходил у механика. Под жестким взглядом нескольких пар непрощающих глаз. Пока при закрытых дверях. Знаете, как можно снимать стружку? С глубокой подачей, алмазным резцом. Только синеет хрупкий стальной серпантин, дробится на кусочки, разлетается в стороны, обнажая гладкую, ровную поверхность. Очень важно снять окалину и стружку дочиста.

ЗА БРАТОМ БРАТ

С Сережкой я познакомилась в мастерской инструментальщиков, и он сразу произвел впечатление человека степенного, весьма самостоятельного и даже строгого. Ученики стояли шеренгой и смотрели на классную доску, на которой мастер показывал, как надо на металле восстанавливать перпендикуляр.

Сережка — самый крайний на левом фланге; когда он принес заявление в училище, Валя-секретарша жестоко ранила его: «Ты, мальчик, ростом не удался, до тисков не дотянешься». Круглое, скуластое лицо его с оттопыренными загоревшими ушами и гривкой горшочком, было сосредоточенно и хмуровато. Брови насуплены. И только глаза, полные трудно скрываемого детского любопытства, выдавали его с головой: то, что он видел и делал тут, по-настоящему его интересовало. За верстаком он так расчертил параллельными линиями медную пластину и разметил на ней шестигранник, что мастер Аверьянов, посмотрев, сразу признал хорошую руку. «Будет из него толк».

— Кто таков? — спросила я у Аверьянова.

— Синяев-третий. У меня учились и два его брата. Сашу, Синяева-второго, выпустил летом. А Борю, Синяева-первого,— несколько лет назад. Прекрасные ребята! Лекальщики. Боря работал до действительной в 1-м инструментальном цехе на ЧТЗ. Все по второму классу точности, не ниже. Счет на микроны. Да и тут, в училище, отличался. Помню, арабский заказ шел у нас — понравились в Каире тиски нашей конструкции с вертикальным и горизонтальным перемещением. Он перевыполнил по ним свое задание. Потом действующую модель ножовочного станка для ВДНХ делали. Сами ребята и чертежи чертили, и все остальное тоже сами. Борис за ту модель получил бронзовую медаль с выставки, да еще радиоприемник в придачу прислали ему. Да и верстаки, которые стоят сейчас,— тоже продукция ребят того выпуска, 1960 года. Пришли взамен старых, с замками. Помню, петли от замков еще торчали, как кабаньи клыки.

Аверьянов подвел меня к верстаку.

— Значит, Сережа стоит за тем верстаком, который сработал старший брат?

— И на его же, Борином месте. Видите, номер двадцать четыре? Саша, средний, тоже тут стоял. Фамильное, так сказать, место. Берегу специально для Синяевых. А готовальню, которая у Сережи, выполнял Саша. Он у нас, кроме того, стал гимнастом. Разрядник. Увидите его — обратите внимание, как сложен. Премировали его за учебу путевкой в турпоход.

Чтоб познакомиться поближе с Синяевыми, я напросилась к Сережке в гости. Добираться к ним долго, через весь город — троллейбусом, трамваем, а потом еще идти. Мой попутчик, петушиный хохолок которого вровень с моим локтем, учтиво пропускает меня в вагоне вперед, как и положено солидному человеку. И, как положено занятому, деловому человеку, он очень немногословен, особенно когда речь заходит о нем. Так, бросит слово-другое. Что читает? Про радиотехнику и космонавтов. Недавно интересовался изобретателем радио Поповым.

— Семья большая у вас?

— Как вам сказать,— озадачил меня Сережка.— Что вы имеете в виду: вообще или в частности?

Тут я даже растерялась и не знала, что ответить, если б не выручил меня сам собеседник. Дело в том, что два самых старших брата — Вова и Юра — отделились. Живут своими семьями. Вова — техник, а Юра учится в институте, в Москве. Боря служит во флоте, на Дальнем Востоке. Сестра Катя поступила нынче в техникум. Брат Женька — в седьмом. А Валя совсем мала — в пятом...

— А отец что делает?

— Работает. Мастер.

— Не на Тракторном, случайно?

— А то где ж! — снисходительно ответил он, удивляясь, что еще может быть на свете какой-то завод лучше Тракторного.

— Ну, а игры? Во что любишь играть? — совсем робко спросила я.

— Пинг-понг. Но футбол живее...

В этом я убедилась, когда мы наконец подошли к чистенькому, в садочке домику с голубыми наличниками. Едва затворилась за нами калитка, как мелькнули за частоколом оттопыренные уши и коричневый, картошкой нос. Потом узнала я, что на улице начинался первый тайм... Убежал, пострел. Однако сложный и у Сережки характер!

Гостью пришлось занимать Саше, Синяеву-второму. Упругий, гибкий, сразу видно, что спортсмен, он проводил меня в мастерскую в сарае. Предупредил, что она еще не готова, но, как поднакопит деньжат, намеревается купить набор слесарных инструментов за сорок пять рублей.

На примитивном верстаке — тиски, точило с моторчиком, электродрель, клещи, молотки, напильники и множество железяк разного рода. Тут же мотоцикл, старый, разбитый, мать говорит, негодный, еще Юрин. Загонял его Боря, а он, Саша, собирается восстановить машину.

Но больше всего любит юноша строить модели самолетов и ракет. Когда рассказывает о них, зеленоватые его глаза становятся совсем малахитовыми. Мечтает стать конструктором. А почему бы и нет? Он не только рабочий ЧТЗ, но и учится в десятом классе.

1895 ЕСЕНИН, 1965
КАКОЙ ОН БЫЛ

Юрий ПРОКУШЕВ

Каждый раз, когда я с волнением вглядываюсь в строки неизвестного письма Есенина, я думаю о примечательной судьбе эпистолярного наследства поэта.

В самом деле, долгое время мы мало что знали о письмах Есенина, так мало, что порой казалось, их не было совсем.

Письма не печатали. О них почти не говорили. И вдруг: одна, вторая, третья публикация есенинских писем... Какой живой интерес вызвали они у читателей! Было это лет десять тому назад. Сколько нового тогда узнал читатель из писем о жизни поэта! Поражала предельная искренность. Как и в стихах, в письмах не было ни одной фальшивой ноты. Сердце, душа Есенина в них были как на ладони.

Вспомним письма молодого поэта к другу юности Панфилову.

«...Гриша! Как нелепа вся наша жизнь. Она коверкает нас с колыбели, и вместо действительно истинных людей выходят какие-то уроды.

...Человек! Подумай, что твоя жизнь, когда на пути зловещие раны. Богач, погляди вокруг тебя. Стоны и плач заглушают твою радость. Радость там, где у порога не слышны стоны».

«Ну ты подумай, как я живу,— замечает Есенин в другом письме,— я сам себя даже не чувствую. «Живу ли я, или жил ли я?» —такие задаю себе вопросы после недолгого пробуждения... Я употреблю все меры, чтобы проснуться».

«Благослови меня, мой друг, на благородный труд. Хочу писать «Пророка», в котором буду клеймить позором слепую, увязшую в пороках толпу».

Как много открыли когда-то мне эти письма! Пожалуй, даже больше, чем иные из ранних стихов поэта. (Тогда, в 1955 году, я готовил их к публикации в альманахе «Литературная Рязань».)

После этих писем многим пришлось по-иному посмотреть на юность Есенина.

А заграничные письма поэта! Какая в них любовь к России, какая верность Родине! Как далеко видел Есенин! Перечитайте эти письма.

Поэта потрясла на Западе сатанинская власть доллара и бездушное царство мещанства. «Пусть мы нищие,— писал он из Европы,— пусть у нас голод, холод... зато у нас есть душа, которую здесь сдали за ненадобностью в аренду под смердяковщину».

Теперь опубликовано более ста писем Есенина. Все они вошли в пятый том собрания его сочинений.

Бывает так: тома с письмами иного писателя расходятся далеко не сразу, их даже печатают меньшим тиражом.

Пятый том Есенина был выпущен полумиллионным тиражом! Купить его почти невозможно. Он давно стал библиографической редкостью.

Все ли письма Есенина известны? Нет! Далеко не все. Продолжается их поиск. О некоторых письмах можно сказать, когда они примерно были написаны и даже... кому адресованы. Неизвестно пока лишь одно: где они находятся. Придет время, и мы обязательно их прочтем.

Каждая такая есенинская находка имеет свою историю. Почти за каждой разные судьбы людей, чаще это современники поэта. Воспоминания их как бы раздвигают рамки событий, о которых речь идет в письмах Есенина.

Об одной из таких памятных для меня историй и хотелось рассказать. Неизвестное письмо Есенина, связанное с ней, публикуется здесь впервые.

В то время я собирал материалы о работе молодого поэта в типографии Сытина.

Однажды в редакции многотиражки «Правда полиграфиста» узнаю, что в корректорской Первой образцовой типографии (бывшей Сытина) долгие годы работал корректор, который знал Есенина. Фамилия его Ливкин. Недавно он ушел на пенсию. Товарищи из редакции сообщили его адрес.

Что подтолкнуло меня тогда, трудно сказать. Но прямо из редакции я отправился к Ливкину.

Мог ли я в ту минуту предполагать, что именно здесь найду одно из интереснейших ранних писем Есенина!

— Ливкин, Николай Николаевич,— протягивает мне руку, здороваясь, высокий, седой, немного сутуловатый человек, с очень доброй, располагающей улыбкой и такими же добрыми, грустными глазами. Во всем его облике была какая-то удивительная простота и естественность. Разговаривать с ним было легко и приятно.

К сожалению, оказалось, что вместе с Есениным у Сытина он не работал. Но встречаться встречался. И вот при каких обстоятельствах. В Москве в четырнадцатом году стал выходить литературный журнал «Млечный путь». Издавал и редактировал его на свои скромные сбережения Алексей Михайлович Чернышев. Он охотно печатал в журнале поэтическую молодежь.

Во втором номере «Млечного пути» за 1915 год Ливкин, тогда студент Московского университета, опубликовал три своих стихотворения. В этом же номере со стихотворением «Кручина» выступил Есенин. А вскоре после этого они встретились на одной из литературных «суббот» в редакции «Млечного пути».

— В этот вечер, — вспоминает Ливкин,— меня познакомили с очень симпатичным, застенчивым пареньком в синей косоворотке. Это был Сергей Есенин. Я впервые услышал его стихи.

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

В комнате смолкли все разговоры. Звучал лишь взволнованный, неповторимый голос Есенина. Он кончил читать. Все молчали. Не могу объяснить, как тогда это у меня получилось, но, знаете, я не выдержал этой тишины и воскликнул: «Это будет большой, настоящий поэт. Больше всех нас, здесь присутствующих».

Я заметил, что в ту пору стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...» покоряло самых взыскательных слушателей. Так, будучи у известного профессора русской словесности Сакулина, Есенин по просьбе последнего дважды читал это стихотворение. А профессор знал толк в поэзии! Надо сказать, что и сам поэт первое время был в какой-то мере «загипнотизирован» этим стихотворением. Он повторял его много раз.

Николай Николаевич рассказывает о других молодых «млечнопутцах», с которыми встречался Есенин. Мы рассматриваем тоненькие журнальные тетрадочки. Это номера «Млечного пути» за пятнадцатый, шестнадцатый годы. Они — кусочек истории. Потускнели от времени журнальные обложки, пожелтели страницы. Читаю отдельные стихи, просматриваю рассказы. Известные и забытые авторские имена: Николай Ляшко и Илья Репин, Ф. Шкулев и Юрий Зубовский, Новиков-Прибой и П. Терский, Игорь Северянин и Иван Коробов, Спиридон Дрожжин и Сергей Буданцев.

Вот номер «Млечного пути», где впервые было напечатано стихотворение Есенина «Выткался на озере алый свет зари...». Вглядываюсь в знакомые строки.

Сергей Есенин в 1915 году.





— Да,— замечает Николай Николаевич,— стихов в этом номере напечатано было, как видите, порядочно, а кто помнит их в наши дни, кроме одного — есенинского! Признаюсь, немного странно, но каждый раз, перечитывая стихотворение «Выткался на озере алый свет зари...», я испытываю такое чувство, словно я сам его написал.

После первого знакомства Ливкин еще несколько раз виделся с Есениным.

— Памятен мне один разговор,— рассказывает он.— Было это перед отъездом Есенина в Петроград. Поздно вечером мы шли втроем: я, поэт Николай Колоколов и Есенин — после очередной «субботы». Он возбужденно говорил: «Нет! Здесь, в Москве, ничего не добьешься. Надо ехать в Петроград. Ну, что! Все письма со стихами возвращают. Ничего не печатают, нет, надо ехать самому... Под лежачий камень вода не течет». Мы шли из Садовников,— продолжает Ливкин.— Там помещалась редакция «Млечного пути». Вышли на Пятницкую. Остановились у типографии Сытина, где Есенин одно время работал помощником корректора. Говорил один Сергей: «Поеду в Петроград, пойду к Блоку. Он меня поймет». Наконец мы расстались. А на следующий день он уехал.

Как же дальше сложились отношения Ливкина с Есениным? Были ли у них еще встречи, переписывались ли они? Интересуюсь у Николая Николаевича. Он почему-то медлит с ответом, словно что-то решает для себя. А потом говорит, что, к сожалению, он сделал тогда, по молодости, один довольно необдуманный шаг, поставив им Есенина в несколько затруднительное положение. Правда, через некоторое время все обошлось и выяснилось. Более того, Есенин прислал Ливкину дружеское, откровенное письмо.

Надо ли говорить, как хотелось мне после всего, что я услышал, побыстрее увидеть это письмо, подержать его в руках, почитать!

Но радость была преждевременной. Есенинского письма у Ливкина не оказалось. Еще до Отечественной войны, он, уступая настойчивым просьбам своего близкого друга, собирающего писательские автографы, передал ему письмо Есенина. Я был готов хоть сейчас вместе с ним отправиться к его другу. Но оказалось... что он умер вскоре после войны. Видя мое огорчение, Николай Николаевич поспешил меня успокоить, сказав, что автограф, по всей видимости, должна была сохранить вдова друга. Я спросил, нельзя ли нам поехать к этой женщине. Ливкин ответил, что она долгое время болела и, возможно еще находится в больнице. Он пообещал мне в ближайшее время повидать ее и разузнать о судьбе есенинского письма.

Уходил я от Николая Николаевича поздно вечером.

Прошло недели две, и я получил от Ливкина открытку. Он просил меня приехать к нему.

И вот я держу в руках автограф Есенина. Небольшие четыре странички исписаны убористым почерком. Вверху на листе дата: «12 августа 16 г.».

«Сегодня,— писал Есенин Ливкину,— я получил ваше письмо, которое вы писали уже больше месяца тому назад. Это вышло только оттого, что я уже не в поезде, а в Царском Селе при постройке Федоровского собора.

Мне даже смешным стало казаться, Ливкин, что между нами, два раза видящих друг друга, вдруг вышло какое-то недоразумение, которое почти целый год не успокаивает некоторых. В сущности-то ничего нет. Но зато есть осадок какой-то мальчишеской лжи, которая говорит, что вот де Есенин попомнит Ливкину, от которой мне неприятно.

Я только обиделся, не выяснив себе ничего, на вас за то, что вы меня и себя, но больше меня, поставили в неловкое положение. Я знал, что перепечатка стихов немного нечестность, но в то время я голодал, как, может быть, никогда, мне приходилось питаться на 3—2 коп. Тогда, когда вдруг около меня поднялся шум, когда мережковские, гиппиусы и Философов открыли мне свое чистилище и начали трубить обо мне, разве я, ночующий в ночлежке по вокзалам, не мог не перепечатать стихи уже употр[ебленные]? Я был горд в своем скитании. То, что мне предлагали, я отпихивал. Я имел право просто взять любого из них за горло и взять просто сколько мне нужно из их кошельков. Но я презирал их: и с деньгами и со всем, что в них есть, и считал поганым прикоснуться до них. Поэтому решил перепечатать просто стихи старые, которые для них все равно были неизвестны. Это было в их глазах, или могло быть, тоже некоторым воровством, но в моих ничуть. И когда вы написали письмо со стихами в н. ж. д. в. (речь идет о «Новом журнале для всех».— **Ю. П.**), вы, так сказать, задели струну, которая звучала корябающе.

Теперь я узнал и постарался узнать, что в вас было не от пинкертоновщины все это, а по незнанию. Сейчас, уже утвердившись во многом и многое осветив с другой стороны, что прежде казалось неясным, я с удовольствием протягиваю вам руку примирения перед тем, чего между нами не было, а только казалось. И вообще между нами ничего не было бы, если бы мы поговорили лично.

Не будем говорить о том мальчике, у которого понятие о литературе, как об уличной драке. «Вот стану на углу и не пропущу, куда тебе нужно». Если он усвоил себе термин ее, сейчас существующий: «Сегодня ты, а завтра я», то в мозгу своем все-таки не перелицевал его. То, что когда-то казалось другим, что я увлекаюсь им, как поэтом [1], было смешно для меня иногда, но иногда принимал и это, потому что во мне к нему было некоторое увлечение, которое чтоб скрыть иногда от других, я заставлял себя дурачиться, говорить не то, что думаю, и чтоб сильней оттолкнуть подозрение на себя, выходил на кулачки с Овагемовым. Парнем разухабистым хотел казаться. Вообще, между нами ничего не было, говорю вам теперь я, кроме опутывающих сплетен. А сплетен и здесь хоть отбавляй, и притом они незначительны.

Ну, разве я могу в чем-нибудь помешать вам как поэту? Да я просто дрянь какая-то после этого был бы, которая не литературу любит, а потроха выворачивает. Это мне было еще больней, когда я узнал, что обо мне так могут думать. Но, а в общем-то, ведь все это выеденного яйца не стоит.

Сергей Есенин».

Сергей Есенин и Леонид Леонов. Снимок сделан в редакции журнала «Прожектор» в 1925 году.

Несколько раз перечитываю с волнением есенинское письмо. По фактам, которые в нем приводятся, это, бесспорно, одно из интереснейших писем Есенина, относящихся к петроградскому периоду его жизни. То, что до этого можно было предполагать по ряду других материалов, то, о чем было известно по рассказам современников, теперь мы узнавали от самого поэта.

Многое, очень многое открывает это письмо в характере Есенина, его взглядах на писательский труд, литературу. Из письма хорошо видно, как нелегко жилось Есенину поначалу в Петрограде.

И еще одно очень важное обстоятельство. Известно, что вокруг имени Есенина вскоре после появления его в Петрограде был поднят сенсационный шум. Вспомним хотя бы статью о Есенине Зинаиды Гиппиус, озаглавленную «Земля и камень».

Чувствовал, понимал ли тогда молодой поэт всю фальшь этих восторженных «ахов» и «охов», подноготную суть писаний и публичных высказываний о нем, наконец, барски снисходительный тон в декадентских салонах по отношению к нему? Да, чувствовал. Это отмечали в своих воспоминаниях те, кто встречался с молодым поэтом в Петрограде. Об этом мы можем судить и по более поздним высказываниям Есенина. Теперь из письма видно, с каким глубоким презрением уже тогда относился поэт ко всем этим гиппиус и мережковским.

Чтобы выяснить поподробней некоторые моменты, о которых в письме идет речь, я поинтересовался, о какой «перепечатке стихов» упоминает Есенин и что поставило его в «неловкое положение». Ливкин рассказал мне, что однажды — при каких обстоятельствах, он уже сейчас не помнит — в его руках оказался «Новый журнал для всех», издаваемый в Петрограде, где было напечатано стихотворение Есенина «Кручина», до этого опубликованное в «Млечном пути».

Как Ливкин заметил, он относился к «Новому журналу для всех» по-особенному ревностно. Уже печатаясь в московских и петроградских журналах, он несколько раз посылал свои стихи в «Новый журнал для всех». Но они возвращались к нему обратно. И вот, когда он увидел в этом журнале стихи Есенина, да еще к тому же до этого напечатанные в «Млечном пути», он, явно погорячившись, толком ни о чем не подумав, заклеил в конверт несколько своих и чужих стихотворений, уже напечатанных в «Млечном пути», и послал их в редакцию «Нового журнала для всех». «При этом,— рассказывает Николай Николаевич,— я написал, что это, очевидно, не помешает вторично опубликовать эти стихи в «Новом журнале для всех», так как напечатанные в нем недавно стихи Есенина тоже были первоначально опубликованы в «Млечном пути». К сожалению, в тот момент я думал только о том, чтобы мои стихи попали наконец в дорогой моему сердцу журнал. И совсем упустил из виду, что мое письмо ставило Есенина в неудобное положение перед редакцией «Нового журнала для всех». Известно, что вторично печатать в журнале уже опубликованные стихи всегда считалось неэтичным. Это и послужило поводом к нашей «ссоре» с Есениным. Спустя некоторое время, как я вам говорил, все обошлось. По совету редактора «Млечного пути» А. М. Чернышева я написал письмо Есенину с извинениями и объяснениями и получил ответ, который вы уже знаете.

Но должен вам сказать откровенно, что я никогда не мог простить себе сам своего необдуманного, мальчишеского поступка.

Что же касается моей мечты о «Новом журнале для всех», то я так и не попал на его страницы».

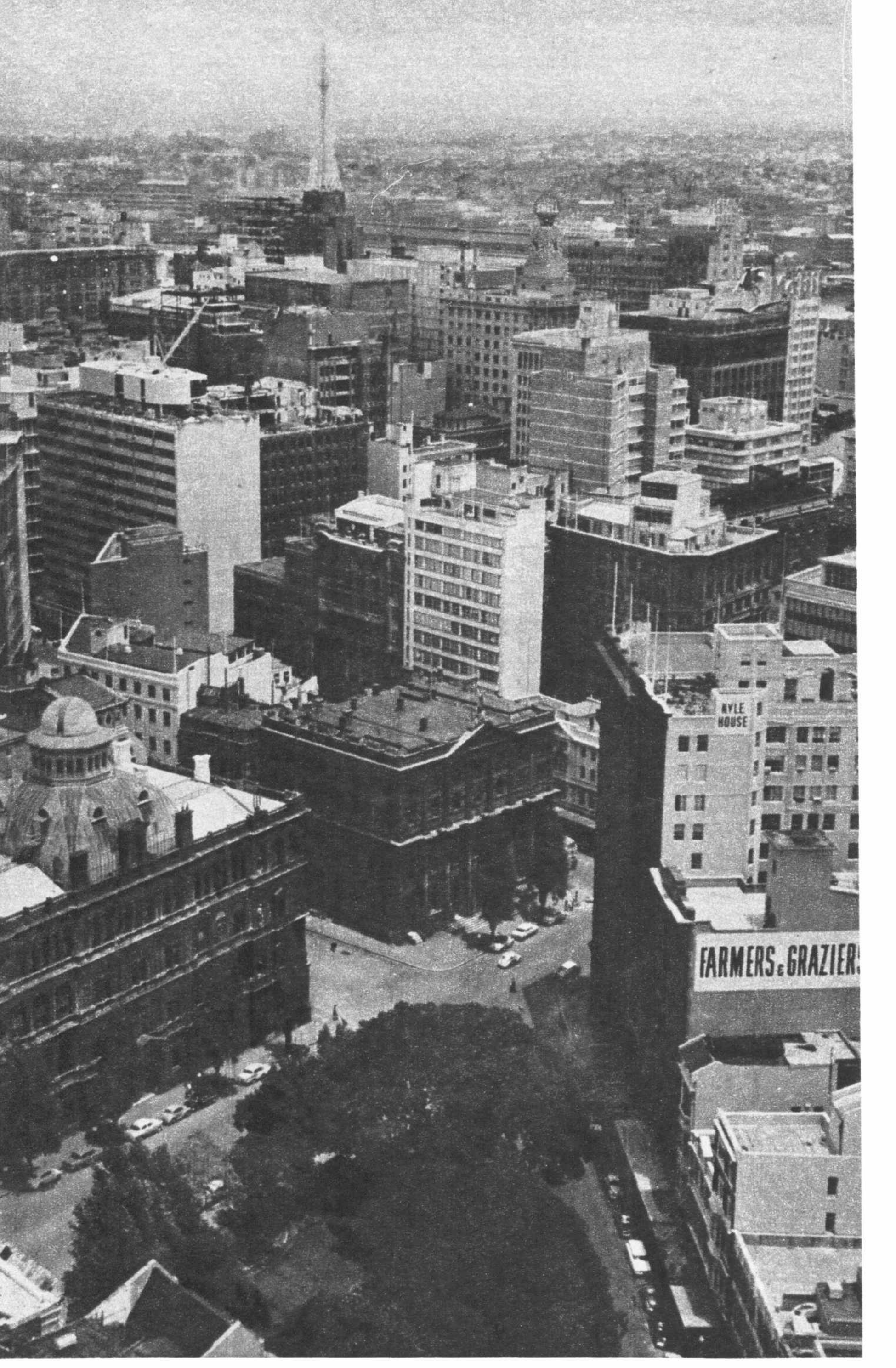
Вот и вся история есенинского неизвестного письма. Нет! Письма Есенина не пропадают бесследно. Не я, так кто-нибудь другой встретился бы с Ливкиным, а если не с ним, то с вдовой его друга, которая бережно хранила письмо Есенина все эти годы. Письма Есенина, даже порой при самых драматических обстоятельствах, попадают в конце концов в добрые, надежные руки.

В пятом томе собрания сочинений напечатано письмо Есенина к грузинскому поэту Тициану Табидзе. Нина Александровна Табидзе, вдова поэта, рассказывала мне, что, когда по ложному навету был арестован ее муж, архив его забрали, и письмо Есенина пропало. Когда же ее муж, замечательный грузинский поэт, был посмертно реабилитирован и ей был возвращен частично его архив, письма Есенина там не оказалось. Она лично хорошо знала Есенина, он бывал у них в доме, и, конечно, ее очень огорчало, что единственное письмо Есенина к Тициану Табидзе, как ей казалось, пропало навсегда. И вот однажды, вынимая из почтового ящика газеты, она обнаружила конверт, который ее несколько удивил. На нем не было ни адреса, ни других каких-либо пометок, конверт был чистый. Все же она решила посмотреть, что же находится внутри этого «загадочного» конверта. Когда она его открыла, то обнаружила в нем автограф письма Есенина к Тициану Табидзе.

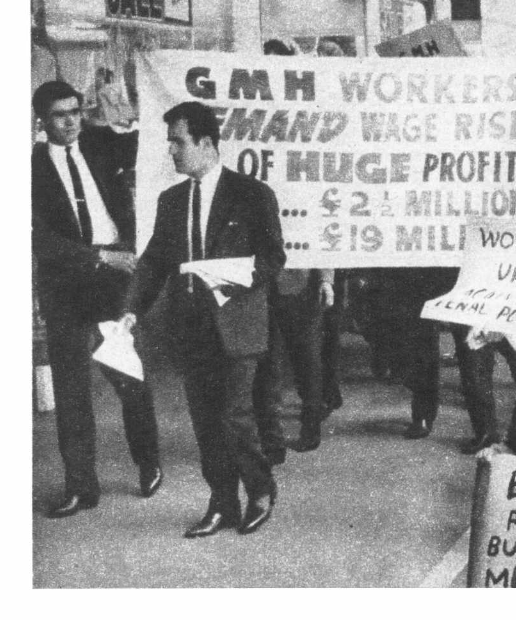
Нет! Письма Есенина не умирают...

---

[1] Речь идет об одном молодом поэте, который в то время печатался в «Млечном пути».



Сидней многоэтажный...



Мельбурн. Рабочие австралийского филиала американской компании «Дженерал моторс» требуют повышения зарплаты.

Фото Ю. Яснева.

У НАС В АВСТРАЛИИ

Фрэнк ХАРДИ



Против ядерной опасности.

Гадать глупо: можно ошибиться. Предсказывать опасно: развитие событий покажет, что ты не прав. Но в свое время я совершал поступки и глупые и опасные. Поэтому я рискну посмотреть на австралийские дела и отважусь на некоторые предсказания.

Читатели извинят меня, если я начну с экономики. Как ни скучно звучит это слово, именно экономика может дать основу для предсказаний.

Во второстепенных отраслях промышленности Австралии начиная с войны наблюдается большой рост, и они увеличили свои возможности удовлетворять развивающийся спрос местного рынка на потребительские товары. Но мы все еще вынуждены импортировать огромное количество средств производства. Наша обрабатывающая промышленность, хотя и продолжает расти, не достигла еще того уровня, когда возможен широкий экспорт австралийских товаров.

Поэтому мы зависим от вывоза сырья и полуфабрикатов, в основном шерсти и пшеницы, чтобы оплачивать расходы по импорту.

Буржуазные газеты и экономисты выражают тревогу по поводу определенных тенденций, которые сократят наши валютные резервы до опасного уровня.

Раздаются призывы увеличивать экспорт, не вводя импортных ограничений. В 1961 году такие ограничения, которые уменьшают потребность в рабочей силе в определенных отраслях отечественной промышленности, явились решающей причиной роста безработицы, когда число безработных перевалило за 110 тысяч.

«Трибюн», орган коммунистической партии, указывает, что ухудшение австралийского платежного баланса в значительной степени происходит из-за военных закупок за океаном. Непомерный рост военных расходов, о котором было объявлено в конце прошлого года, включает такой дорогой им-



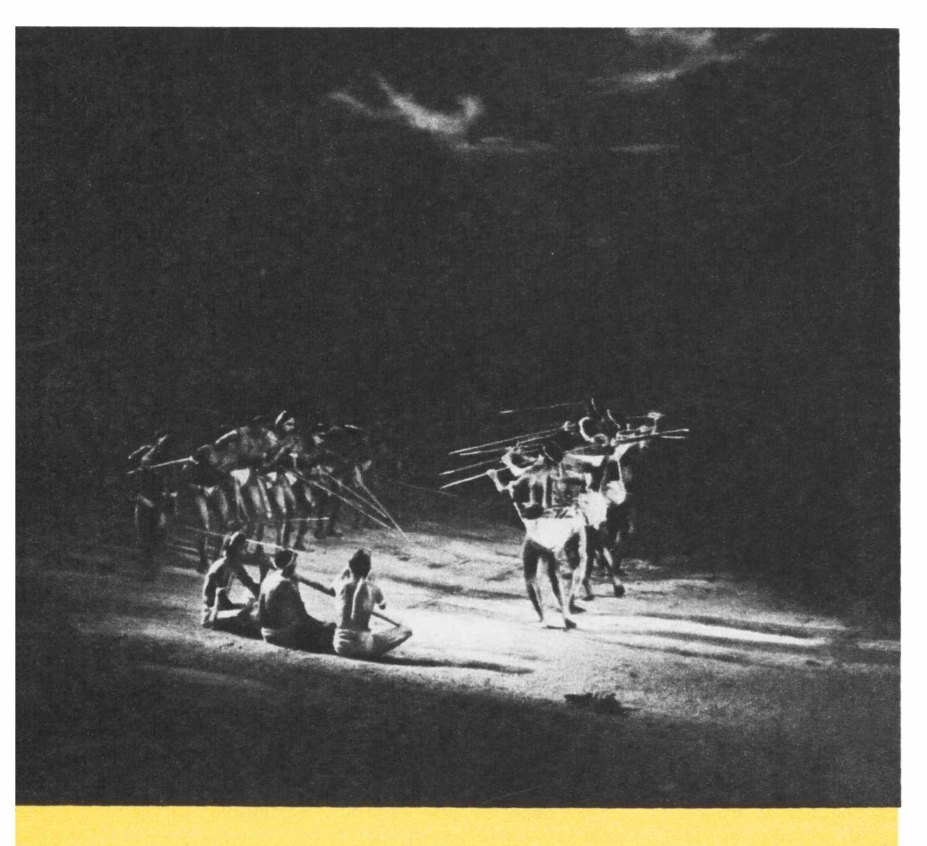
порт, как военная авиация и электронное военное снаряжение. Все это подорвало торговый баланс страны на миллионы.

Мы можем с полной уверенностью предсказать дальнейшее усиление реакционной внешней политики и растущее против нее сопротивление, особенно после недавнего введения воинской повинности в связи с поддержкой таких авантюр заокеанских империалистов, как грязная война во Вьетнаме.

В развитии австралийской экономики отчетливо проявился тревожный рост влияния монополий. Поглощение одних компаний другими, более мощными, становится почти повседневным явлением. Марксистский историк и экономист Э. Кемпбелл опубликовал памфлет «60 семей, владеющих Австралией», ставший бестселлером. В нем он показывает растущие монополистические тенденции. Может быть, правильнее было бы назвать этот памфлет «60 семей, владеющих 65 процентами Австралии», так как еще более тревожным фактом является то, что 35 из 100 крупнейших предприятий Австралии находится под контролем иностранного капитала.

Можно с уверенностью предсказать, что вложения США в Австралии будут расти, вытесняя и австралийских и британских капиталистов. Эта тенденция постоянна. Захват американскими трестами австралийских предприятий подвергся сильной общественной критике.

Можно также предсказать рост борьбы против монополий, особенно против иностранных. Американская экономическая мощь в Австралии выражается в контроле над автомобильной промышленностью (так называемая «целиком австралийская» машина «холден» на самом деле является целиком американской, так как 15 миллионов фунтов, свободных от обложения налогами, ежегодно уплывают из страны), над добычей полезных ископаемых и в результате махинаций голливудских фирм — над кинотеатрами.



Не так давно впервые в истории Австралии аборигены показали свои танцы на сцене сиднейского театра.

В конце прошлого года произошли две крупные забастовки, направленные против монополий США. Забастовка рабочих компании «Дженерал моторс Холден» заставила закрыть предприятия во всех штатах на три недели. Рабочим не удалось добиться повышения заработной платы — в значительной степени из-за нерешительности правого крыла лидеров Австралийского совета профсоюзов. Но во время этой первой большой забастовки в австралийском филиале «Дженерал моторс» тысячи забастовщиков научились многому.

Монополисты США не успели еще перевести дыхание, избежав поражения в забастовке рабочих «Дженерал моторс», как начали стачку шахтеры главных шахт города Маунт Айза. Причиной забастовки явилось недовольство решением промышленного суда Квинсленда снизить расценки за горные работы по договорам.

Борьба против растущей американизации Австралии приобретает многие формы. Одна неожиданная форма, поразившая заокеанских наблюдателей, выражалась в росте требований увеличить время для австралийских программ по телевидению: более 80 процентов пьес и многосерийных фильмов, демонстрирующихся по австралийскому телевидению, были сделаны в США, посвящены США, написаны американскими писателями, и в них играли американские актеры. Лишь менее 2 процентов всех телевизионных художественных передач подготавливались самими австралийцами.

Как могло возникнуть такое невероятное положение? Когда пять лет назад в Австралии начались телепередачи, в каждом крупном городе начали работать три канала: один национальный, под контролем правительства, и два коммерческих, которыми владеют капиталистические компании. Используя в качестве предлога австралийскую неопытность в технике и создании телевизионных передач, коммерческие каналы покупали американские программы: старые фильмы, новые многосерийные драмы и комедии, эстрадные и музыкальные ревю.

В то время как австралийские актеры, музыканты и писатели могут с трудом заработать на жизнь (многие из них уехали в Лондон), американские телевизионные программы отравляют эфир и буквально «заливают кровью» дома австралийцев. Большая часть таких передач, хотя и находится на высоком техническом уровне, вульгарна, носит упадочнический характер: это фильмы о «диком Западе», гангстерские фильмы и семейные комедии (последние обычно не несут каких-либо проблем—у героев всегда есть огромный дом и две автомашины, и это все, что говорится о стране, где, по словам покойного президента Кеннеди, 17 миллионов людей ежедневно ложатся спать голодными!).

Под давлением общественного мнения власти ввели систему квот, устанавливающую, что не менее 46 процентов программ должны быть австралийскими. Владельцы коммерческих каналов обходят это постановление всеми правдами и неправдами. В эти 46 процентов они стали включать спортивные передачи, передачи по кулинарии, конкурсы и даже рекламу. Правительственные каналы (Острелиэн бродкастинг камишн) передают больше австралийских программ, но им не хватает средств.

Общественное давление заставило правительство прибегнуть к старой тактике затяжек, создав Совещательный комитет в сенате, который должен был расследовать положение в телевидении.

Сенатор Винсент председательствовал на его заседаниях, и доклад комитета стал известен как доклад Винсента. Сенатор оказался человеком мужественным и честным: доклад явился жестоким обвинительным актом австралийскому телевидению, особенно его коммерческим каналам. Сенатор Винсент умер от рака, но до самой смерти он решительно боролся против правительства, которое, судя по всем признакам, хотело положить доклад в долгий ящик.

Среди прочего доклад рекомендовал резкое увеличение объема австралийских драматических и музыкальных передач. Общественное мнение всколыхнулось, требуя осуществления предложений доклада Винсента.

Но возможно, что самой большой кампанией в Австралии станет та, которую начинают профсоюзы за увеличение заработной платы.

Стоимость жизни продолжает расти, подстегиваемая крупным капиталом, и ее рост превышает увеличение заработной платы, которое было завоевано рабочими.

Можно предсказать, что в этом году здесь и за границей усилятся требования ускорить предоставление независимости Папуа. Местное население теперь более решительно выражает свои протесты и требования. Недавно четыре туземца были заключены в тюрьму по приговору тайного суда на острове Новая Ирландия за «подрывную деятельность» и угрозы освободить с помощью силы туземцев, арестованных за отказ платить налоги.

Шестеро туземцев — четыре из Новой Гвинеи и два австралийских аборигена — вернулись домой после визита в Африку. Они вернулись, как писала сиднейская газета «Дейли миррор», «привезя с собой семена недовольства». Речь идет о недовольстве своим положением у себя на родине. «Дейли миррор» на этот раз права — впервые за все время своего существования.

Австралийские аборигены Филип Робертс и Дэвис Даниел были очень откровенны после своего возвращения. Они объявили, что недавно принятые в Северной территории законопроекты, разрешающие аборигенам открыто пить спиртные напитки и пользоваться кинотеатрами наравне с белыми, являются «лишь бутафорией». Нужно гарантировать равные права на образование, на получение работы и на заработную плату, иначе неизбежны волнения. Национальным позором является то, что аборигены, работающие рядом с белыми в Северной территории и в некоторых других местах, получают лишь незначительную долю заработной платы белых.

И без опасения быть опровергнутым я предсказываю, что движение за мир в Австралии будет расти и крепнуть.

Заканчивая свои предсказания, я заключаю: пусть борьба за мир растет и крепнет во всем мире.



I

Ф

и-и-и-и-ля-я-я! — кричат по ту сторону Оки.

— Фи-и-и-и-ля-я-я, паром!

Голоса плывут над водою к излучине реки и увязают в июльских лесах. Леса не откликаются эхом. Синий, настоянный на запахе смол, листвы, трав и большой воды сумрак крадется с востока к розовой кромке заката. Дневной пал еще курится над железными крышами домов, над белой, мягкой от пыли дорогой, но у реки уже свежо и чуть знобко.

— Фи-и-и-и-ля, че-о-о-рт, паро-о-ом!—рыдают голоса.

Фигуры людей и серую в пятнах конягу, впряженную в широкий полок, еще можно разглядеть, но они уже чуть подзатушеваны вечером, неясны и расплывчаты.

— И охота людям глотку драть. Спешить-то куда? Добро б на свадьбу чи на пожар,— ворчит Филя, неторопливо шевеля пальцами босых ног.

Он лежит на пригорке подле причала и смотрит в небо. Лежит уже долго, с широко открытыми глазами. Что он видит там, в голубой июльской бездони, ведомо только ему. Медленно качается река в берегах, и в поддон парома с причмоком хлюпается вода.

— От ведь сколь места над нами — царство небесное,— философски замечает Филя.— Поди, спутников сейчас там, что маковых зерен понатыкано, а вот не видать же. Оттого, что малы покамест. Разговор есть, что вторую Луну исделают скоро. Не брехня, как думаешь?— И поворачивает ко мне лицо, все в мелких морщинках и оспинках.

— Время покажет,— уклончиво отвечаю я и осторожно добавляю:— Кричат люди-то. Паром им надо.

— Паром, говоришь? А я что, оглох, что ли?! Я, брат, при реке вот уж пятнадцать лет работаю! Я, мил человек, все слышу. Я не то что человека, я рыбу слышу. А ты — кричат...— вдруг сердится Филя, встает и шлепает широкими ступнями по гальке.

Идет он в сторону от парома, независимый, гордый.

— Фи-и-и-ля-я-я, дьявол, паро-о-о-ом!—снова плывут над водой голоса.

Людей уже не видать, и только коняга чуть маячит в вечерней сутеми.

Слышится плеск: это Филя заходит в реку, снимает с головы обтрепанную фетровую шляпу, подаренную ему, как это он утверждает, самым что ни на есть главным художником, черпает ею воду и пьет громко, с передыхом, как конь.

— Ходить будешь?— кричит он мне уже с парома, и я слышу, как с его мокрых штанов падают на палубу капли.

— Буду...

— Тады отчаливай.

Я сбрасываю со сваи чалку и иду к вороту.

— Курить дай,— требует Филя и, выдернув из протянутой мной пачки две папиросы, прячет одну за ухо, другую мнет в пальцах.

Я хожу по кругу. Скрипит ворот, струится под ногами трос, и медленно уходит, тает на глазах берег. Мы молчим. Кажется, что паром стоит на месте, а плывет только река, только небо и мелкие, с булавочную головку, звезды.

— Спичку жду!— нарушает молчание Филя, и я даю ему прикурить, пряча огонек в сложенных лодочкой ладонях.— Ходи шибче, поди, знобко в одной бобочке.

Бобочкой он называет и тенниску, и рубашку, и легкую куртку. Ему кажется, что это вполне городское слово приятно для каждого приезжего.

Я хожу за воротом, а Филя курит, и огонек его папиросы выписывает во тьме затейливые рисунки. Люди на том берегу уже не кричат, и порою кажется, что плывем мы куда-то далеко-далеко, в заповедную синь и мглу ночи. От воды поднимается пар, гулко ухают за кормой гулены-рыбы, и далеко по реке разносится приглушенный плеск и хохоток.

— Бабы на ольхах тело нежат,— замечает Филя.— Вечерняя вода, что парное молоко, кожу молодит. А ты, голубок, шибче ходи, шибче. Люди-от заждалися...— И без всякого перехода: — Люди, голубок, при большой воде завсегда явственней. Каждый как муха на ладони. Я людей ой-ё-ё сколь перевидел. Иному во сне столько не приснится. Я, брат, самого главнейшего художника, как яичко по столу, по реке катал. Со всех сторон его рассмотрел. Мы с ним навроде кумовьев стали. Ты, говорит, Филя, слышь, ви-кя-нг. Викянг — это я доподлинно запомнил. На ихнем языке это навроде водяного. А я не обижаюся, я и есть водяной, потому как при реке нашей на службе состою...

Я знаю, что теперь Филя будет говорить долго, ровно, упиваясь своим голосом, вслушиваясь в него, как в плеск воды, что бубнит под днищем парома. И речь его будет напоминать речь приокских ивняков, ход воды и ход троса, что медленно накручивается на ворот.

Я хожу по кругу, и звезды ходят надо мной в небе извечным хороводом. Так будет до тех пор, пока не зашуршит на отмели галька, пока не ткнется в расшатанный причал паром...

— Что запозднились, Филимон Митрич? Поди, час уже ждем,— почтительно доносится с берега, и я снова различаю фигуры людей и серую конягу в пятнах, впряженную в полок.

— Поспешишь — людей насмешишь. При воде работаем, Григорий Федрыч,— откликается Филя и встает рядом со мной у ворота, хотя в этом уже нет надобности.—Мягче чаль, паром-то разобьешь,— незлобно ворчит он и выбрасывает в темноту чалку.

Кто-то там на берегу ловит ее.

— На престол спешите, Григорий Федрыч?

— На престол, Филимон Митрич, к братану.

— Стал быть, в Пешню?

— В Пешню.

— Хлеба-то как у вас ноне?

— Да слава богу. Густы хлеба. Новина богатая будет.

— Председателева баба как?

— Малец. Дён как уж пять разрешилась.

— С сыном, значит, Петра Кузьмича?

— С ним...

— А с тобой-то кто?

— Моя да меньшой, Сенька.

— Глоткой вышел. Орать здоров. Умом-то как?— хмыкает Филя.

— Да вроде бог не обидел,— откликается женский голос.— А вы все, Филимон Митрич, шуткуете.

— Фи-и-и-и-ля-я-я! Па-ро-о-о-ом!— доносится с реки.

— Эвон еще оруны! Лошадь, что, председатель на праздники выдает?

— Да нет, из Пешни в район за химией поеду.

— За химией. Эвон! Какая же химия-то?

— Язык не поворачивается. Запоминал, запоминал, а как скажу, все матерно получается. Навроде дрожжей. Чтоб всяко растение, как тесто, вверх пёрло. Питания, стал быть.

— Оно понятно: химия! — солидно замечает Филя.

Парень, высокий, в сером костюме, босой, с модельными туфлями в руке, заводит на паром лошадь. Придерживаясь за полок и чуть приподняв праздничную юбку, проходит женщина. Григорий Федорович, закрепляя бортовую слегу, ловко сбрасывает со сваи чалку.

— Фи-и-и-и-ля-я-я-я! Че-о-орт! — плывет над рекой.

— Ходи шибче! — командует Филя, и мы с Григорием Федоровичем идем по кругу.

— Слышь-ка, разговор есть, что вторую Луну в небо пустят... Химия, а?

— Вполне могет. У братана на престоле деверь должон быть. Поинтересуюсь: летчиком он.

— Ага, при небе, значит. Поинтересуйся, Федрыч, поинтересуйся. А то ни по радиво, ни по телевизиру об этом ни-ни. Скучна даже.

— Фи-и-и-и-ля, дьяво-о-о-ол, паро-о-ом!— вопит мгла.

II

Ночью мы сидим в тесной клетушке-кубрике на пароме. Шаткая тесовая дверца распахнута, и с реки тянет сыростью. Синее, в конопушках звезд небо прилегло на темные кроны осокорей. Где-то далеко-далеко, за излучиной, полощется в темени желтый лоскуток.

— Рыбаки костер жгут,— говорит Филя, вглядываясь в ночь.— Можа, сетями балуют, а?— спрашивает он меня. И сам себе отвечает:— Можа...

— Сходим посмотрим,— предлагаю я.

— И то сходим.

Филя поднимается с нар, нахлобучивает на глаза шляпу и, потянувшись до хруста в костях, выходит на палубу.

— Возьми писательскую «Верку», она полехше моей, весла под нарами, ключ в рундуке.

«Верка»— легкая лодка живущего тут писателя, с голубыми бортами и синими банками, с белой вязью на носу: «Венера».

Филя не признает «заграничного» имени и величает лодку «Веркой»...

Сидим на веслах, тесно прижавшись друг к другу плечами. Вертлявая, легкая лодчонка ходко идет вдоль берега. Филя иногда глухо поругивает меня за нескладные взмахи. Слова он выбирает самые обидные, но я не сержусь на него, дорожа дружбой. Огонь на реке виден далеко, и плыть нам долго, поэтому движения наши неторопливы и расчетливы.

— Гля-гля!!!— Филя бросает весло и поднимает голову, вцепившись одной рукой в борт, другой — в мое колено.—Гля-ко! От те черт, ну чистый шмель! — восторженно шепчет он, уставившись лицом в небо.

Там, в звездной сыпучей сутолоке, медленно плывет яркая звездочка. Лодка наша уходит влево, к стрежню, звездочка плывет направо. Филя вывертывает шею, кренит лодку, прикрикивая:

— Шмель! Ну, чистый шмель! От, язви тебя



Рассказ

в душу! Видна-а-а-а! Ну, как на ладони видна-а-а-а!

Я стараюсь удержать равновесие, как могу, отгребаюсь веслом.

— Греби за ним! Греби!— командует Филя и хватается за весло.

Так мы плывем вдоль берега за крохотным комочком света в великой пустоте неба, пока он не скрывается за лесом, там, где на земле, разгораясь ярче, полощется лоскуток костра.

— Можа, новый, а?— спрашивает Филя, отрывая лицо от неба.

Я вижу восторженные его глаза, капельки пота у переносицы. И капельки и глаза искрятся под долгим светом июльской луны.

— Вот ведь чудо! Глядел бы и не нагляделся...— уже спокойно говорит он и налегает на весло.

Плывем. Филя молчит. Такое с ним бывает редко.

...Костер горит ярко. Отсветы от него шарят по реке, чернят листву прибрежных ивняков, высвечивают долгую песчаную косу. Густые человеческие тени мельтешат в ночи, слышен плеск, приглушенная вполголоса ругань, резкие хлопки по воде.

— Браконьеры!.. Воры, язви их душу!— шепчет Филя, весь напрягшийся, решительный и злой.

— Правь в камыши! Посуху брать будем!

— Может, купаются?— осторожно высказываю я предположение.

— Купают-с-с-ся!— шипит Филя.— Мициён! Курорты!.. А сеть, чтобы утопленников не было? Да? — И зло: — Табань в камыши! С поличным брать будем!

ля-
одяной

Юрий **СБИТНЕВ**

Рисунок А. Лурье.



«Венера» щукой входит в камыш, мягко тычется носом в илистый берег.

— Бить меня будут—из кустов чертом сигай и вопи, что духу есть: «Руки вверх, стрелять буду!» Весло наперевес, как ружье, возьми. Коли не подействует, круши их веслом, поутру разберемся. Полозь за мной!

И Филя ужом уходит в прибрежный ивняк.

Ползу, прижимая к боку весло, обдирая о сухие ветки лицо и грудь.

Песчаная коса совсем рядом. У огня прыгает голый парень, у него зуб на зуб не попадает от холода, и он плаксиво тянет:

— Хо-лл-о-нно-о-о, погр-р-р-рет-ся н-н-надо-о-о.

— Ты за мной разом не сигай. Можа, ружье у них, пальнуть могут. Ты тогда сигай, когда бить меня начнут.

— А что, могут драться?— наивно спрашиваю я и чувствую, как холодок подкатывает к сердцу.

— Что, очкуешь?— Филя поворачивает ко мне острое лицо, на скулах шарят отблески костра, а может быть, ходят под кожей желваки.— Вор — он завсегда трус. Ну, с перепугу сунет пару раз кулачищем али пальнет с испугу, а потом, уж это верно, побегёт. Ух, как побегёт, гончими не сгонишь! Понял?

— Ага!

— Ну, я пошел, тольки ты трубней ори, чтоб мороз у самого по коже, а не то что у вора.— И вымахивает из кустов.

В свете костра я вижу его щуплую, крохотную фигурку, громадную шляпу на голове и палку в руке (прихватил где-то в кустах).

— А ну, лапы к небу, разбойнички! Порешу всех, как одного!— кричит Филя и бросается к огню.

На реке слышен плеск, свист, возня. От костра бросается парень и саженками машет на середину Оки.

Филя, выхватив из костра головню и отбросив палку, как есть, в одежде, лезет в воду, в темноту, где возятся и суетятся лодки.

«Собирают сеть»,— догадываюсь я.

— Лапы в небо, волчья сыть!— несется над рекой.

— Э-э, Филимон, не шути! Слышь, кому говорю, не шути! А то...

— А! Это ты, Паня? Сказался! Давно я тебя, шельмеца, мечу, давно!

Развороченный костер вспыхивает ярче. Я вижу, как к Филе, покачиваясь и занося корягу над головой, бредет черным дьяволом Паня.

— Стрелять буду!— кричит Филя.

— Из чего? Из поганого ружья? Эх ты, водяная крыса!— рычит мужик и вдруг одним прыжком наваливается на щуплую Филину фигурку.— Бей яво, мужики! Бей водяного!

Кажется, что сама земля выбрасывает меня на косу. Я кричу что-то дикое и, нажимая воображаемый курок на весле, кажется, слышу громовые выстрелы.

Хватая одежду, мимо в лес проносятся голые мужики. Их четверо, я успеваю посчитать по белым спинам, пятый полощется в реке, решил уйти на тот берег.

— Гони сюда лодку! — кричит Филя.— Васька, Петька, Михайло, окружай их!— Это для острастки браконьерам, и снова мне:— Лодку давай, давай «Верку»!

Спешим, грузим в лодку сеть. Запутавшуюся рыбу Филя выкидывает за борт.

— Сядь на весла и гони на стрежень. Опомнятся, вернутся — несдобровать.

Выплываем на середину реки. Уже посветлело. Приутих, подернулся пеплом огонь на берегу, явственней стали березы в лесу и ивняки у воды, но звезды по-прежнему сыпучие и яркие.

На том берегу от холода или со страху подвывает парень.

— Фи-и-и-или-мо-о-он Ми-и-три-и-и-ч, хоо-хоо-ть пар-р-р-р-тки отдай!..

— Прибегешь к парому кроссом! Тама поговорим! Да спеши до свету. Бабы вот-вот скотину погонят, застрамотят!

— Филимон Митрич, сеть отдай, не гневи бога! — несется с другого берега.

— Бога нет, Паня! Глянул бы, что в небе деется. Рыло бы поднял от своего корыта. Луну вторую в небе исделали. А ты все землю поганить не перестал. Эх ты, браконьер, одно слово!

— Отдай сеть, Филимон Митрич, по-хорошему прошу! Не в свое дело к чему суешься? Ты что, рыбнадзор? Ты что, какой начальник?

Мужик ломится вдоль берега, через кусты, и иногда в предрассветном полусвете мутно белеет его нагое тело.

— Сеть тебе где надо отдадут. А где совесть свою получишь, лешак?

— Водяной ты, как есть водяной! Сволочь ты! Сявка!.. Дотыркаешься, утопим мы тебя!

— А я водяной, мне река сестра родная,— отшучивается Филя и зло: — Я при реке пятнадцать лет состою! Понял? И грабить ее ни средь дня, ни средь ночи не позволю!

Течение гонит нас все быстрей и быстрей. Паня отстает.

— Фи-и-и-и-ля-я-я! Па-а-а-а-ром! — несется снизу.

— Фи-и-и-и-и-ля!

И вслед нам хриплые бессильные ругательства Пани:

— Водя-я-но-о-ой, су-у-у...

Река выносит нас за излучину, и брань захлебывается, пропадает... Ее заглушили, задавили и прижали к земле леса.

— Гля-кось, утренняя звезда взошла,— говорит мне Филя.

Над Окой, над лесами, над робкой кромкой нарождающегося восхода высоко и чисто загорелась звезда. Крупная, похожая на утреннюю каплю росы, горит она над зеленой ранней землей.

— Утренняя звезда,— говорит Филя.

— Венера,— говорю я.

— Это что же, имя у нее такое?

— Ага.

— Не по-нашему?

— И по-нашему тоже.

— Не! По-нашему Вера, так-то лучше.— И улыбается хорошо, по-доброму.— Слышь, леса-то как пахнут. Торжество...

От воды поднимается туман. Он тоже имеет свой запах. Об этом сказал мне Филя:

— Туман пахнет родиной, братец.

— Фи-и-и-и-и-и-ля-я-я, дья-я-я-во-о-л, па-а-а-ро-о-о-м! — вместе с туманом плывут нам навстречу голоса.

— Фи-и-и-и-и-и-и-ля-я-я-я!

Екатерина **ЕСЕНИНА**

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Скоро исполнится сто лет с той поры, как наш дедушка Никита Осипович Есенин купил 28 квадратных саженей усадебной земли для постройки дома на теперешней нашей усадьбе.

Сохранились наследниками документы на приобретение дедушкой этой усадьбы.

«1871 г. Декабря 15 дня.

Мы, нижеподписавшиеся Рязанской губ. и уезда Федякинской волости, села Константинова временнообязанные Г. Ануфьевой крестьяне Евмений Гаврилов Беликов, Никита Осипов Есенин заключили сие условие в следующем:

1. Я, Беликов, отдал ему, Есенину, в вечное и потомственное владение свое усадьбеное место, доставшееся мне по разделу с братом моим Кузьмой Беликовым, данное по уставной грамоте мерки в длину по улице три с половиною, а глубину шесть с половиной сажень.

2. Я, Есенин, должен на отданной мне Беликовым усадьбе учреждить по моему желанию всякого рода постройки, до которых мне, Беликову, препятствия не иметь.

3. В случае моей, Есенина, смерти то все устроенное на оной усадьбе строение с находящимся в оном имуществом должно поступить в вечное и потомственное владение жены моей Аграфены Панкратьевой и наследникам моим по конец.

4. Условие сие с каждой из сторон как мне, Беликову, и по мне наследникам, так и мне, Есенину, и по мне наследникам хранить свято и нерушимо...»

Дедушка на этой усадьбе построил дом необычного типа для нашей деревни не потому, что это красиво или удобно, это было вызвано необходимостью: усадьба была мала. Кроме избы и двора для скотины, ничего больше дедушка построить не смог. Дедушка не осилил сразу купить и огород. По сохранившейся расписке, приложенной к договору о покупке усадебной земли, дедушка уплатил 53 рубля. Для того времени это очень дорого, но село наше было стянуто мертвой петлей: с одной стороны землей федякинского помещика, с другой — землей нашего духовенства, с третьей стороны непрерывной лентой следуют другие деревни (Волхона, Кузьминское), и четвертая сторона — Ока.

Земля, принадлежащая крестьянам, находилась вдалеке от села.

Дедушке по разделу с братом досталась часть родовой усадьбы, но эта усадьба столько раз делилась наследниками, что, когда-то большая, раздробилась, и теперь там можно было с трудом построить лишь маленькую избушку.

Избы в нашем селе лезли одна на другую. Крыши у всех соломенные, и частые пожары были бичом крестьян.

Умер дедушка Никита 42 лет от роду. После смерти дедушки бабушка Аграфена Панкратьевна осталась с малолетними детьми: два сына и две дочери. Основным доходом ее стали жильцы: художники, работавшие в нашей церкви, и монахи, ходившие по деревням с чудотворными иконами. Я не видела этих квартирантов, но в детстве Сергея они существовали, и мать наша иногда с Сергеем вспоминали их. Мне о пребывании в нашем доме художников говорили большие холстины с неудавшимися богами, натянутые на рамки и теперь висевшие на стене в наших сенцах, для чего — неизвестно. Несмотря на частые пожары у нас, эти боги выходили из всех пожаров невредимыми и в новой избе опять занимали свое место в сенцах до тех пор, пока отец не выставил их во двор, где они сгорели в последний пожар.

Поженившись, отец уехал в Москву на работу, жена его осталась в деревне со свекровью. Через два года приехал жениться дядя Ваня, в доме стало две снохи. Появились неприятности. Дядя Ваня ничего не присылал домой. Отец наш присылал все, что заработает, своей матери. Ссоры были между бабушкой и нашей матерью. Отец наш очень любил свою мать и не хотел даже слушать о разделе со своей матерью. Тогда наша мать ушла из дома Есениных и не жила с нашим отцом пять лет. Сергея она отдала дедушке, своему отцу.

В 1905 году народилась я. Мать наша вернулась в дом Есениных, но мира не наступило, и так было до 1907 года, пока братья не разделились.

* * *

Однажды у нас шел разговор о колдунах. Пересчитали, сколько в селе есть колдунов, и рассказывали, кто и где видел колдунов. Разговор зашел потому, что бабы стали бояться ходить рано утром доить коров, так как около большой часовни каждое утро бегает колдун во всем белом.

— Это интересно,— сказал Сергей,— сегодня же всю ночь просижу у часовни. Ну и намну бока, если кого поймаю!

— Что ты, в уме! — перепугалась мать.— Ты еще не пуганный? Рази можно связываться с нечистой силой? Избави боже! Мне довелось видеть раз, и спаси господи еще встретить!

— Расскажи, где ты видела колдунов? — спросил Сергей.

— Видела,— начала мать.— Я видела вместе с бабами, тоже к коровам шли. Только спустились с горы, а она тут и есть, во всем белом, скачет на нас. Мы оторопели, стоим — ни взад ни вперед. Глядим, с Мочалиной горы тоже бабы идут. Мы кричать, они к нам бегут. Ну, мы осмелели, бросили ведра да за ней, она от нас, а мы с шестами за ней. Догнали ее до реки, а она там и скрылась в утреннем тумане.

Вечером Сергей пошел к часовне. Мать упросила его взять с собой большой колбасный нож, на всякий случай. На рассвете Сергей вернулся домой, бабы-коровницы разбудили его у часовни. Так он и проспал всех колдунов.

* * *

Дома у нас настала настоящая тревога. Война с немцем требовала все новых и новых жертв. Дошла очередь и до нашего Сергея. Он уехал в Питер.

Однажды в нашу волость пришла бумага, в которой требовалось собрать все сведения о Сергее Есенине. Волость потребовала эти сведения от нашего сельского старосты, и староста поэтому вызвал к себе нашу мать. Он спросил все о нашем отце, и наконец дошла очередь до Сергея.

— Он где сейчас проживает? — спросил староста.

— В Питере,— ответила мать.

— А чем он занимается? — продолжал староста.

— Он поэт, стихи пишет, ну, песни по-нашему,— отвечала мать.

— Я спрашиваю, как он деньги зарабатывает?

— Да вот так и зарабатывает, ему за песни деньги платят.

— А должность он какую занимает?

— А вот это и есть его должность, поэт, стихи пишет.

Староста больше не стал говорить.

— Это ты почему меня обо всем спрашиваешь, Аким Сергеевич? — спросила мать.

— Не знаю, волость требует, должно, с Сергеем твоим что-нибудь вышло,— ответил староста.

Мать вернулась домой строгая, молчаливая.

На другой день зашла хромая Марфуша и тревожно говорила матери:

— Ох, кума, говорят, Сережа-то в дурную компанию попал. Справки о нем наводят. Учителей и батюшку спрашивали о его поведении.

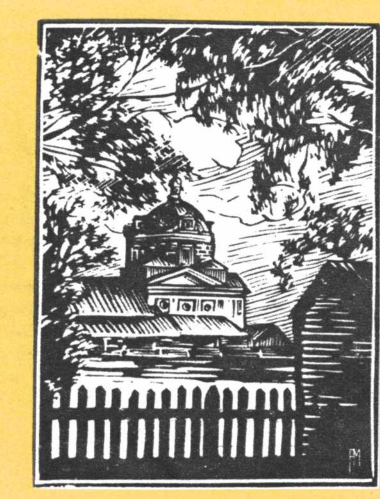
— Знаю, кума,— ответила мать,— зря это, может, ошибка какая вышла. Ты, кума, напиши, пожалуйста, письмо самому.

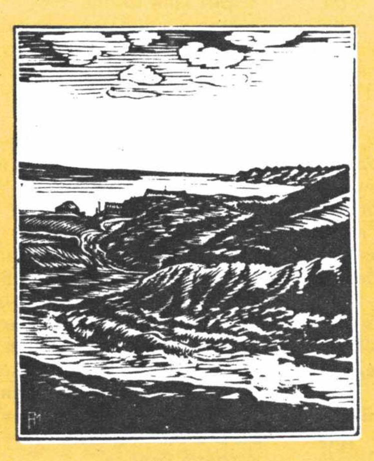
Они написали отцу письмо обо всем случившемся.

Отец сообщил матери, что Сергей жив, здоров и беспокоиться о нем нечего. Дурного с ним ничего не случилось.

Серия гравюр к стихам Сергея Есенина сделана художником А. Мищенко и подарена им Е. Ф. Никитиной. Гравюры в настоящее время находятся в музее «Никитинские субботники».

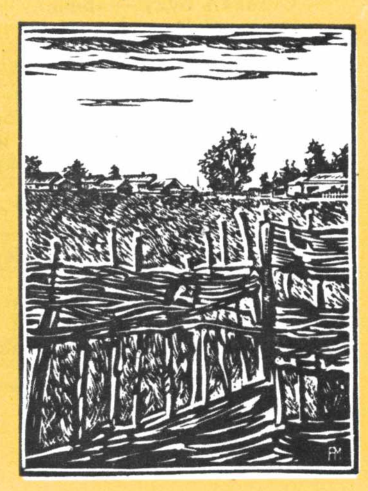
Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.





Выхожу я на высокий берег,
Где покойно плещется залив.

В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.



* * *

В Москве, в женской гимназии, где я училась, было светло и чисто. Классные дамы с высокой прической следили за нашим поведением и за правильностью сделанного реверанса. Я училась в первом классе и по успеваемости была одной из первых.

У отца в сундуке лежало несколько книг, брошенных Сергеем. Отец отдавал их в переплет. Это были библия, Пушкин и Гоголь с хорошими иллюстрациями.

Однажды Сергей пришел не в урочное время и застал меня за игрой в куклы. Я шила куклы из тряпочек, которые мне принесли Ариша и другая наша соседка, и всегда прятала их от отца. Он бы обязательно сказал:

— Эх ты, большая, а все в куклы играешь!

Я быстро сгребла куклы со стола, но было поздно. Сергей улыбнулся.

— Ты все еще играешь в куклы?

— Да,— ответила я,— не говори, пожалуйста, отцу.

— А что ты читаешь?

— У меня нет книг, и я ничего не читаю,— ответила я.

Через день приехал Сергей опять и привез мне целый узел лоскутов для кукол. Лоскутья были всех цветов; и шелк, и кружево, и бархат — все было там. И еще привез две чудесные книги, назывались они «Сказки братьев Гримм».

Теперь из школы я бежала скорей домой. Меня ждали «Сказки» Андерсена, «Путешествие на гусях Нильса Хальгерсона» Сельмы Лагерлёф и еще много других книг, которые принес мне Сергей. Однажды он принес мне сказку Шекспира, называлась она «Король Лир». Я прочитала и думала, как на свете много нехороших людей и почему бог не помогает хорошим людям, таким, как Корделия, ведь таких меньше, им и надо помочь. Ничего бог не видит и не слышит.

Сергей смеялся, слушая мои рассуждения о слепом боге, и перед уходом сказал:

— Вот ты попробуй, напиши такую сказку.

— Нет,— ответила я,— сначала ты попробуй.

* * *

Революция. Сергей стал часто приезжать домой. Наше село было для него как зеркало, где отражались все события страны не по газетным данным, а наяву.

В этот раз Сергей и отец приехали почти вместе. За столом говорили о событиях за последнее время. Только что прошли выборы власти.

— Ма, ты за кого голосовала? — спросил Сергей.

— Я пятый номер тащила, за большевиков,— ответила мать.

— Ну, что ты хочешь с нее спросить, она неграмотная,— сказал отец.— Что она понимает!

Мать всегда стыдилась своей неграмотности, и тут она встала из-за стола и пошла в кухню, чтобы не видели, как вспыхнуло ее лицо.

— А ты за кого голосовал? — обратился Сергей к отцу.

— Я за кадетов,— с достоинством ответил отец,— это люди почтенные, состоятельные!

— А ты состоятельный? — спросил Сергей.

— Во всяком случае, я не босяк,— ответил отец.

— Что же у тебя есть общего с кадетами? У них есть земля, заводы, деньги, а у тебя? Изба и одна корова. Ты для них холуй. Ма, а ты почему тащила пятый номер? — Сергей повернулся к матери.

— Мы все пятый номер тащили, мало кто брал другие,— ответила мать.

— Вот она правильно поступила, она пошла за теми, кто ей роднее, а ты ошибся, отец, пошел в чужое стадо.

Анна АНТОНОВСКАЯ

Соловей

Из встреч с Сергеем Есениным особенно запала в память одна. Был у нас общий друг — крестьянский поэт Александр Ширяевец. Волжанин, он словно выражал собой и речную ширь Волги и неуемный степной простор.

Странной, какой-то тропической болезнью заболел Александр Ширяевец. Прошелестела коса над полем, упали васильки. На больничном листе в графе «Год» зафиксировали: 1924-й.

Хоронили Александра Ширяевца на Ваганьковском. Синий, совсем синий полдень как бы нехотя спустился с небосклона и грустно повис над акварельно-нежными березами, над задумчивыми, слегка дремотными, тронутыми временем липами.

Сергей Есенин вглядывался в замершие черты друга так, словно стремился перенести их в свое сердце.

И внезапно над гробом звонко и трепетно запел соловей. В полдень запел! Есенин слушал, закинув голову. Не только мне — многим показалось, что лицо его тронула пусть горькая — и все же улыбка. «Умру, положите меня здесь, рядом с Александром. И пусть и надо мной запоет соловей».

Ушли знакомые, остались друзья. И долго-долго еще стояли мы над свежим холмиком. Потом Есенин что-то шепнул Андрею Соболю, и тот передал мне просьбу Сергея Александровича поехать с ними в Дом Герцена на литературную тризну.

По улице Сергей Есенин шел особо легкой походкой, будто лишь чуть касался тротуара. Светлая фётровая шляпа, как лодка, колыхалась на золотистой волне.

Оказалось, что я была единственной женщиной на этой тризне. Читка стихов шла по кругу, много читали Ширяевца, и в стихах его отзывалась ушкуйная сила, вспыхивали и гасли костры.

Есенин опустился на стул рядом со мной и смущенно принялся заготовлять для меня бутерброды, стараясь незаметно придвинуть ко мне тарелку.

Относилась я к Сергею Есенину с предельной нежностью старшего друга. Он это чувствовал и платил мне скрытой благодарностью. Я попросила его прочитать, что он хочет. Он охотно согласился. В голосе его, так показалось мне, кипела слеза.

Он встал. И словно ожило недавно им виденное: комната расплылась, снежные сугробы завалили поле, вздрогнули на дуге колокольчики, появился сумрачный ямщик в черном кушаке, засвистал в морозном ломком воздухе кнут.

Годы молодые с забубенной славой,
Отравил я сам вас горькою отравой...

Читал Сергей Есенин! И как хорошо — не то слово,— как дивно читал!

Эй, ямщик, неси вовсю! Чай,
рожден не слабым!

И внезапно, с отчаянным задором Есенин выкрикнул:

Душу вытрясти не жаль по таким
ухабам...

Зная о моих чувствах к Есенину, Иван Приблудный, ученик Сергея Александровича, однажды принес мне фотографию поэта. Он сказал, что такой фотографии ни у кого нет и не будет. «Переснимите и верните мне карточку».

Я увеличила и повесила портрет у себя в комнате. Думаю, Приблудный был прав: такого Есенина никто не видел.

Снились мне пастбища, снились
луга мне,
Этот же сон, на сон не похож.
— Тополь на севере, тополь на
камне,
Ты ли шумишь здесь и ты ли поешь?..

Это стихотворение, посвященное Сергею Есенину, Иван Приблудный принес мне вместе со слезами о своем друге-учителе...

Последняя встреча перед отъездом в Ленинград.

Окончился вечер поэтов московского цеха поэтов в том же Доме Герцена. В зале погасли электросвечи, не хотелось расходиться.

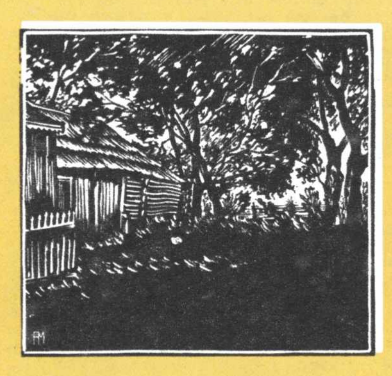
Небольшой группой мы разместились внизу вокруг столиков. Как водилось, все стали просить Есенина прочесть что-либо.

— Что же вам прочесть? — нехотя спросил поэт.

— «Черного человека»,— попросила я.

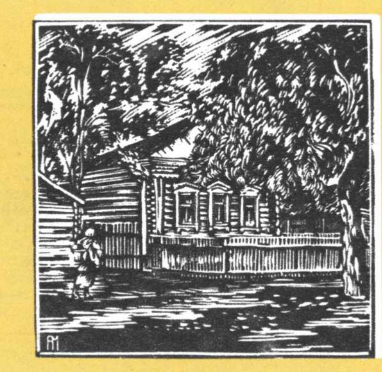
И «Черный человек» трагично прозвучал в наступившей тишине. На последних словах: «Я один... и разбитое зеркало» — Сергей Есенин махнул рукой и долго сидел молча, как бы порывался что-то сказать, но не сказал...

Да и нужны ли слова тому, кто поет так, как в сто лет раз поет полуденный соловей!..

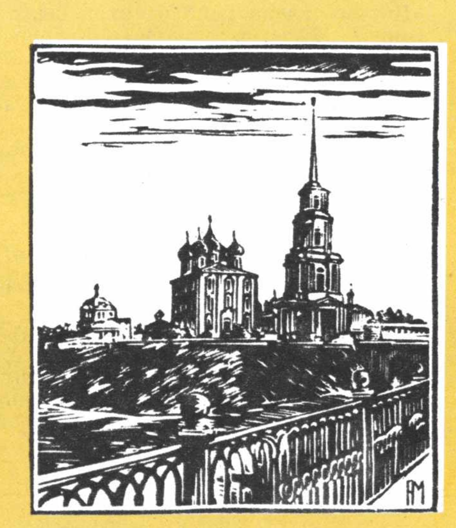


Вижу сад в голубых накрапах,
Тихо август прилег ко плетню.
Держат липы в зеленых лапах
Птичий гомон и щебетню.

Низкий дом с голубыми
ставнями,
Не забыть мне тебя никогда...



Тогда в мозгу,
Влеченьем к музе сжатом,
Текли мечтанья
В тайной тишине,
Что буду я
Известным и богатым
И будет памятник
Стоять в Рязани мне.



Строки о Есенине

Павел РАДИМОВ

Моя первая встреча с Есениным произошла в 1921 году на одном литературном вечере. Председателем вечера был Валерий Брюсов. Брюсова я знал еще с 1913 года, состоял с ним в переписке и несколько раз бывал у него в гостях. Он и пригласил меня на этот вечер.

Прочитанные мною стихи о русском пейзаже — «Журавли» — были тепло встречены аудиторией. Когда я уходил с эстрады за кулисы, ко мне, протягивая руки, поздравляя с успехом, подошел веселый, улыбающийся Есенин. В то время ему было двадцать шесть лет. Серые глаза Есенина светились задорным блеском, волосы цвета льна прядью спустились на лоб. Весь в движении, стройная фигура, мягкая поступь — милый, молодой, ладно скроенный парень с открытым русским лицом.

* * *

Обедаем в столовой у Сретенских ворот. Два земляка говорят об Оке и Рязани. Оба знают Солотчу, где рязанский князь Олег, современник Дмитрия Донского, построил монастырь, постригся вместе с женою и остаток жизни прожил в монашеском покое.

«Паша, — говорит мне Есенин, — я уеду из Москвы, буду жить в монастыре, буду писать стихи и посылать тебе, а ты отдавай их печатать в журналы».

Много раз видаясь с Есениным, наблюдая его вспышки-увлечения, я твердо знал одно: больше всего на свете он любил стихи. Вот и теперь ему захотелось быть там, где читают стихи: «Поедем, Паша, со мной в «Стойло Пегаса». У Сретенских ворот мы нашли извозчика, сели в пролетку и потрусили на Тверскую улицу.

«Стойло Пегаса» — литературный клуб со столовой. На столиках зала под стеклами — стихи, писанные рукою поэтов. Помню, здесь много было рукописных стихов Константина Бальмонта. В конце зала — кафедра, где выступали чтецы. У входа произошел небольшой инцидент. Какой-то посетитель спорил с кассиром: «Почему вчера цена за вход была полтинник, а сегодня рубль?» Есенин вмешался в спор: «Да, сегодня рубль. За это каждый посетитель получает мою поэму «Пугачев». «А зачем мне ваш «Пугачев»?» — неудачно возразил посетитель. Книги Есенина расходились нарасхват, «Пугачев» вышел только накануне, Есенин гордился своей поэмой. И вдруг такой обывательский холод! Есенин мгновенно вспыхнул, бросил резкое слово. Стоявшие рядом с ним, не давая разыграться ссоре, проводили Есенина вниз, в хозяйственную комнату.

Я поднялся в зал и стал слушать выступления чтецов. Первым читал стихи Вадим Шершеневич из своей книги «Лошадь как лошадь». Читал он зычно, но лошадиная тема не доходила до слушателей. Ждали Есенина. Спустившись вниз, я позвал Есенина читать стихи. «Выйду», — лаконично ответил он.

Смотрю, Есенин поднимается по лестнице, уже подошел к кафедре. Шепот в зале смолкает. Звучат строки новых стихов:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым...

Вторая строфа идет с новым подъемом. Читая, поэт наклоняется вперед, он как бы летит. Сердца слушателей мгновенно молнией пронизывает поэтическая искра.

Звучит последняя строфа, чародей Есенин ведет толпу в просторы родного края. Он взмахивает руками, навстречу летит гром аплодисментов.

* * *

Близ Моссовета встретил Есенина. «Приходи ко мне завтра к пяти часам, я читаю свою поэму «Анна Снегина». Я не отказался, но заранее осведомился о точном адресе.

В назначенный срок в дверях квартиры меня встретила с суровым лицом старуха, локтем показала комнату, где жил Есенин. В комнате поэта я застал неожиданную сцену: двое молодых людей катались по полу, в одном я узнал Есенина, второй — поэт Иван Приблудный, автор книги стихов «Тополь на камне». «Сережа, что ты делаешь?» «Ивана Приблудного выгоняю». «Почему?» «Он еще молод, а у меня сегодня соберется вся русская литература!» Под разговор Приблудный ловко рванулся, но незадачливо задел ногой за этажерку, и перепечатанные на машинке листы поэмы «Анна Снегина», как белые голуби, веером разлетелись по полу.

Стали появляться писатели-гости: Всеволод Иванов, Леонид Леонов, Кириллов, Орешин, Казин, критик Корнелий Зелинский. Дружеская встреча не была красна пирогами: хлеба не было — одна небольшая сковородка с жареной печенкой. Что делать? Кто-то предложил идти в гости к соседям. Есенина встретили с почетом, и нас пригласили к столу. Поэт поднял бокал светлого виноградного вина за хозяев дома и попросил разрешения прочесть «Анну Снегину». Те голуби-листки, что были рассыпаны по полу, давно собраны, теперь они уже в руках Есенина.

Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин — старшой комиссар...

Среди несколько неожиданной аудитории Есенин чувствовал себя по-пушкински народным поэтом, какого звания он при жизни не получил. Но народ по всей Советской стране, вплоть до Каракумов, запел его стихи. Под Куня-Ургенчем, в Хорезме, близ Аму-Дарьи, я слушал шофера, декламирующего стихи Есенина, великого поэта.

Вернувшись в квартиру, Есенин долго сидел в плетеном кресле. Была московская заря, я ушел бродить по городу...

ГОЛУБАЯ РУСЬ

Хороша старинная русская земля — Рязанский край. Радостны и чисты ее березовые, липовые, кленовые рощи, светел шатер небес. Серебряная Ока, питаемая добрым десятком малых речек и ручьев, вольно несет свои воды вдоль берегов с живописными откосами и золотыми песчаными мысами. В речные струи весело смотрятся села и деревни, города и посады, населенные народом бодрым, толковым, деятельным, жизнерадостным. Испокон веков любили рязанцы песню, то протяжную и грустную, от которой сладко щемит сердце, то лихую, звонкую, с затейливыми переборами, — запоют ее, и ноги сами пускаются в пляс. Народ здешний красивый, рослый, в большинстве своем белокурый, с серыми или синими глазами, в которых, кажется, отразилась и ширь рязанских полей и голубень рязанского неба. Особенно хороши деревенские женщины — статные, сильные, с румянцем во всю щеку, с веселой белозубой улыбкой; глянет такая на тебя — как рублем подарит. Любили раньше носить здесь сарафаны с узорами и белоснежные шушпаны из плотной домотканой материи. В праздничный день деревенская улица или сельский базар казались полными цветов. Теперь-то, конечно, старинные наряды найдешь только в бабушкином сундуке, на смену им пришла вполне современная одежда, но любовь к яркому многоцветью осталась, что и хорошо.

Была когда-то Рязань юго-восточной окраиной Руси, и доставалось ей немало от иноязычных недругов, валом валивших с востока. Держали рязанцы оборону отчаянную, славились своей храбростью, непреклонностью в боях, и хоть давным-давно это было, но до сих пор ходят в народе овеянные поэтической дымкой рассказы о Евпатии Коловрате, рязанском воеводе, наводившем со своей бесстрашной дружиной ужас на врагов.

Нынешняя Рязань славится трудолюбием своих земледельцев — животноводов и пахарей, своими умельцами — фабричными, заводскими и ремесленными людьми. Но, когда приходит час испытаний, дают рязанцы отечеству хороших солдат — исправных, храбрых, сметливых: кровь Евпатия Коловрата и его дружинников не пропала бесследно.

Поэтична рязанская земля! Особенно она хороша по вёснам, когда становится Ока разливанным морем, без конца и края, и каждый ручеек, каждое озерцо кипит народившейся жизнью, радуя глаз рыболова и охотника, и по óсеням, когда леса одеты в багрец и золото, а по полям и долам гуляет свежий ветер, несущий тревожный запах грибов, павшего листа и увядающей травы.

Вот на этой поэтичной земле и родился Сергей Есенин. Сызмальства любовался он неизбывной рязанской красотой, жадно впитывая в себя игру света в чистых рощах, дыша воздухом ржаных и гречишных полей, вслушиваясь в зимние посвисты метелей. Рязанская красота напоила его своими соками, навсегда привязала к себе: все лучшее, что написано поэтом, связано с землей, где он родился и вырос. И где бы он ни жил, в каких бы городах ни был, какие бы обстоятельства ни тревожили его душу, он в мыслях своих и стремлениях неизменно возвращался в «страну березового ситца», туда, где осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть...

Но он никогда в своем сердце не покидал ни родимого дома, ни голубой Руси. Навеки прикипел поэт к ним, и это дало ему высокое счастье вдохновенного творчества. И нам, русским людям, он рассказал о русской земле, о русской душе так сильно, так много, что и столетия спустя потомки наши с благоговением будут произносить его имя. Жизнь наша стала радостней и полнее оттого, что жил на свете Сергей Есенин.

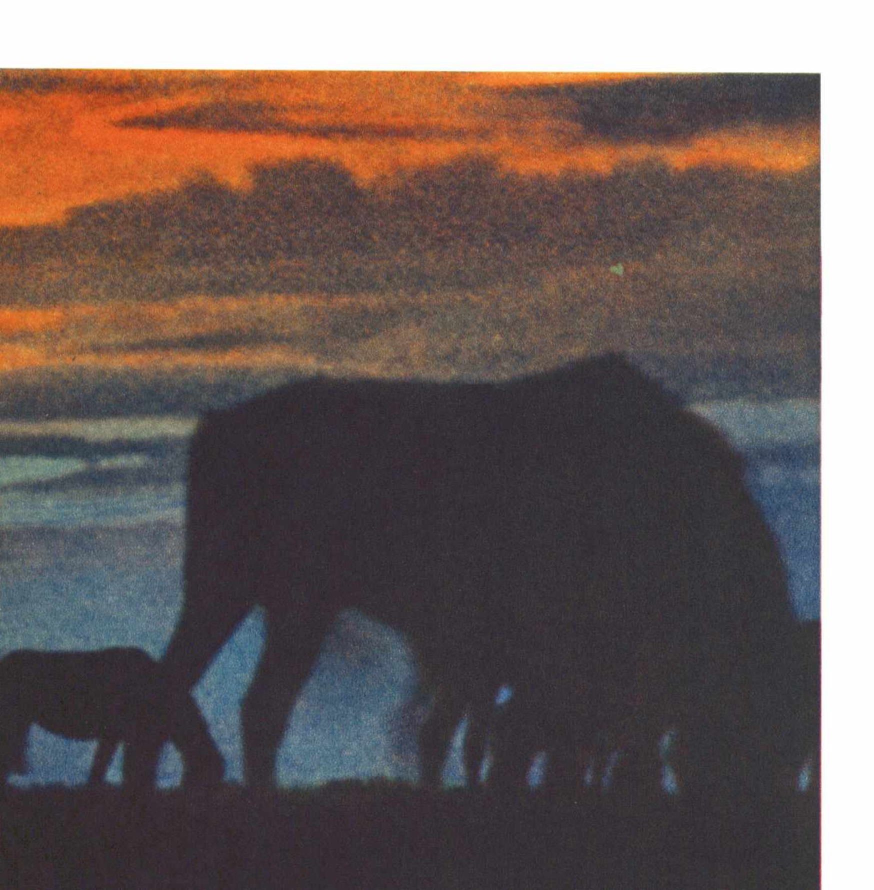
Отговорила роща золотая! Поэт умолк, смерть унесла его от нас. Но живет и вечно будет жить Голубая Русь, певцом которой он был, и великий наш народ, породивший Поэта. И, значит, вечно будет жить он, Сергей Есенин.

Ник. КРУЖКОВ

Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.



Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.



Погасло солнце. Тихо на лужке.
Пастух играет песню на рожке.
Уставясь лбами, слушает табун,
Что им поет вихрастый гамаюн.

Ты — мое васильковое слово,
Я навеки люблю тебя.
(Сестре Шуре)

О край разливов грозных
И тихих вешних сил,
Здесь по заре и звездам
Я школу проходил.

Анна Абрамовна Берзинь — советская писательница. В 20—30-х годах выступала в печати под псевдонимом Ферапонт Ложкин. Незадолго до смерти А. Берзинь написала свои воспоминания о Сергее Есенине. Отрывки из этих воспоминаний публикуются впервые. Публикация подготовлена к печати Р. Корн.

Щедрая доброта

Анна БЕРЗИНЬ

В молодости люди обычно начинают дружить с первого слова, с первого взгляда, с первого знакомства, но я не могу этого сказать о наших отношениях с Сергеем Александровичем. Много было таких моментов, которые мешали нам подружиться. Встречалась я в то время главным образом с военной публикой. И почти все, за редким исключением, фронтовые товарищи, признавая Сергея Александровича хорошим поэтом, резко отрицательно относились к кафе «Стойло Пегаса». Дома у нас Сергей Александрович держал себя неуверенно. Его отпугивала, видимо, внешняя суровость и подтянутость некоторых товарищей из нашей среды.

Но все это резко изменилось, когда мои родители переехали в Москву на постоянное жительство. Мы перебрались на самый верхний этаж, где была большая квартира, и вот уже в эту квартиру зачастил Сергей Александрович. Он сразу стал проще. У моей матери, большой любительницы старинных русских песен, и у Сергея Александровича нашлось общее — они могли петь часами, причем Сергей Александрович пел самозабвенно.

В это время я из ВСНХ перешла работать редактором в Гослитиздат. Очень часто, возвращаясь с работы, слышала еще у лифта, что в нашей квартире поют. Это значит, что Сергей Александрович у нас. Он обычно сидел на полу, на маленьком коврике, прислонившись спиной к шкафу, а мать сидела в кресле. Мое появление смущало их очень мало. Правда, иногда Сергей Александрович, словно очнувшись, говорил, что уже он и так засиделся, и торопился куда-то уйти.

Улыбка у Есенина была светлая, притягательная, а смех детский, заразительный. Когда Сергей Александрович смеялся, окружающим хотелось мягко и нежно улыбаться, будто глядишь на проказы милого и счастливого ребенка.

Он сам больше всех радовался всяким выдумкам и незатейливым анекдотам, которыми он широко делился с каждым, но был не надоедлив, а просто весел и в своей веселости щедр.

* * *

...Публика шумела, многие начинали хлопать, что-то кричали. Но вот от двери мимо нашего столика прошел в меховой, помнится, чуть ли не в бобровой шапке Есенин. Он шел, не глядя по сторонам, ничего не замечая, ни с кем не раскланиваясь. Особенно обидно показалось, что он прошел мимо меня, как мимо стены.

Сергей Александрович уселся в углу, и тут, видимо, кто-то сказал ему, что я в кафе. Он растерянно оглядел столики и, взглянув на меня, улыбнулся и сейчас же подошел к нам. Первые слова, которые он произнес, были:

— Она здесь! Вы видели?

— Кто?— удивилась я.

— Айседора!

Я поглядела в его сияющие глаза, в улыбающееся лицо и вдруг поняла, что он переполнен счастьем, переполнен любовью.

— Очень жаль, что я не увижу вашу маму, вы передайте ей мой привет.

Глядя на мое недоуменное лицо, он добавил:

— Я уезжаю с Айседорой за границу. Она моя жена!

* * *

Воронский сообщил, что пришла каблограмма: Сергей ночью повесился в гостинице «Англетер», я включена в комиссию по похоронам.

Товарищи из комиссии вечером выехали в Ленинград за телом Сергея.

Двадцать девятого утром на вокзале было много товарищей. Гроб вынесли на руках. Мы поехали на Никитский бульвар, в Дом печати.

Гроб поставили посредине зала. Товарищи несли почетный караул; непрерывной лентой проходили москвичи перед гробом Есенина. Окна были открыты настежь, на дворе стояла оттепель. С крыш падали капли и звонко разбивались о тротуар. Стоя у открытого окна, я слушала весеннюю капель, казалось, плачет даже сам дом. Весна и стихи Есенина — все это неразрывно связано, и вот, словно стараясь проводить Сергея, стояла весенняя погода, а был конец декабря...

Мне хотелось в последнюю ночь продумать самой, как все это вышло, что Сергея уже нет с нами, лежит холодный и обиженный мальчик. Кто же его обидел?

Самоубийство. Сергей убил себя. Такой жизнерадостный, он любил петь и плясать. Неутомимо и неудержимо, хоть несколько часов подряд, самозабвенно и красиво, с удалью, но без гика, а с мягкой улыбкой и чуть прикрытыми глазами.

Сережа, который легко и проникновенно писал такие светлые, подчас совершенно прозрачные и чистые строки... Мы совсем не следили за тем, как и когда он пишет. Он приходил и читал готовые стихи, всегда законченные, всегда стройные и отделанные. Вот он лежит мертвый, а мы совсем не знали, как он работает. Мы видели, как он пил, отводили его руки от стакана, увозили и от милиции, и хлопотали, и просили за него, помещали в больницы, а вот как он работал, совершенно не знали, даже не интересовались. Я любила его поэзию, я знала наизусть его стихи, а когда он их писал, когда обдумывал и как обдумывал, не знала. Может быть, творил он в тишине, одиноко, когда никто даже глазом не мог смутить его покой, а может, он творил всегда, сидя среди нас, разговаривая с нами, гуляя по улицам, встречаясь с друзьями...

Но вот и рассвело. Стали собираться родственники, друзья, товарищи. Дом печати наполнился, и началась гражданская панихида.

Потом пришла мать Сергея и, причитая, наклонилась над сыном. Из руки она посыпала песок на Сергея; я поняла, что она его отдала земле.

Поэт говорит сам

Государственный литературный музей. Напротив входа на стене висит портрет — тонкое, нежное лицо, обрамленное золотистыми кудрями, с синими, как синее небо, глазами. Просто и прекрасно это лицо и в то же время так значительно, что хочется стоять и смотреть, разглядывать его, стараясь проникнуть в то сокровенное, что скрыто в мягкой, неопределенной улыбке, в задумчивом и печальном взгляде. Этим портретом Сергея Есенина работы художника Б. Шатилова начинается экспозиция выставки, открытой здесь в связи с 70-летием со дня рождения поэта.

«Моя биография в моих стихах»,— часто повторял Есенин, и на выставке о себе и о своем времени поэт говорит сам, говорят рукописи, стихи, письма, фотографии, книги.

Родился я с песнями в травном
одеяле.
Зори меня вешние в радугу
свивали...

Материалы, собранные в первой витрине, рассказывают о детстве поэта. Мы видим село Константиново — родину Есенина, его родителей, деда, портрет Ивана Яковлевича Смирнова — сельского священника, учителя в Спас-Клепиковской школе, оказавшего большое влияние на поэта. Здесь же записная книжка Смирнова, и содержание ее показывает, что же за человек был этот сельский священник. Наряду со списками учеников и отметками против их фамилий (кстати, у Есенина стоят почти одни пятерки), в книжке переписаны стихи Пушкина, Лермонтова, Никитина. На одной странице мальчишеским, еще не устоявшимся почерком Есенин записал свое собственное стихотворение «Ночь»...

В 1915 году Есенин приехал в Петроград. «Первый, кого я увидел, был Блок»,— писал он. Рядом со снимком Блока, на балконе квартиры на Офицерской, подлинник его письма к Есенину. Старая, уже изрядно выцветшая фотография представляет Есенина в меховой шапке, в стилизованном русском кафтане. Для салонной публики он был «Лелем, пастушком, крестьянским чудом, самородком». А Есенин, внешне как будто и идя навстречу желанию видеть его именно таким, на самом деле все понимал и писал: «Бог с ними, этими питерскими литераторами... Тут о «нравится» говорить не приходится, а приходится натягивать свои подлинней голенища да забродить в их пруд поглубже и мутить, мутить до тех пор, пока они, как рыбы, не высунут свои носы и не разглядят тебя, что это —«ты».

Великая Октябрьская революция... Яркий, красочный плакат, изображающий толпу рабов, сбросивших с себя цепи и обративших измученные лица к светлому всаднику, летящему на крылатом коне. Как созвучно настроение этого плаката строкам Есенина: «Да здравствует революция на земле и на небесах!»

Очень много на выставке рукописей стихов. Написанные четким почерком, каждая буква отдельно, почти без помарок, они помогают представить себе, как работал Есенин. По воспоминаниям близких людей, стихи у Есенина почти целиком складывались в голове. Он вынашивал их, читал вслух, отделывал и, только когда стихотворение было совсем готово, заносил его на бумагу.

И, наконец, последняя телеграмма, посланная Есениным поэту В. Эрлиху: «Немедленно найди две — три комнаты. 20 числах переезжаю жить Ленинград. Телеграфируй. Есенин»...

Нельзя без волнения смотреть на огромную фотографию — похороны поэта. Гроб с его телом проносят по площади мимо памятника Пушкину. А вокруг вся площадь заполнена народом, и в этом — признание поэта, признание его великого таланта.

Л. КАФАНОВА



Рисунки О. КОРОВИНА

ПОВЕСТЬ

Олег ШМЕЛЕВ, Владимир ВОСТОКОВ

ПОСЛЕДНЯЯ ОШИБКА РЕЗИДЕНТА

«НЕ ВЕРЬТЕ ЕМУ»

Первое, что сделала Мария, выйдя на вокзальную площадь в Москве,— спросила у милиционера, где справочное бюро. А через полчаса с адресом Пелагеи Сергеевны Матвеевой спускалась в метро.

На третьем этаже большого старого дома на Чистых прудах она позвонила в квартиру номер одиннадцать. Дверь открыла пожилая женщина, и Мария без труда ее узнала: то же лицо, грустные глаза, морщинки на лбу, та же гладкая прическа с прямым пробором посредине, как у той, что на фотографии, которую показывал ей Михаил. Но Мария все же спросила:

— Мне Матвеевых. Можно?

— Входите,— нисколько не удивившись, пригласила женщина.— Я и есть Матвеева.

— Пелагея Сергеевна?— Мария была очень довольна, что все оказалось так удачно.— Меня просили вас найти...

— Идемте в комнату, что же мы на пороге стоим...

Снимая пальто, Мария думала, как получше начать разговор с этой симпатичной женщиной. И решила не мудрить. Когда вошла в комнату, открыла сумочку, достала медальон и фотокарточку Павла и положила то и другое на стол.

— Вот,— сказала она,— не узнаете?

Пелагея Сергеевна взяла фотографию, долго смотрела на нее, а затем сказала без всякой радости:

— Постарел... Видно, по тюрьмам сидеть — даром не дается.

Мария стояла растерянная.

Пелагея Сергеевна посмотрела на медальон, перевела недоуменный взгляд на Марию.

— А это что?

— Понимаете...— Мария не знала, как объяснить.

— Ах, милая вы моя,— сказала Пелагея Сергеевна.— Вещичка эта чужая. Небось, ворованная.— Она опустила голову.— И откуда в нем такое? У нас в роду не то что воров — лгунов никогда не было. Но вот споткнулись на Павлушке. Его ведь ищут сейчас... Ко мне уж два раза милиция приходила. Он из тюрьмы убежал. Говорят, охранника ранил тяжело. Не сын он мне, нет, не сын...— Пелагея Сергеевна села.— Не знаю, в каких вы с ним отношениях, но я бы вам дала совет: не верьте ему. Возьмите эту безделушку.

Мария, когда шла, собиралась рассказать Пелагее Сергеевне историю, услышанную от Михаила, но теперь сочла это излишним. Она взяла медальон, положила его в сумочку. Потом взяла карточку, повертела, сунула ее в тот же кармашек и сказала:

— Извините, пожалуйста. Я не хотела...

Пелагея Сергеевна все понимала и без слов.

— Ладно, милая.

Мария уходила от Пелагеи Сергеевны расстроенная. После этого она часа три искала место в гостинице, потом стояла в очереди в магазине «Синтетика» за кофточкой, потом обедала в столовой и все это время думала о Пелагее Сергеевне, о ее непутевом сыне Павле, о том, как трудно быть матерью, у которой сын пошел по преступной дороге...

Мария не смогла прожить в Москве весь свой отпуск, вернулась через неделю.

...Михаил не встречал ее, потому что телеграмму она не давала. Они встретились на следующий день вечером у нее дома. Мария рассказала ему все в подробностях. Она не заметила скрытой радости, которую вызвал ее рассказ. Видела только выражение печали на лице Михаила. Конечно, подумала она, можно понять человека, который столько лет искал друга и вот узнает, что этот его друг — преступник. Нехорошо бывает узнавать такие вещи, но что же поде-

---

Продолжение. См. «Огонек» №№ 38, 39.

лаешь? По крайней мере, все стало на свои места.

Мария вернула ему фотографию и медальон, но Михаил начал уговаривать ее оставить эту золотую безделушку себе. Мария отказывалась, но недолго: медальон ей нравился.

КТО ЕСТЬ КТО

Все, разумеется, с первых страниц догадались, что Зароков — иностранный разведчик. Авторам и не было нужды играть в прятки и сбивать читателя с толку, заставляя долго гадать, кто он такой. Задача у авторов совсем иная.

Роль Павла можно толковать по-разному. Вполне логично предположить, что он совсем не случайно оказался однажды пассажиром в вагоне поезда Сухуми — Ленинград, а затем в такси, за рулем которого сидел Михаил Зароков, хотя обстоятельства, при которых это произошло, носили по видимости чисто случайный характер и не вызвали подозрений даже у осторожного разведчика.

Дембович, назвавшийся Павлу Куртисом,— фигура совершенно ясная с самого начала. Он старый агент иностранной разведки, держащий явочную квартиру.

Оценивая поведение Марии, следует иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, она не знает, кто такой Михаил Зароков на самом деле. Во-вторых, он ей очень нравится.

Наши контрразведчики, конечно, могли предупредить ее, но это было рискованно. Характер Марии таков, что в один прекрасный момент она могла бы не удержаться и выдать себя, а значит, провалить все дело.

Настоящая фамилия Зарокова — Тульев. Он родился в 1922 году в Париже. Отец его, русский дворянин Александр Тульев, служил по министерству иностранных дел Российской империи. Октябрьская революция застала его за границей.

Поняв, что в России произошли необратимые изменения и что необходимо сделать выбор, Александр Тульев принял решение не возвращаться на родину.

Друзья помогли ему найти ход в разведку одного из европейских государств.

Александр Тульев сам выбрал профессию для сына. Михаил был зачислен в школу, где инструктором работал его отец.

Незадолго до нападения Германии на Советский Союз школу прибрали к рукам гитлеровцы. Когда настал срок подыскивать маску, под которой надо будет жить в Советском Союзе, Михаила под видом советского военнопленного посадили в один из концентрационных лагерей на территории Польши. Это было летом 1943 года.

Прежде чем сделаться «военнопленным», Михаил ознакомился с документами заключенных и заочно отобрал наиболее подходящие кандидатуры. За месяц пребывания в концлагере Михаил Тульев сделал выбор. Он пал на русского солдата Михаила Зарокова. Почему именно на него? Тут имелось несколько причин.

Михаил Зароков родился, как и Тульев, в 1922 году. Они были двойными тезками — это удобно: не надо привыкать к другому имени. Роста они были совершенно одинакового.

У Михаила Зарокова не было родителей,— они умерли в 1933 году в приволжской деревне в Самарской области. Из его родных жив только один человек — младшая сестра Нина. Не будь и ее, для Тульева было бы еще лучше, но с одной сестрой все же можно мириться.

После смерти родителей Михаил и Нина жили, как перекати-поле. Сначала их отправили в детский дом на Украину, в Сумскую область, потом перевели в Горьковскую область, потом опять на Украину. В 1938 году Михаил научился водить трактор, ушел из детдома, устроился работать в МТС и забрал к себе сестру. Потом окончил школу шоферов, поработал немного на грузовике, а в 1940 году его потянуло в большой город, и они переехали в Горький. Работа нашлась. Поселились в общежитии.

В мае 1941 года Михаила призвали в армию, он попал в автобатальон водителем. В октябре под Вязьмой их колонна оказалась в окружении. Немцы расстреляли колонну из крупнокалиберных пулеметов, а потом подожгли зажигательными пулями. Грузовик Михаила загорелся. Выскочив из вспыхнувшей машины, он был контужен миной, а очнулся уже в плену...

Когда Тульев выведал у Зарокова все подробности его биографии, пятьдесят заключенных из концлагеря, в том числе Зароков и Тульев, были переведены в Германию — их отправляли в Рур, на шахты. Однако туда доехало не пятьдесят человек, а только сорок пять. Пятерых ссадили по пути на какой-то небольшой станции, в их числе и обоих тезок. Четверо не доехали никуда: их расстреляли в местной тюрьме.

После войны Тульев-отец нашел для себя новых хозяев и, конечно, для сына тоже. Михаилу пришлось побывать в Африке и в Португалии, в Корее и на Ближнем Востоке. А потом шеф отца вспомнил, что Михаил готовился раньше к работе в Советском Союзе, и это решило его дальнейшую судьбу. Михаила вызвали к начальству и после долгой беседы объявили, что его собираются заслать в Советский Союз. И началась усиленная учеба. Отец придумал ему кличку — Надежда. Разменяв седьмой десяток, старик стал заметно сентиментальнее.

Через год Надежда был готов перейти границу.

Эксперты с особой тщательностью отбирали предметы будущей экипировки. Специалисты готовили ему документы прикрытия, спецаппаратуру, шифровальные таблицы, средства тайнописи, оружие, медикаменты.

Разведчики еще раз тщательно инструктировали Надежду, как себя вести в России, с тем чтобы не попасть в поле зрения советских контрразведчиков.

Специалисты уточняли, что в первую очередь узнавать о военной и экономической мощи Советского Союза и как безопаснее переправлять добытые данные.

Опытные инструкторы отрабатывали скоростные передачи по рации.

Так называемые психологи проводили с ним длиннейшие беседы, тщательно проверяли надежность биографии, с которой он должен действовать в России. Они с великим пристрастием допрашивали его, ловили на слове, на малейшем замешательстве, старались запутать, сбить с толку...

С того момента минуло пять месяцев, а ему кажется — пять лет.

Сейчас у Надежды были все основания для спокойствия и уверенности. Границу он перешел удачно. Поддельный паспорт на имя Кириллова с честью выдержал испытание в пути. Тот паспорт давно уничтожен, а в действие вступил настоящий, советский, на имя Зарокова. Вопрос с работой решен надежно. Для разведчика трудно подыскать более подходящее занятие, чем работа шофера-таксиста: езди куда хочешь и с кем хочешь, никто ни в чем не заподозрит. С пропиской и с жильем все устроилось как нельзя лучше. Помощник мог бы оказаться моложе и расторопнее, но на первое время и Дембовича хватит. На связь с центром Надежда, как было условлено, выходил лишь однажды — после того, как поступил в таксомоторный парк. Портативная рация была закопана Дембовичем под яблоней. До весны она не понадобится.

Пожалуй, уже можно было приступить к исполнению двух специальных заданий, полученных им перед заброской. Надо поскорее сделать это, чтобы потом уже не думать и не заботиться ни о чем, кроме главной своей задачи.

Первое спецзадание — взять в районе Новотрубинска пробы земли и воды. Сам Надежда поехать туда, разумеется, не мог. Резидент, который должен внедриться на неопределенно долгий срок, рисковать по пустякам не имел права.

В этом деле Надежда рассчитывал на Павла. Закончив его проверку, он собирался через Дембовича дать ему задание.

Второе дело было намного сложнее. Надежда не напрасно помянул при первой встрече с Дембовичем некоего Леонида Круга. Круг, приходившийся родным братом помощнику шефа разведцентра Виктору, был членом подпольной боевки. Его сбросили на парашюте еще в 1947 году.

В 1949 году органы госбезопасности разгромили бандитское подполье, накрыли квартиру Леонида Круга, разворошили все потаенные лесные бункера. Круг сумел скрыться. Связи с ним больше не было, так как рация попала в руки советских контрразведчиков. За прошедшие десять лет Виктор Круг посылал двух агентов для розыска своего брата, но безуспешно.

Во время напутственного совещания шеф дважды повторил, что как только Надежда сочтет свое положение прочным, он должен разыскать Леонида Круга, а затем с помощью центра организовать его переправу через границу. Старый Тульев тогда пытался возражать в том духе, что нерационально нагружать Михаила, резидента, отправляющегося со столь серьезной миссией, обязанностями частного сыщика,— старик недолюбливал Виктора, они вечно соперничали. Но шеф так посмотрел на него, что Тульев осекся...

Надежде в разведцентре сказали перед засылкой, что Дембовичу известно о дальнейшей судьбе Леонида Круга. Те два связника, что забрасывались специально для его розыска, воспользоваться услугами Дембовича не имели возможности, так как квартира Дембовича была законспирирована разведцентром еще раньше, чем Круг потерпел неудачу.

Согласно предварительному плану, Круга



должны будут переправлять морем. У Надежды еще есть время: до весны, до тех дней, когда растает береговой припай, ждать еще целых три месяца.

Грунт и воду тоже раньше мая не добудешь: человек, ковыряющий мерзлую землю посреди белого, заснеженного поля, неминуемо вызовет подозрение.

Насчет способа передачи проб заранее не уславливались. При благоприятном стечении обстоятельств их можно будет переправить с Кругом.

Вот как складывались у Надежды дела в конце января 1962 года. И вдруг одно событие чуть было не разрушило до основания все это с трудом добытое благополучие.

ВИЗИТ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Сквозь сон Зароков услышал, как вдруг залаял во дворе Таран. Он поднял голову, взглянул на будильник — было десять часов утра. Давно рассвело.

Лай оборвался. С улицы донесся голос Дембовича. Он приглашал кого-то в дом. Голос у него был медовый.

Кто-то крепко притопнул на крыльце раз, другой, хлопнула дверь, и половицы в коридоре заскрипели под тяжелыми шагами.

— Прошу вас, товарищ уполномоченный, вот сюда.— Дембович распахнул двери столовой.— Прошу, присаживайтесь. Чему обязан?

— Благодарю,— опустившись на жалобно скрипнувший стул, сказал гость сочным басом.

Зарокову было хорошо слышно, что он листает бумаги.

— У вас прописан Зароков Михаил Александрович? — спросил бас.

— Да, да, как же! — поспешно отвечал Дембович.

— Тысяча девятьсот двадцать второго года рождения?

— Да, кажется, так.

— Как мне его увидеть? Он на работе?

— Нет, по-моему, еще спит. Во всяком случае, я не заметил, чтобы он выходил.

Зароков вдруг почувствовал, как одеревенела у него рука, на которую он оперся, приподнявшись, чтобы посмотреть на будильник. В груди заломило, когда он сделал глубокий вдох,— кажется, он все это время не дышал.

Дембович подошел к его двери, нарочито громко постучал, крикнул:

— Михаил Александрович, вы не спите?

Зароков сел на краю кровати, ответил заспанным голосом:

— В чем дело, Ян Евгеньевич? Входите!

Дембович вошел, закрыл за собою дверь.

— Садитесь, я сейчас,— понизив голос, сказал Зароков, жестом спрашивая, кто в столовой.

— Участковый уполномоченный, из милиции,—скороговоркой объяснил Дембович.

Зароков лихорадочно вспоминал, что такое участковый уполномоченный,— расспрашивать у Дембовича было не время. Наконец вспомнил.

— Сейчас. Я быстренько оденусь.— И тихо, для одного Дембовича: — У нас выпить найдется?

Дембович кивнул.

— Устрой на кухне...

Минут через пять Зароков, улыбаясь, вошел в столовую. Участковый уполномоченный встал при его появлении — высокий, с массивными плечами. Густые выцветшие брови белели на обветренном розовом лице. Совсем молодой, лет двадцати пяти.

Зароков протянул руку.

— Здравствуйте, товарищ...— Он взглянул на погоны.—...товарищ младший лейтенант.

— Вы Зароков Михаил Александрович?

— Совершенно верно. И именно я вам нужен? — Зароков спросил это шутливым тоном, но было ему совсем не так уж весело.

— Ай-я-яй, гражданин Зароков! — укоризненно начал младший лейтенант.— Нехорошо получается... Вас ищут, а вы скрываетесь. Нехорошо...

Зароков изобразил крайнюю степень удивления.

— Позвольте, кто же меня может искать?

— Вся милиция Советского Союза. Покажите, пожалуйста, ваш паспорт.

Зароков быстро прошел в свою комнату, вернулся с паспортом, дал его младшему лейтенанту. Он еще минуту назад сообразил, в чем дело.

— Неужели Нина, сестра моя? — не веря собственной догадке, спросил он.

Младший лейтенант добродушно рассмеялся.

— Точно! Поздравляю!

— Присядемте! — Зароков был неподдельно взволнован.— Вы понимаете, прошло двадцать лет... Я ее после войны искал, но все впустую... Думал, или умерла, или вышла замуж, сменила фамилию. Разве найдешь? Откровенно говоря, давно смирился.

Участковый уполномоченный заглянул в бланк, лежавший перед ним на столе рядом с планшеткой.

— Точно. Фамилия ее теперь Воробьева. Нина Александровна. Проживает в Ленинграде. Можете записать адрес...

Зароков снова сходил в свою комнату, принес блокнот и карандаш, переписал адрес, затем позвал из кухни Дембовича.

— Вы слышали, Ян Евгеньевич? Сестра нашлась!

— Ну вот, никогда не следует терять надежду.

Младший лейтенант снова засмеялся.

— Скорее не сестра, а вы нашлись, товарищ Зароков.

— Золотые слова, товарищ младший лейтенант! По этому поводу не худо бы по баночке. Как смотрите?

Но участковый вежливо отказался. Уходя, он сказал, что милиция, как положено в таких случаях, сообщит Нине Александровне Воробьевой об успешном завершении розысков, и пожелал Зарокову скорейшей встречи с сестрой.

Дембович проводил участкового до калитки, вернулся, не забыв вытереть ноги о скребок на крыльце. Зароков все еще сидел в столовой, растерянно глядя на листок блокнота, где был записан адрес Нины Воробьевой.

— Что же будет? — решился спросить Дембович.

Он только раз видел Зарокова таким. Сейчас Зароков был похож на того ночного гостя, который однажды осенью явился в дом Дембовича под видом техника горэнерго.

— Действительно, что же будет? — не обращая внимания на Дембовича, переспросил Зароков.— Одна такая нелепость — и все летит к чертям...

Отстранив в дверях онемевшего Дембовича, он прошел в ванную, умылся, причесался. Потом у себя в комнате снял спортивные брюки и фланелевую рубаху, в которых обычно ходил дома, надел костюм, повязал галстук. Дембович все это время следовал за ним молча, но в конце концов не выдержал:

— Вы собираетесь уходить?

— Не навсегда,— ответил Зароков.— Не бойся. Пойду на почту, надо дать телеграмму сестре.

Он надел свое рабочее полупальто с цигейковым коричневым воротником.

— А ты пока что попробуй уяснить себе в подробностях, как может отразиться знакомство с сестрой на моей судьбе, а значит, и на твоей тоже.

Зароков ушел, а Дембович принялся искать валидол, к которому давно уже не прибегал.

РИСК РАДИ БУДУЩЕГО

На почте Михаил Зароков составил и послал в Ленинград Нине Александровне Воробьевой длинную, в пятьдесят слов, телеграмму.

Покинув почту, он отправился бродить по городу. Надо все хорошенько взвесить и принять какое-то решение. Надо трезво оценить собственное положение со стороны.

Встреча с Ниной Воробьевой исключалась — это не подлежало обсуждению. Хотя Нина и настоящий ее брат Михаил расстались целых двадцать лет назад, было бы крайне опрометчиво рассчитывать на то, что она не распознает подмены. Даже если память обманет ее, он все равно не имеет права строить всю свою дальнейшую судьбу на таком зыбком расчете.

Можно оттянуть встречу, но ненадолго. Вообще же уклоняться было бы в его положении несерьезно. Он должен вести себя точно так, как это делал бы настоящий Михаил Зароков. Вот почему он поспешил дать телеграмму.

Короче говоря, выход был один: или он должен все бросить и исчезнуть, или исчезнуть должна Нина Воробьева. Но ее исчезновение органы милиции теперь уже обязательно свяжут с тем фактом, что она долго разыскивала брата и наконец нашла его. Жаль, очень жаль, что у него не было раньше возможности самому разыскать ее. Тогда все устроилось бы значительно проще. Но зачем понапрасну сожалеть о том, чего он не сделал?

Много ли можно дать за Михаила Зарокова, чье имя будет связано с убийством его сестры? Но не меньше ли стоит Михаил Зароков, если сестра скажет, что он ей не брат, что она его вообще не знает? Скрыться, использовав запасную легенду, которая у него имелась на крайний случай? Но это чревато опасными осложнениями.

Как ни поворачивай, ясно одно: если Надежда твердо намерен быть резидентом, необходимо так или иначе раньше или позже избавиться от сестры. Риск велик, но это как раз тот случай, когда он должен или рискнуть, или немедленно связаться по радио с центром и попросить, чтобы его забрали отсюда во избежание неминуемого провала.

В его положении убийство — крайний, самый нежелательный шаг. Но он попробовал успокоить себя тем, что убийство убийству рознь. Очень много зависит от того, как его обставить...

В двенадцать часов дня Зароков вернулся домой. Дембовичу не терпелось поговорить.

— Вы позволите мне задать вопрос? — еле дождавшись, пока Зароков разденется, спросил он.

— Сколько угодно.

Зароков пошел в кухню, налил в чашку остывшего крепкого чаю, выпил, сел к столу на круглую табуретку. Дембович устроился напротив.

— Думаю, вы не хотите встречаться с этой женщиной...

— Я-то не хочу. Она хочет.

— Но это же невозможно!

— Конечно, невозможно,— согласился Зароков.— Может, вы сумеете ее отговорить?

Дембовичу было не до шуток.

— Вольно вам паясничать...— С утра он явно сделался смелее.—Вы же должны что-то предпринимать!

— В другое время, дорогой Дембович, я бы сказал, что вы вмешиваетесь в чужие дела. Но сейчас ваше благополучие для меня так же дорого, как мое для вас. У вас есть предложения?

— Я знаю, как найти Леонида Круга.

Зарокову не надо было долго думать, чтобы по достоинству оценить ход мысли Дембовича. Идея, возникшая в седой голове старого пройдохи, устраивала его во всех отношениях. Круг, в обмен на обязательство переправить его за кордон, пойдет, пожалуй, на что хочешь. Да ему можно и просто приказать. Ведь он не знает, какие инструкции на его счет получил Надежда. Провалится — туда и дорога. Болтать он не будет. А центр если что-нибудь и узнает, то не от Надежды.

— Где он сейчас? — спросил Зароков.

— Работает киномехаником в рабочем клубе в поселке на седьмом километре.—

Дембович видел, что его мысль одобрена, и постепенно успокаивался.

— Поддерживали с ним связь?

— Нет.

Зароков и это безусловно одобрял.

— Как вы его обнаружили?

— Встретил его там же, в клубе, лет шесть... позвольте... да, шесть лет назад. Я работал тогда инструктором областного управления культуры, часто ездил по клубам. Мы не разговаривали, но он дал мне знак, что узнал и помнит. Прошлым летом я был на седьмом километре, показывался ему, но не разговаривал, даже не подходил близко.

— Где живет, знаете?

— Да, я проследил. По-моему, у него семья...

Зароков минуту подумал.

— Вот что, Дембович, я вижу, взаимных объяснений не требуется. Надо действовать, и немедленно. Вы сейчас же поедете на этот седьмой километр, найдете Круга. Опасаться и слишком осторожничать, пожалуй, нет нужды. Он давно очистился. Поговорите. Пощупайте откровенно, как он смотрит на самого себя. Обо мне сегодня ничего. Даже и намеков не надо. Само ваше появление будет лучшим намеком. На прощанье скажите, что очень скоро увидитесь опять.

...Через час Дембович приехал в электричке на седьмой километр. Клуб оказался на замке. В квартире, где жил Круг, Дембович нашел лишь парнишку лет двенадцати — это был сын соседей Круга. Мальчик сказал Дембовичу, что тетя Поля как ушла утром на работу, так и не приходила, что дядя Леня приходил домой обедать, а после обеда, всего с полчаса назад, поехал в город за новой картиной. Дядя Леня сказал ему, что на сегодняшний фильм дети до шестнадцати лет не допускаются... Исчерпывающе подробное объяснение всезнающего и на редкость словоохотливого соседа Леонида Круга взвинченный и озабоченный Дембович дослушивал уже на лестнице...

Приехав в город, он сел в трамвай, чтобы добраться до базы кинопроката — адрес ее был ему известен давно. Дембович спешил: очень хотелось поскорее увидеть Круга,— и ему повезло. Не промаячив и четверти часа перед воротами базы, возле которых стояли автомобили — грузовики и два пикапа-москвича,— он увидел того, кого искал. Леонид Круг — низкорослый, широколицый — появился из проходной с двумя большими кубическими жестяными коробками в руках. Оттого, что был в стеганой телогрейке, он и сам казался кубическим. Поставив коробки в кузов бежевого пикапа, он огляделся, ища своего шофера. Дембович в этот момент двинулся через дорогу, и Круг обратил на него внимание. Приблизившись, Дембович сказал:

— Товарищ, вы не с седьмого километра?

— С седьмого.

— То-то я вижу, как будто знакомый пикапчик.— Заметив подходившего к ним шофера, он спросил у Круга: — Не подбросите?

— Нужно хозяина попросить,— сказал Круг и повернулся к шоферу: — Вот тут земляк с нашего седьмого в пассажиры набивается, ты не против?

Шофер, сердитый высокий дядя, отпер дверцу, закинул ногу в кабину и буркнул неприветливо:

— Я-то не против... Замерзнет старик в кузове.

Киномеханик сказал:

— Ну, ничего, я для компании тоже в кузове сяду, чтобы не обидно одному...

— Дело ваше,— захлопнув дверцу, закончил переговоры шофер.— Поехали.

С первой минуты, как только они уселись рядом спиной к ветру и машина тронулась, Дембович приступил к делу. Путь был недальний. Через десять минут у переезда через железную дорогу Дембович сошел. Прежде чем постучать по кабине, он спросил у Круга, как лучше всего найти его, чтобы поговорить обстоятельнее. Круг сказал, что удобнее прийти, как стемнеет, к нему в кинобудку. Помощника он всегда сумеет выставить, благо у того по вечерам частенько бывают свидания. Дембович может прийти в любой день, кроме понедельника. В понедельник выходной. На том они и распрощались...

Дембович застал Зарокова дома; тот лежал на кровати поверх одеяла и курил. У Зарокова была, как всегда, намечена встреча с Марией, но сейчас не до этого, и, проводив Дембовича на седьмой километр, он сходил к телефону-автомату, позвонил Марии в парк и сказал, что сегодня прийти не сможет, а почему — объяснит при встрече...

Внимательный Дембович сразу заметил валявшуюся на полу рядом с пепельницей телеграмму. Он подошел поближе.

— От нее?

Зароков кивнул.

— Можно?

Дембович прочел: «Миша дорогой какая радость не дождусь встречи срочно позвони любое время суток жду целую тебя крепко обнимаю твоя сестра Нина». И в конце два телефона — рабочий и домашний. Зароков не дал Дембовичу высказывать свои комментарии по этому поводу, он заставил его рассказывать о Круге.

После девяти вечера Зароков отправился на переговорный пункт. Он разговаривал с Ниной ровно пять минут и вышел из жаркой, душной кабины взъерошенный и потный. Вернувшись домой, счел излишним передавать Дембовичу содержание разговора. Да, собственно, и нечего было передавать — так, маловразумительный обмен бессвязными репликами, не удивительный между людьми, которые не виделись двадцать лет...

ПОСЛЕДСТВИЯ ВИЗИТА УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО

Контрразведчикам, взявшимся за осуществление плана с очень дальним прицелом, приходится ни на секунду не забывать о психологических особенностях человеческой натуры.

Разведчик, если даже он ничего не делает, всегда имеет повод для беспокойства. Но, бездействуя долгое время, он может стать спокойным. Правда, это будет пассивное, если можно так выразиться, полусонное спокойствие. Оно непрочно и неглубоко и может развеяться от малейшей, даже ложной тревоги.

Только то спокойствие надежно и прочно, которое выработалось у разведчика путем многочисленных проверок в серьезных испытаниях.

Опытный разведчик не пропускает ни одной возможности провериться, он даже сам искусственно создает такие возможности — конечно, в пределах разумного.

Надежда, после того как устроился в таксомоторный парк, словно впал в зимнюю спячку, и, по всей видимости, надолго. Это не устраивало наших контрразведчиков. Лучше было бы, если бы Надежда активизировался.

Вот почему известие о том, что Воробьева наконец-то разыскала своего мнимого брата, оказалось как нельзя более кстати.

Спустя два часа после телефонного разговора Нины с Михаилом в квартире Воробьевых раздался звонок. Открыв дверь, Нина Александровна увидела незнакомого молодого человека.

— Разрешите войти?— очень вежливо и вместе с тем несколько официально сказал он.

Молодой человек достал из кармана удостоверение личности, показал его Нине Александровне и спросил:

— Где нам можно поговорить наедине?

Нина Александровна пригласила в комнату.

У нее были все основания удивляться, когда сотрудник органов госбезопасности, попросив извинения за то, что не может ничего объяснить подробно, изложил причину своего появления. Он сказал, что человек, который прислал телеграмму и с которым два часа назад она говорила по телефону, не брат ей. Но если она когда-нибудь встретится с ним, то должна постараться сделать вид, что узнала в нем брата. Сыграть эту маленькую, но очень важную роль ей будет не так-то просто.

Пока он говорил, Нина Александровна успела отчетливо сообразить лишь одно: с ее братом Михаилом случилось что-то серьезное. Она готова была услышать самое худшее. Поглядев на нее внимательно, сотрудник госбезопасности продолжал:

— Вы, безусловно, понимаете, Нина Александровна, приносить людям такие вести никому не хочется, но у нас есть основания полагать, что ваш брат Михаил Зароков, если даже он еще жив, вряд ли объявится в живых. Мою задачу немного облегчает то, что вы ведь еще в сорок пятом году получили извещение о Михаиле... что он пропал без вести...

Нина Александровна провела ладонями по лицу.

— Мне сейчас кажется, что я чего-то такого ожидала...— заговорила она.— Сказать по правде, в последний раз я заявляла в милицию о розыске Михаила просто на всякий случай, без особых иллюзий... И муж не раз говорил, что напрасно я все это... И вдруг получила телеграмму, потом звонок... Похоже на рождественский рассказ... Мне и радостно было и как-то странно..

— Мы так и думали.— Он окончательно освободился от чувства неловкости перед этой спокойной и, как видно, немало пережившей женщиной.— Но все же сегодня вашим нервам досталось... Мы просим у вас извинения.

— Ничего,— сказала Нина Александровна. Ей уже хотелось подбодрить молодого человека. Она сумела заметить, как трудно ему дается этот разговор.— Я понимаю, так нужно.

Напоследок он заверил ее, что она не должна испытывать никакого беспокойства. Мужу надо все объяснить.

— И попросите его, как я прошу вас, никому не говорить о моем посещении и о теме нашей беседы.

— Ну, конечно. Это понятно...

Визит участкового уполномоченного имел и еще одно последствие.

Леонид Круг, которого предприимчивый Дембович, сам того не ведая, ввел в поле зрения органов госбезопасности, очень заинтересовал нашу контрразведку.

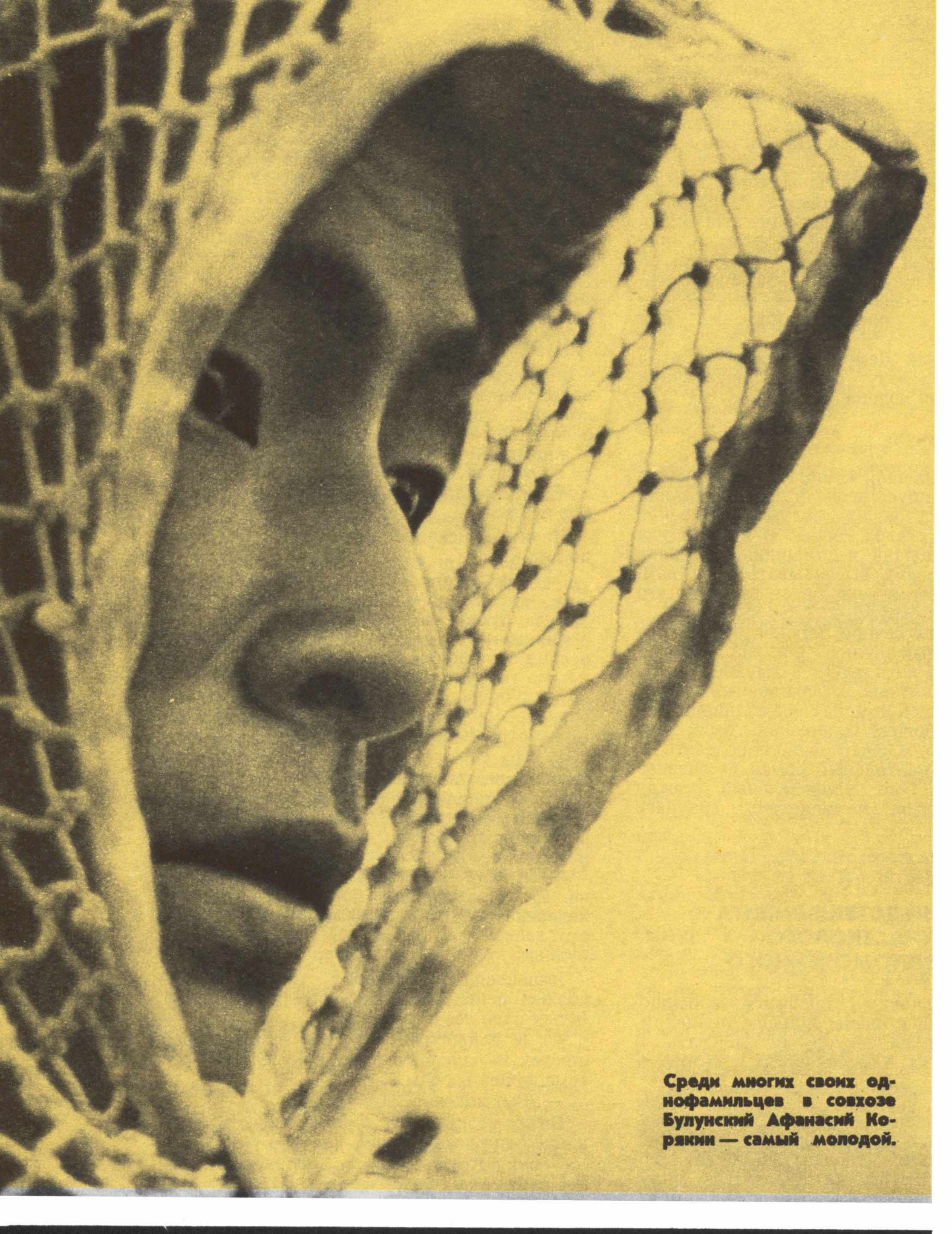
Была молниеносно проведена большая работа. Она началась через несколько минут после того, как киномеханик рабочего клуба в поселке на седьмом километре, открутив последний вечерний сеанс, запер на висячий замок свою кинобудку и отправился домой, а окончилась под утро. В эту ночь не спали многие работники органов госбезопасности и вместе с ними два летчика. Но зато к утру дактилоскопическая экспертиза установила полную идентичность отпечатков пальцев, взятых с предметов, которыми пользовался киномеханик, и тех отпечатков, которые были добыты с некоторых предметов после разгрома боевки в 1949 году и, как предполагалось, принадлежали бандиту, сумевшему скрыться и с тех пор безуспешно разыскиваемому. Беспокойство Надежды начинало давать плоды...

Можно было с немалой степенью вероятности предположить, что появление на горизонте сестры Зарокова и неожиданное желание Дембовича увидеть Леонида Круга находятся в прямой связи.

Леонид Круг — сам по себе такая фигура, что позволить Надежде пожертвовать им в какой-нибудь комбинации, имеющей отношение к Воробьевой, было бы по меньшей мере нерасчетливо. Леонид Круг мог еще сыграть более серьезную роль.

Именно поэтому случилось так, что на следующее утро к Леониду Кругу зашла заведующая клубом. Киномеханика посылали на курсы повышения квалификации. Он не удивился,— это уже бывало.

Продолжение следует.



Среди многих своих однофамильцев в совхозе Булунский Афанасий Корякин — самый молодой.

РЫБАЧЬИ ПЕСКИ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Экипаж тралбота увеличился на одного человека: четвертый в кубрике я.

Белое небо и серебряная вода. Слева плывет правый берег, справа — вода и вода.

Плывут мимо наливные баржи, сухогрузы, товары для северных поселков, лес для заграницы... Трудится Лена. Два-три месяца — вот и вся навигация, а потом долгая зима. Зато летом солнце и днем и ночью.

...Рыбачьи пески. Остановка. Сгружаем бочки, доски, брезент, вручаем свежие газеты. И дальше — до следующих песков, пока не обойдем все. Дельта Лены, ее протоки, реки Оленек, Анабар, Омолой, прибрежные воды моря Лаптевых — 50 миллионов гектаров — водное хозяйство Быковского рыбозавода. Осетр, нельма, таймень, омуль, муксун, ряпушка, чир, сиг — добыча местных рыбаков.







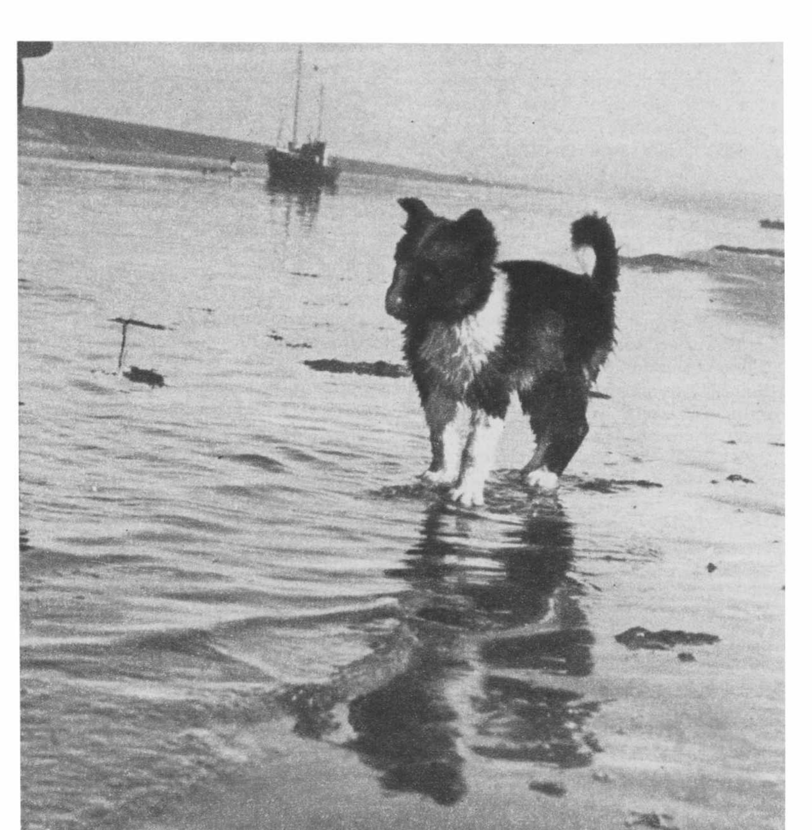
Тянут, потянут...

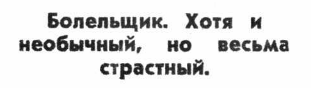


Ленские мальчишки радуются пойманному пескарю или красноперке ничуть не меньше юных горожан.



Ноль-ноль часов ноль-ноль минут.





Болельщик. Хотя и необычный, но весьма страстный.

МОЛОДОСТЬ ЗНАЕТ...

Г. КОРОБКОВ,
заслуженный тренер СССР

Если бы молодость знала,
Если бы старость могла...

Легкоатлеты берут последние старты сезона 1965 года.
После неудачного выступления на Токийской олимпиаде наши лучшие бегуны, прыгуны и метатели выиграли в Киеве традиционный матч у американцев. Они успешно выступали и на других международных соревнованиях — в Будапеште, Варшаве, Праге — и, наконец, завоевали кубки Европы, которые впервые разыгрывались в этом году.
Казалось бы, можно и утешиться после неудач в Японии. Но утешаться нельзя: причины, вызвавшие срыв на олимпийском форуме, не случайны, их надо обязательно преодолеть.
Главная причина нашей неудачи заключается в большом разрыве спортивного мастерства ведущей группы и широкой массы легкоатлетов. О причинах этого опасного разрыва и рассказывает старший тренер сборной команды СССР Г. В. Коробков.
Редакция просит высказаться по поднятым в статье вопросам тренеров, преподавателей физического воспитания, директоров общеобразовательных школ, родителей — всех тех, кто заинтересован в успешном развитии различных видов спорта, и прежде всего легкой атлетики.

Игра есть игра

Это знаменитое изречение неприменимо в современном спорте. Те, кто побеждает на Олимпийских играх в наше время, как правило, молоды. Они все знают и все могут.

Когда 8 сентября 1960 года на олимпийском стадионе в Риме было объявлено, что команда США в эстафете 4 × 100 метров дисквалифицирована за нарушение правил на дистанции, и американская четверка во главе с Рэем Нортоном, понурив головы, покинула арену, стало ясно, что впервые в олимпийской истории команда легкоатлетов США не сможет занять первого места. Вперед после четырех лет напряженного труда и восьми дней ожесточенного спортивного спора вышла команда легкоатлетов Советского Союза.

В эти минуты на трибуне мы были рядом — я и главный тренер команды США. Ларри Снайдер тяжело молчал, подперев подбородок крепко сжатым кулаком. Молчал и я, не решаясь нарушить ход его невеселых мыслей, хотя, как нетрудно понять, мое настроение в тот момент было прямо противоположным тому, в котором находился мой сосед.

Наконец я не выдержал и, как бы отвечая на его мысли, сказал: «Прими это полегче, старина! Ведь это лишь игра!»

Я только повторил эту много раз уже слышанную мною чисто американскую и чисто спортивную труднопереводимую фразу, обращенную обычно к потерпевшему поражение спортсмену. Ларри скосил на меня глаза, почти не повернув головы, задумался и потом сказал: «Да, это действительно игра. Но не слишком ли за последнее время повысились ставки? Через четыре года в Токио они снова повысятся. Это ясно. Тем не менее никто из игры выходить не собирается. Люди будут вечно играть в нее». Вставая, он как бы на прощание добавил: «Поздравляю! Но учти, мы еще будем выигрывать, хотя никто на свете не застрахован от того, что произошло с нами сегодня...»

Я вспомнил этот разговор через четыре года, в Токио, когда Боб Гигенгак, главный тренер команды легкоатлетов США на XVIII Олимпийских играх, как бы подытоживая борьбу наших команд, сказал мне: «Игра есть игра». Старина Ларри оказался прав.

Нужны новые лидеры

Блестяще подготовленная к XVII олимпиаде в Риме, советская команда за прошедшее после этого четырехлетие почти не сменила своих лидеров. Приток свежих сил был так незначителен, что «новобранцев» можно легко пересчитать по пальцам. В 1961 году новым лидером в метании копья стал Ян Лусис, и лишь в 1964 году двум молодым атлетам — харьковскому шестовику Геннадию Близнецову и тартускому десятиборцу Рейну Ауну — удалось пробиться в лидеры олимпийской команды. В прошлом году появились еще три новых лидера, но молодыми назвать их никак нельзя: это 27-летний стайер из Московской области Николай Дутов, 29-летний бегун на 3 тысячи метров с препятствиями Иван Беляев из Днепропетровска и 32-летний белорус Ромуальд Клим, который в Токио стал олимпийским чемпионом в метании молота.

У женщин дела обстояли еще хуже. Лишь в двух видах сменились наши лидеры: в 1961 году в прыжках в длину ленинградка Татьяна Щелканова, а в 1964 году в беге на 800 метров таллинская студентка Лайне Эрик. Вот и все. В решающем отборочном соревновании на первенстве страны 1964 года молодежь так и не смогла потеснить ветеранов, многие из которых не раз приносили славу нашей легкой атлетике на Олимпийских играх в Хельсинки, Мельбурне и Риме, в первенствах Европы в Берне, Стокгольме и Белграде, на «матчах гигантов» в Москве, Филадельфии и Пало Альто. Это и предопределило исход нашей борьбы с американцами в Токио. Победила команда, которая имела лучший резерв и которая была моложе нашей.

Физкультурники должны стать спортсменами

В чем же дело? Почему нашей молодежи нужно так много времени для того, чтобы выйти вперед? Как сделать, чтобы главным качеством молодого атлета была бы не только его молодость, но и уровень спортивного мастерства?

Не так давно я беседовал с группой легкоатлетов детской спортивной школы Киевского района Москвы. Беседу я начал с того, что спросил: «Кто из вас, ребята, тренируется ежедневно?» Ни одна рука не поднялась в воздух. «Шесть раз в неделю?», «Пять раз в неделю?» Лишь после того, как я спросил: «Ну, а четыре-то раза в неделю кто-нибудь из вас тренируется?» — я увидел несколько поднятых рук. В основном же большинство ребят тренировались по три раза в неделю. Никто из бегунов не тренировался дважды в день. Выяснилось, что в соревнованиях они выступают не чаще одного раза в месяц и не больше 5—6 раз в год.

Передо мною сидели рослые юноши и девушки. Лица их дышали здоровьем, но когда я стал рассказывать им, какую тренировку надо вести для того, чтобы заложить основу будущего высокого результата, лица ребят начали вытягиваться все больше и больше. Они узнали, что не выполняют и пятой доли того, что в их возрасте делали Галина Зыбина, Игорь Тер-Ованесян, Валерий Брумель, Эльвира Озолина, Геннадий Близнецов и многие другие советские легкоатлеты мирового класса.

Это были прекрасные ребята, еще не ставшие спортсменами. Станут ли они ими?

Факты говорят о том, что у нас такие юноши и девушки имеют все основания на то, чтобы стать прекрасными спортсменами — атлетами мирового класса. Очередной матч СССР — США в Киеве оказался сенсацией сезона. Наши ребята взяли у американцев реванш за Лос-Анжелос и Токио, наголову разбив команду США по всем статьям. И немалый вклад в эту победу внесли те, кто вышел вперед лишь за последний год-полтора: Борис Савчук, Александр Иванов, Николай Шкерников, Олег Райко, Виктор Кудинский, Надежда Чижова, Валентина Попова, Вера Пойкова, Галина Митрохина и многие другие. Все это молодые люди в возрасте главным образом от 19 до 22 лет.

Первый лед, как говорится, тронулся. Мы живем надеждой на новый приток свежих сил.

Труд и еще раз труд

Олимпийские игры в Токио показали: для того, чтобы завоевывать золотые медали, мало иметь за спиной миллионные массы обычных физкультурников, нужна еще и большая масса спортсменов — тех физкультурников, которые стремятся к высшим спортивным результатам.

— Сколько школьников занимается легкой атлетикой? — спросил я Берта Нельсона, издателя журнала «Трэк энд Филд ньюз».

— Около четырехсот тысяч ребят,— ответил Берт.— Не так уж много, если учесть, что в США посещают школы десятки миллионов детей. Но учти: все эти ребята тренируются ежедневно и еженедельно выступают в соревнованиях за команду своей школы.

В этом я убедился сам, когда в феврале этого года колесил по Америке с восточного побережья на западное и обратно. Мы старались побывать во многих школах, колледжах, университетах. Присутствовали на тренировках спортсменов, беседовали с ними, изучали их дневники.

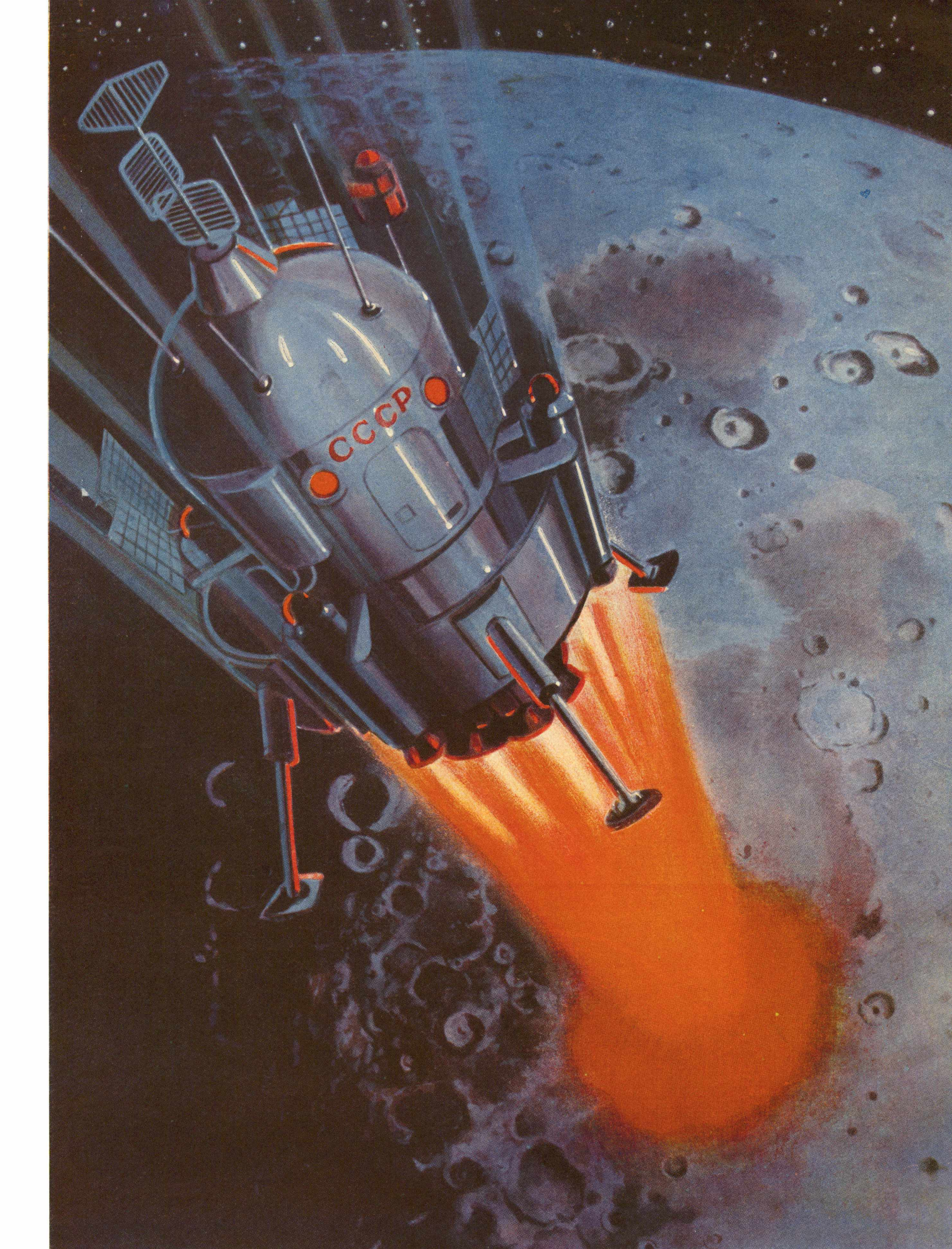
Особенно много школьников-легкоатлетов в Калифорнии. Когда мы были там, меня заинтересовала подготовка бегунов на средние и дальние дистанции, в которых американцы достигли за последние годы значительных успехов.

В одной из школ, километрах в ста на юг от Сан-Франциско, я знакомился с тренировкой школьных бегунов. Лучший из них, Рик Рентшлер,— 15-летний паренек, ростом 176 сантиметров, весом 63 килограмма — с десяти лет занимается в школьной секции легкой атлетики. С 13 лет участвует в соревнованиях по бегу. В 15 лет он вместе со своими приятелями уже участвовал в со-

Окончание см. на странице 26.

Рисунки летчика-космонавта Алексея Леонова и художника Андрея Соколова.

ПОСАДКА НА ЛУНУ.


СССР







ТВОРЧЕСКИЙ КЛУБ

КРАСКИ КОСМОСА

КОСМОНАВТ А. А. ЛЕОНОВ: ФАНТАСТИКА СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОСТЬЮ

У нас в гостях летчик-космонавт, Герой Советского Союза Алексей Архипович Леонов. Но сегодня он выступает в Клубе «Огонька» не только как первый из землян, побывавший в открытом космосе: А. А. Леонов знакомит нас со своими художественными работами. Две из них мы печатаем на наших вкладках. Они сделаны совместно с художником Андреем Соколовым. Творческое содружество художника-фантаста и человека, который воплощает фантастику в реальность, дает интересные результаты.

— Как бы ни были точны и совершенны фотографии и кинокадры,— говорит А. А. Леонов,— они не могут передать картину, которая разворачивается перед человеком, ступившим в космос. Только кисть художника, перо писателя, вообще только многообразными средствами искусства можно рассказать о том необычайном ощущении, которое охватывает человека в космическом путешествии. Протоколы и диаграммы, результаты измерений орбиты и внутреннего состояния самих космонавтов — одним словом, весь огромный поток информации, который дает каждый космический полет, все же не способен передать духовный мир человека в космосе.

— Что вы увидели, когда распахнулась шлюзовая камера?

Первое, что бросилось в глаза,— это очень яркий свет (как будто свет электросварки!), выхватывший часть шлюза из темноты.

Я закрыл светофильтр скафандра, но, на всякий случай, оставил щель около трех сантиметров.

Точка выхода у нас была над Черным морем. В районе города Сочи, а может быть, и несколько южнее, я получил команду на выход в космос. Вышел из шлюза. Взялся за обрез шлюзовой камеры и начал осматриваться.

— Вы очень волновались? Было ли страшно в момент первого отхода от корабля?

— По телеметрическим данным, отход от корабля и вся работа в открытом космосе не вызвала резких изменений в пульсе и дыхании. Эмоциональное напряжение, конечно бы, сказалось на частоте пульса и дыхания. Программа выхода была настолько насыщена, что для эмоций времени не осталось!

Первое, что я увидел на Земле,— Черноморское побережье Кавказа: узкая береговая полоса и горы, покрытые снегом. Видел город Сочи. Конечно, не дома, но белое пятно. В Сочи стояла отличная погода.

Посмотрел на корабль. Он выглядел очень торжественно. Шеститонная громада висит в пространстве и никуда не падает. Он был освещен снизу и сверху настолько ярко, что на расстоянии нескольких метров были видны даже мелкие царапины. Солнце светило ослепительно, и, чтобы не повредить глаза, я полностью закрыл светофильтр.

Начал выполнять работу. Оторвал сначала от шлюза одну руку — ничего. Затем вторую, потом ноги. Только после этого плавно-плавно пошел! Начал махать рукой. Слышу, по радио с Земли кричат: «Машет, машет!» Тогда я начал махать двумя руками. Сделал несколько отходов и подходов. Затруднений не было.

Видел Новороссийск, Керченский полуостров, поля Кубани. Если советского человека разбудить после сна в космическом полете и спросить, где он находится (допустим такое!), он определит советскую землю сразу по громадным полям. Когда пролетаешь над Европой, да и в Канаде и в США видишь мелкие наделы земли.

Над Енисеем получил команду возвращаться. Вошел в корабль, поздоровался с Беляевым: все-таки долго не виделись. Еще на Земле я записал вопросы. И теперь очень легко и быстро начал отвечать на них, делая некоторые добавления. Запись заняла у меня часа полтора-два.

— Какие краски в космосе?

— Такие же, как на Земле, только ярче, интенсивнее. Удивительно красив переход от ночи к дню. Кстати, ни на какой цветной фотографии я еще не видел трех цветовых поясов, которые наблюдал в космосе. В рисунках, которые мы сделали с Андреем Соколовым, мы попытались это передать.

— Каковы ваши творческие планы как художника?

— Для рисования времени остается мало, так что больших планов нет. Но живопись люблю и оставлять не собираюсь. В апреле 1966 года, ко Дню космонавтики, в издательстве «Советский художник» выйдет серия открыток «Человек в космосе», которую мы подготовили вместе с Андреем Соколовым. Мы начинаем с того, что человек уже видел в космосе, серия заканчивается рисунками, рассказывающими об освоении Луны. Так от достижений сегодняшнего дня мы переходим к фантастике. Уверен, что эта фантастика завтра станет реальностью.

В заключение встречи А. А. Леонов сказал:

— Мне очень приятно передать привет сотрудникам редакции журнала «Огонек» от имени моих товарищей-космонавтов. С «Огоньком» мы старые друзья. Я, например, начал читать журнал приблизительно с 1948 года. Что меня в нем особенно привлекало? Шедевры искусства, которые печатались на цветных вкладках. Благодаря «Огоньку» я собрал почти всю Третьяковку, Русский музей. У меня сейчас хранится 300—400 вкладок.

Цветные репродукции произведений крупнейших мастеров живописи, которые публикуются в «Огоньке», делают большое и доброе дело. Картинные галереи — только в Москве, Ленинграде и некоторых крупных городах, а «Огонек» есть везде.

ЛУНА.
Первые шаги.

ДОБРЫЙ ОГОНЬ КЫПУ

В жестких суконных кафтанах и высоких шапках, они съехались на подводах со всего острова Хийумаа, приплыли с других островов и с западного побережья материка: надо было много подвод и много жилистых рук, чтобы построить эту каменную башню на островном мысе Кыпу. Со всего побережья они грузили на подводы тяжелые валуны, и мохноногие кони, напружинив и выгнув шеи, тащили их по бездорожью к высокому холму на оконечность мыса. Мужики тесали камни и взваливали их, все выше и выше, на растущие стены. Кто знает, сколько душ погибло тут, на мысу... Известно только, что люди не роптали: им всем необходим был свет маяка, ибо недаром этот берег исстари звался Берегом Бурь. Десять месяцев в году ревут тут холодные ветры, ползают плотные низкие туманы, море злыми бичами волн исхлестывает берег. И подстерегает морехода недалеко от берегов гряда подводных скал. Много разбилось о них рыбачьих лодок, и купеческих ботов, и больших торговых кораблей... Люди строили маяк восемнадцать лет, с 1513 года по 1531-й, строили красиво и прочно, как храм. И как храм доброго бога Света стоит он тут, неугасимо светит мореплавателям вот уже 434 года.

Сначала на его верхней площадке горели костры. По высоким каменным ступеням маячники таскали наверх огромные поленья. Потом красным светом мигали здесь, сгорая, масло и керосин. А однажды сквозь черный ветер, сквозь плотную вату тумана далеко в море врезался белый луч: это засветило с макушки Кыпу электричество.

В застекленном фонаре маяка стоит теперь линза из специального стекла. В ее изогнутых гранях играют радуги, она красива, как фантастическая скульптура.

О маячниках Кыпу рассказывают, что все они накрепко привязывались к маяку и к своей службе света. Юхан Лиив так был занят маяком, что даже жениться не успел и уж вовсе не успел никуда выехать из Кыпу. И все-таки его можно считать путешественником, потому что он прошел пешком 1 240 километров. А прошел он их снизу вверх и сверху вниз по ступеням своего маяка за сорок восемь лет работы, и за эти годы не было у него никаких нарушений по службе.

После него смотрителем маяка стал Лембит Сепп, молодой человек, свой парень, островитянин. Рождались и жили на этом острове поэты и писатели, художники и капитаны — недостатка в романтиках тут никогда не ощущалось. Многие искали романтику в далеких городах, в крылатом полете парусов, в бесконечных морских дорогах. А Лембит Сепп мечтал о мысе Кыпу — мыс казался ему сильной, вытянутой в море рукой с белой свечой-маяком на ладони. После средней школы, после армии он окончил курсы маячников и, когда Юхан Лиив ушел на покой, стал начальником маяка Кыпу. Ему помогают еще трое техников-маячников, в том числе и его жена Ыйе. Маяк ослепительно чист внутри и ослепительно бел снаружи. Все лето у его подножия меняет цвета пестрый сад. А зимой шумят вокруг отросшие и набравшие сил еловые леса.

— А какие бывали у вас тут морские происшествия, Лембит?

— Не было, нет и не будет тут происшествий! Мы на то и поставлены, чтобы их не было, чтобы морякам всегда было светло.

Н. ХРАБРОВА,
собкор «Огонька»

МОЛОДОСТЬ ЗНАЕТ...

Начало см. на стр. 24.

ревнованиях почти на всех дистанциях, вплоть до пробега на 32 мили, где добился победы над взрослыми участниками.

Для этого паренька бег стал столь же привычным состоянием, как для простых смертных обычная ходьба. Бег с горки, в гору, по равнине, по дорожке, быстро, медленно, в переменном темпе не единственное средство его тренировки. Прибавьте к этому специальные занятия со штангой, а также ежедневные уроки физического воспитания в школе, в которые входят и плавание, и баскетбол, и гимнастика, и многие другие виды физических упражнений. Вот где разгадка успехов многих выдающихся атлетов!

В основе их успехов лежит большой и благородный труд, а у нас есть еще такие воспитатели, которые не понимают, как тянутся к такому романтическому труду юноши и девушки. Ведь это факт, что с 1957 года по 1964-й во многих пособиях по бегу было черным по белому записано, что для подготовки бегунов на средние дистанции «с 14 до 17 лет перед ними надо ставить задачу резкого улучшения результатов в беге на 100 и 200 метров, следующие 2 года — на 400 метров и лишь после этого начинать специальную тренировку в беге на 800 и 1 500 метров». Когда же дело дойдет до 5 тысяч и 10 тысяч метров? Еще через пять лет? Не потому ли мы имеем так мало молодых бегунов на средние и длинные дистанции? Не потому ли нашим «открытиям» в беге на длинные дистанции, таким, как В. Кузин (Ульяновск), уже 26 лет и мы думаем, сможет ли он «дотянуть» до Мехико? Не потому ли, наконец, мы в борьбе за Кубок Европы из двенадцати беговых номеров, входящих в программу мужских соревнований, смогли только в четырех добиться победы?

Да, в беге мы еще слабы, поэтому я решил специально поговорить о его проблемах. Но многое из того, что сказано о беге, относится и к другим видам легкой атлетики.

Нет такой страны, в которой к физкультуре были бы привлечены столь широкие массы молодежи, как у нас. И мы этим законно гордимся. Но массовость нашего спорта должна быть неразрывно связана с мастерством. Если между двумя этими факторами образуется разрыв, он неизбежно снижает не только число выдающихся спортсменов, но и рядовых. Ведь к спорту в первую очередь тянется молодежь, а она не может не мечтать о высоких достижениях, о прогрессе, о победах. Не может быть противоречивых тенденций у тренеров, работающих в сборной команде страны, и преподавателей физического воспитания, тренеров детских спортивных школ. Все мы заинтересованы в одном и том же: в привлечении к спорту как можно больше детей и подростков, в том, чтобы, занимаясь, молодые спортсмены крепли, достигали все новых и новых высот.

Увы, в легкой атлетике между мастерством и массовостью образуется значительный разрыв. Плохо культивируется этот замечательный спорт в школах, у ребят не воспитывается вкус к тренировкам, вкус к упорному труду. А ведь это важно не только для спортивных занятий. Это вообще воспитывает у ребят дисциплину, упорство, выносливость.

Сегодня вопрос вопросов — спорт в школе. Но тут нельзя не остановиться на удивительном равнодушии, которое по-прежнему проявляют к вопросам спорта наши школьные организации: министерства просвещения, Академия педагогических наук, областные, городские и районные отделы народного образования.

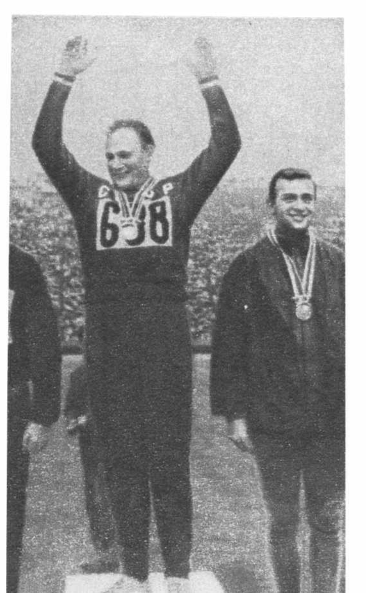
Судьбы легкой атлетики привлекли к себе внимание всей советской общественности. Но, увы, ничего не изменилось в школах, и по-прежнему для многих деятелей народного просвещения спорт является докучной нагрузкой.

До каких же пор будет продолжаться такое положение? Что надо сделать, чтобы в нашей школе спортивные занятия стали таким же важным делом, как занятия по физике или литературе?

Три «новобранца» нашей сборной: серебряный призер Токийской олимпиады десятиборец Рейн Аун, прыгун с шестом Геннадий Близнецов, олимпийский чемпион в метании молота Ромуальд Клим.







ЗАБАВНЫЕ МЕЛОЧИ

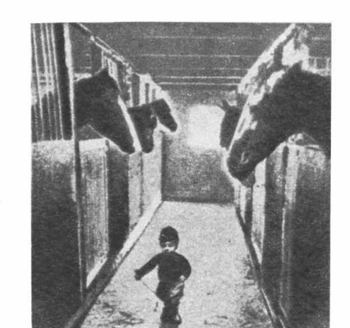


ПОПОЛНЕНИЕ ЗООПАРКА

Морская слониха в Штутгартском зоопарке произвела на свет 20-килограммового сына. Для зоопарков это весьма редкий случай.

ЖОКЕЮ — 14 МЕСЯЦЕВ

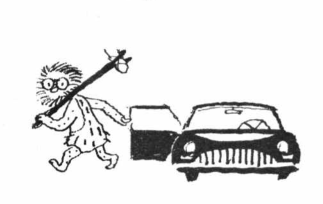
Малышу в костюме наездника, важно расхаживающему по конюшне, всего 14 месяцев. Однако столь юный возраст не стал препятствием для первого знакомства с конем. Дебют прошел успешно. Всадник отлично чувствовал себя в седле.





БЕСПЛАТНЫЙ ПОСТОЯЛЕЦ

При одном из южноафриканских отелей обитает жирафенок. По всему видно, что гостеприимство хозяев гостиницы вполне устраивает четвероногого постояльца.





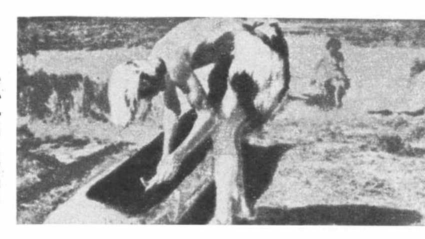


КАК В КАМЕННОМ ВЕКЕ

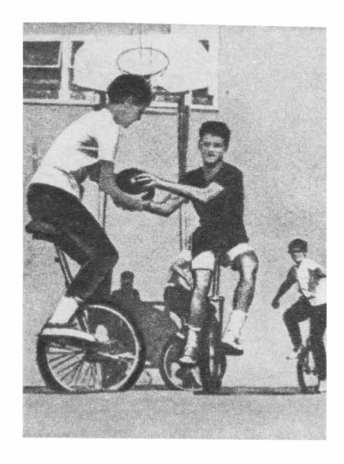
Группа датчан решила провести свой отпуск весьма оригинальным образом. Они поселились в пустынном краю на севере Дании и стали вести жизнь людей каменного века. Единственным их оружием были камень и дерево, одевались они в звериные шкуры, спали на земле и питались плодами, съедобными корнями и мясом пойманных животных.

ОРЕЛ-ИНВАЛИД

В Шверинском зоосаде (ГДР) живет пернатый инвалид с пластмассовым протезом. Израненный орел был подобран на берегу моря. Оправившись после тяжелой операции, мужественная птица уже несколько раз поднималась в воздух.



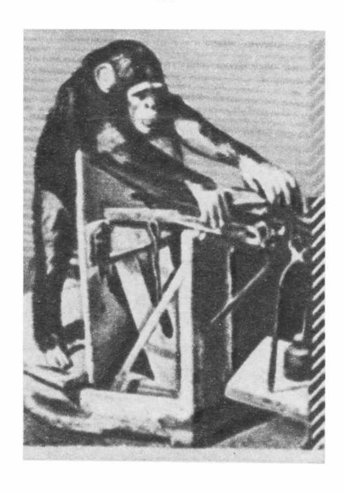
ные



БАСКЕТБОЛИСТЫ НА ОДНОМ КОЛЕСЕ

Молодежь города Сан-Диего в Калифорнии придумала новую игру: баскетбол на одноколесных самокатах.

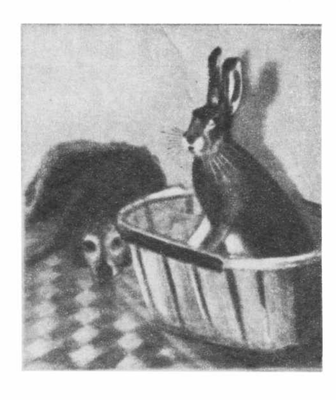
●



НА САМООБСЛУЖИВАНИИ

Молодой шимпанзе, подопытный одного из научных учреждений Чехословакии, охотно перешел на самообслуживание: он самостоятельно накрывает на стол, подметает пол в своем помещении. Одно из самых любимых занятий обезьяны — взвешиваться на весах.

●



А ВОТ МЫ — ДРУЗЬЯ

Охотничья собака и заяц давно живут в мире и согласии в одном из французских домов. Они такие приятели, что их, как говорится, водой не разольешь. Природный инстинкт враждебности уступил у животных место преданной дружбе.

Фельетон

Закрыто на обед

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

«По случаю учета шницелей столовая закрыта навсегда».
И. Ильф, Е. Петров
«Золотой теленок».

В бане стоял слитный шум льющейся воды, шипящего пара, нахлестывающих веников вперемежку с довольным кряканьем. Вдруг в эту симфонию ворвался звук, похожий на гонг. Кто-то колотил в дно шайки и зычно возвещал:

— Граждане моющиеся! Смывайтесь побыстрей, закрываем на обед!

На мгновение баня притихла, затем разразилась шумом негодующих голосов. Но было поздно. Из медных кранов перестала течь горячая и холодная вода, перестали бить струи душей, и банщики в нейлоновых передниках покинули своих клиентов на мраморных скамейках.

Баня взвыла. Мыло ело глаза, а гардеробщики, занятые бутербродами и пивом, отказывались открывать шкафчики с бельем. Делегация моющихся потребовала директора. Директор обедал. Озверевшие делегаты, прикрываясь вениками и мочалками, отправились в банно-прачечный трест. Начальник тоже обедал. Делегация настигла его дома, когда он подносил ложку ко рту.

О дальнейшем нам приходится выразиться так, как это делают сценаристы: «Затемнение».

Через полчаса несуразный приказ об обеденном перерыве в банях был отменен раз и навсегда.

Вот какая странная история случилась однажды в некоем отдаленном райцентре.

Я вспоминаю о ней каждый раз, когда натыкаюсь на лаконично-равнодушную табличку «Закрыто на обед» на дверях магазина, столовой, ателье.

В чем дело? Почему люди, призванные нас обслуживать, обедают как раз в то самое время, когда перерыв и у нас?

Я попробовал спросить об этом одну продавщицу.

— А мы что, не люди?— последовал крикливый ответ. — Ишь, какой! Сами, небось, обедаете, а нам не надо?

«Нет, почему же, надо,— подумал я.— Но...»

И тут вспомнились мне рассказы бабушек, тех самых, которые склонны утверждать, что «в старину было лучше». Обычно к таким рассказам я отношусь с ироническим недоверием. Но одно сообщение я решил проверить. Звучало оно так:

— А ведь до войны никаких таких перерывов на обед не было.

Проверил я его у начальника Управления торговли Мосгорисполкома Ф. А. Дубинина.

— Бабушкины сказки,— последовал ответ.— Были перерывы, только обедали кому когда вздумается. А года три назад этому самовольству был положен конец: продовольственные — с часу до двух, промтоварные — с двух до трех. И точка.

Я поспешил уличить во лжи бабушку.

— И-и, милок! — захихикала симпатичная старушка.— А ведь я про те времена поминала, что еще до первой войны. Разве ж купцу могло прийти в голову закрывать лавку аккурат в самое бойкое время? Нет, милок, он за этой гонялся... как ее... за прибылью.

Как-то обидно мне стало за наши времена. Ведь вот и купцов у нас нет, и всякая прибыль идет не в чужой карман, а в наш же собственный, а обслуживают меня неважно. И, главное, неудобно.

Почему, например, у нас по понедельникам почти все магазины, почти все предприятия бытового обслуживания закрыты на замок? Мало того, в Управлении торговли сказали:

— Надо бы вообще устроить в магазинах общий выходной со всеми — воскресенье. Так требуют работники торговли.

В этом прозвучал известный уже мотив: «А мы что, не люди?»

Поэтому вернемся к справедливому утверждению, что продавцы и вообще работники сферы обслуживания тоже люди, что и им требуется и обеденный перерыв и выходной день.

Как же быть?

Позвольте в таком случае ответить вопросом на вопрос. И даже несколькими. А как же работают в ГУМе, ЦУМе, «Гастрономе»? Или вот еще: в Ярославле на дверях ателье «Восход» я видел табличку: «Работаем с 8 утра до 8 вечера, без выходных дней».

Значит, можно! Можно, оказывается, обслуживать нас с вами так, чтобы именно нам с вами было удобно. И при этом обедать (по графику) и гулять в выходной день (по очереди).

Так в чем же дело?

Этот вопрос я задал заместителю начальника Управления организации торговли Министерства торговли К. Т. Ашполову.

— Да, да, есть жалобы трудящихся на неудобные часы торговли,— последовало признание.— И под давлением, так сказать, общественности пробовали мы вводить скользящие графики и обедов и выходных. Каждый год проводим такой эксперимент. Не получается, знаете ли. Так что пришлось отказаться.

Ответ, прямо скажем, неутешительный.

А теперь позвольте рассказать грустную историю, которая случилась с одной супружеской парой. Назовем ее, как это делалось в старину, NN.

Итак, ровно в пять часов пополудни супруг вылетел из дверей своего СМУ и сломя голову, делая одну пересадку за другой, поспешил на другой конец города, домой. Жены еще не было. «Бедная Маша,— думал супруг.— Ей еще дальше, чем мне». И принялся искать запонки.

В это время Маша мчалась от дверей своего КБ домой и думала: «Бедный Саша, наверно, голодный».

А ровно в шесть часов семнадцать минут супруги в своих наспех надетых вечерних туалетах мчались снова через весь город — в театр. Они уже надеялись попасть к концу первого акта, когда раздался свисток, и протокольно вежливый милиционер предложил платить штраф за переход улицы в недозволенном месте. И вот вместо того, чтобы отдать рубль, разгоряченные NN вступили в спор. Через десять минут они очутились в отделении.

Дежурный, перелистывая их паспорта, между прочим спросил:

— Называете себя супругами?

— Да!

— И дети есть?

— Есть!

— А где штампы о заключении брака? А почему дети не вписаны в паспорта родителей?

— У нас нет времени жениться! Нам некогда регистрировать детей!

— Как это? — поразился дежурный.

— А вот так: мы работаем с девяти до пяти — и загс тоже. У нас перерыв с часу до двух — и в загсе тоже.

Дежурный вздохнул: он вспомнил, что таких много.

В театр NN попали как раз в ту минуту, когда Герман пел «Что наша жизнь?».

Спектакль окончился около одиннадцати, и галантный NN пригласил свою хотя и незаконную, но горячо любимую подругу в кафе. Кафе уже закрылось. В полдвенадцатого супругам удалось проскользнуть в ресторан. А ровно в полночь, когда они уже вонзили зубы в отбивные, к ним подошел официант, положил на стол счет и мрачно объявил:

— Запираем!

— Дайте дожевать! — взмолились NN.

— Как угодно. Только на транспорт, извиняюсь, не опоздаете?

И тут NN, замученные вечерними развлечениями, вспомнили, что до дома им ехать чуть ли не час, а все виды городского транспорта вот-вот кончат работу. Бросив недоеденный ужин, они ринулись на улицу. Последний автобус ушел перед их носом...

И NN отправились пешком через весь город. По дороге супруг развлекал свою проголодавшуюся подругу рассказами о том, что в старину были в Москве ночные магазины. Он сам помнит, как, возвращаясь с вечерней смены, покупал молоко и колбасу.

Вот какая грустная история произошла с супругами NN, когда однажды им вздумалось отдать вечер веселью и развлечениям. С тех пор они предпочитают сидеть у телевизора.

Впрочем, такие истории случаются со всеми нами. Они происходят с тех пор, как однажды начало спектаклей во всех театрах было перенесено на час раньше, кафе и рестораны стали закрываться в тот час, который принято называть «детским временем», а ночной транспорт остановлен. И все это произошло одним волевым мановением одной руки.

А сейчас я кое-кого огорошу. Ханжи, приготовьтесь падать в обморок!

Будучи принципиальным борцом с пьянством и ни на йоту не сдавая этих позиций, я тем не менее позволю себе выразить сомнение в целесообразности закрытия всех пивных баров, коктейль-холлов, а также «табу», наложенного на спиртное в кафе, столовых, павильонах, ларьках и проч. Не эти ли однобокие меры породили, кстати сказать, широко распространившийся метод «на троих»?

Некий бывший трезвенник, а ныне горький пьяница жаловался мне:

— Раньше, понимаешь, заходил я в столовую пообедать, ну и выпивал граммов пятьдесят. А с тех пор, как перешел на это самое «на троих», пить-то стал втрое против прежнего. Потом другое: пьешь-то где-нибудь за углом, в подворотне, закусишь «таком» — глядь, а проснулся уже в вытрезвителе. Эх, быв-вали дни...— неожиданно закончил он.

Но все это написано отнюдь не из сочувствия к пьяницам. Есть соображения куда более трезвые.

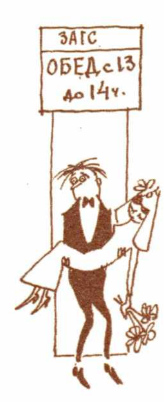
Один милицейский начальник открыл мне, что с тех пор, как узаконен способ «на троих», случаи хулиганства на улицах участились.

В общем, похоже на то, что кто-то когда-то вспомнил слова известной песни: «Мы можем петь и смеяться, как дети». «Ах, как дети?! — воскликнул кто-то и хлопнул в ладоши.— Дети должны пить одно молочко и вовремя ложиться баиньки».

Но мы не дети. Честное слово, это только метафора. Можно нам ложиться спать по своему усмотрению?









С. Жгун и В. Бабятинский — Поликсена и Платон.

СПУСТЯ 90 ЛЕТ



Б. А. Бабочкин в роли Силы Грознова.

Впервые премьера пьесы «Правда — хорошо, а счастье лучше» прошла с большим успехом почти девяносто лет назад, в 1876 году, на сценах прославленных русских театров — сначала в Малом, а через четыре дня — в Александринском. В комедии играли знаменитые русские актеры: Н. А. Никулина и М. Г. Савина, С. В. Шумский и К. А. Варламов, М. П. Садовский и И. Ф. Горбунов, Н. И. Музиль и Н. Ф. Сазонов и другие.

Вскоре после этого пьеса читалась Островским на квартире Некрасова и, как литературное произведение, по словам автора, «вызвала восторг».

С тех пор прошли десятилетия... Комедия великого писателя украшала русскую сцену. А потом много раз шла и на советской сцене.

Совсем недавно «Правду — хорошо, а счастье лучше» возобновил коллектив Малого театра во главе с постановщиком и талантливым исполнителем роли старого «ундера» Силы Грознова, народным артистом СССР Б. А. Бабочкиным. Пьесу, имеющую такую обширную сценическую историю, нелегко решить заново. Однако она прочитана режиссером и сыграна актерами свежо, по-новому; вместе с тем в спектакле сохранен аромат и колорит звучного слова Островского.

Наряду со старшим поколением, такими общепризнанными мастерами, как Б. А. Бабочкин — Грознов, Н. И. Рыжов — Барабошев, Н. А. Белевцева — Мавра Тарасовна, С. Н. Фадеева — Фелицата, В. А. Обухова — Зыбкина, П. А. Константинов — садовник Глеб, выступили совсем молодые актеры — С. Жгун и В. Бабятинский в ролях Поликсены и Платона. И не случайно. Ибо центральной темой спектакля стала тема победы молодости над старым, отживающим миром. Зритель чувствует неодолимость нового в образах энергичных, смелых и одновременно застенчивых, трогательных в своей любви Поликсены и Платона.

Художник этого интересного спектакля Т. Г. Ливанова взглянула на мир глазами юных героев, ее декорации своеобразны и, пожалуй, даже неожиданны.

Г. БАРАНОВА

Фото Е. Мичуриной и И. Ефимова.

НА СЪЕМКАХ КАРТИНЫ «ЖУРНАЛИСТ»

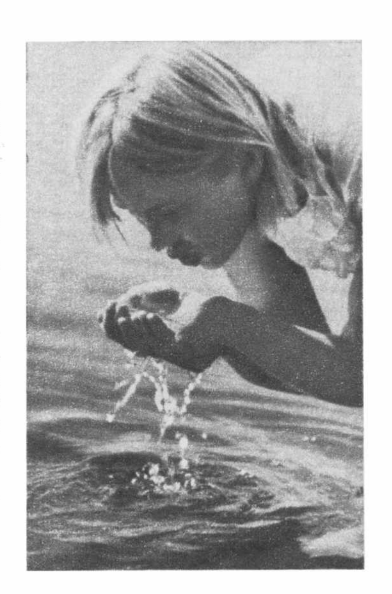
Озеро Чебаркуль, что возле деревни Кундравы, на Южном Урале,— родные места кинорежиссера Сергея Аполлинарьевича Герасимова.

Здесь-то С. А. Герасимов и снимает свой новый фильм — «Журналист». Сценарий картины, как известно, написан самим режиссером.

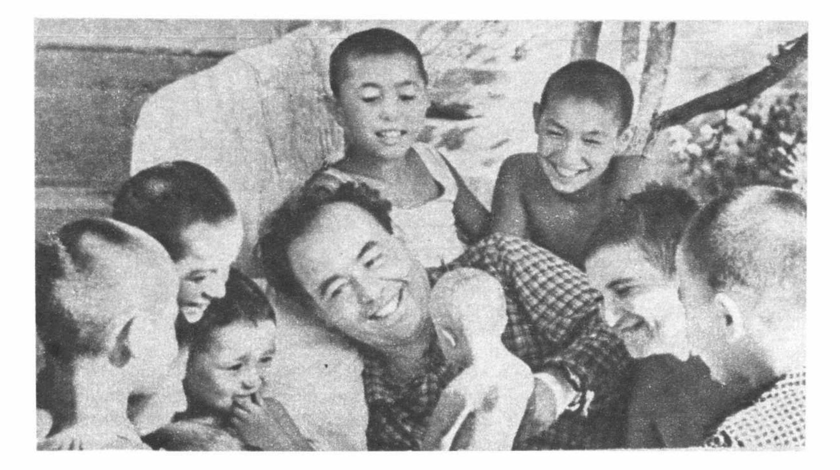
В главной женской роли занята молодая актриса Галя Польских. Вот она «осваивает» озеро Чебаркуль; на нем, как это позволяет видеть нижняя фотография, уже начались киносъемки.

Н. ПАВЛОВА

Фото В. Самоквасова.







Касым и его помощники.

Фото В. Сваричевского.

ДЕСЯТКИ РУК СКУЛЬПТОРА

Мальчик был таким же, как его сверстники. Может быть, позастенчивей. В детском саду подолгу возился с кусками сырой глины, лепил животных, дома с крутыми крышами, деревья — на ветках висели большие диковинные плоды. В школе он рисовал машины, цветы и людей в шлемах с красными звездами. Летом играл в войну, затевал мальчишеские уличные сражения, бегал на пионерские сборы, и еще очень многое делал он в свои двенадцать лет. Шел 1938 год, Касым словно спешил сделать как можно больше, и его добрая мать Рисолатбиби частенько говорила:

— Куда ты так спешишь, сынок? Не торопись. Бегаешь, бегаешь целый день!

Откуда было ей знать, что ее сын заболеет и станет неподвижным навсегда.

Приходили пионеры из школы; учительница рассказывала о русском писателе, у которого была точно такая же болезнь.

Касым слушал, молчал и вдруг серьезно сказал:

— Николай Островский прожил целую жизнь. А я ничего еще не сделал!..

Потом попросил мать:

— Принеси мне эту книгу.

Она поняла, какую, и принесла. Он читал снова и снова, уже не плакал, а только думал о чем-то важном и нужном.

— Я буду учиться, мама,— сказал Касым.

— Да, сынок.

...Я хожу по небольшому выставочному залу Союза художников Узбекистана, всматриваюсь в скульптурный портрет матери, вылепленный сыном, Касымом Мирзарахимовым.

Это первая выставка художника. Двадцать семь лет, как он болен, но все, что люди видят на выставке, создано им.

Я иду к художнику, в район старого Ташкента. Среди уютных улочек, густых садов и вечно бубнящих что-то свое арыков я разыскал его дом. Меня привела сюда шумная ватага мальчишек-махалли:

— Как же не знать нашего Касыма-аку!..

Касым рассказывает мне о матери; о хорошем человеке — художнике Филиппе Ивановиче Грищенко и о мальчишках, своих верных помощниках.

— Это мои руки — десятки моих рук!

С. ЮРЬЕВ

ЗНАМЕНИТЫЙ КЫРЛЯ



Кадр из фильма «Путевка в жизнь». Мустафа—Йыван Кырля.

Его видел весь мир; это главарь беспризорных, Мустафа, из первого советского звукового художественного фильма «Путевка в жизнь». Роль Мустафы сыграл студент Государственного кинематографического техникума Йыван Кырля, он же — Кирилл Иванович Иванов (1909—1943).

Марийский комсомолец, сын деревенского активиста, убитого кулаками, Кырля пришел в техникум из Казанского рабфака. На одной из массовых съемок Кырлю заметил режиссер Николай Экк. В беседе с воспитанниками Болшевской трудкоммуны, где снимались многие кадры фильма, Максим Горький назвал Кырлю почти гениальным. И когда фильм «Путевка в жизнь» был назван одним из лучших на кинофестивале 1932 года в Венеции, Всеволод Мейерхольд сказал: «Успех «Путевки» держится на двух улыбках — Баталова и Кырли!»

Некоторые болшевцы, как и я, знали Кырлю еще до выхода фильма на экран. При мне он беседовал в Болшеве с кузнецом Александром Умновым, бывшим главарем шайки беспризорных, брал у него «консультацию».

Фильм сделал Кырлю знаменитостью. Его узнавали на улицах. Помню, один мальчишка удивлялся: «Разве Жиган тебя не убил?» Однажды, когда мы с Кырлей и мордовским поэтом Петром Кирилловым ехали в такси, шофер отказался получать деньги: «Еще бы! Вез артиста, игравшего Мустафу!»

Кырля был и артистом и поэтом. В 1932 году он подарил мне свою книгу стихов на марийском языке «Голосом революции пою от радости».

Это был добрый и радостный талант.

Павел ЖЕЛЕЗНОВ

...ЛУ «ОГОНЕК» НА 1966 ГОД

Том I: Рассказы 1860—1875 гг. («Счастье Ревущего Стана», «Млисс», «Компаньон Теннесси» и др.).

Том II: Рассказы 1875—1885 гг. («История одного рудника», «Джентльмен из Лапорта» и др.).

Том III: Гэбриель Конрой. **(Роман.)**

Том IV: «Степной найденыш». «Сюзи». «Кларенс». **(Повести.)**

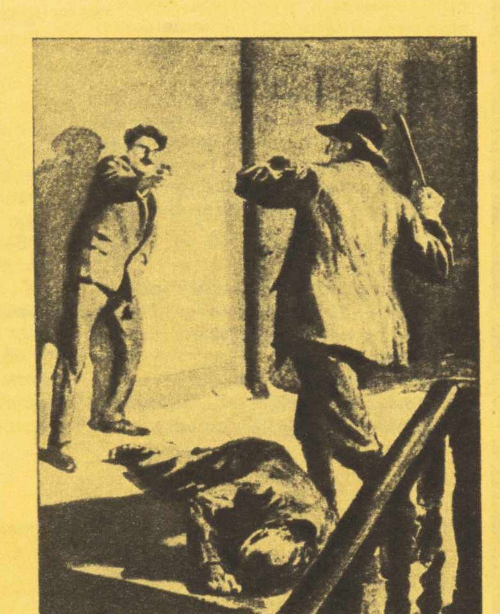
Том V: Рассказы 1885—1895 гг. («Почтмейстерша из Лорел-Рэна», «Миллионер из Скороспелки» и др.).

Том VI: Рассказы 1895—1902 гг. («Трое бродяг из Тринидада», «Наводнение на прииске» и др.). Стихи и баллады.



А. КОНАН ДОЙЛ

В 8 ТОМАХ



Том I: «Этюд в алых тонах». «Знак четырех». «Приключения Шерлока Холмса».

Том II: «Записки о Шерлоке Холмсе». «Возвращение Шерлока Холмса».

Том III: «Собака Баскервилей». «Прощальный поклон». «Из записной книжки Шерлока Холмса».

Том IV: «Сэр Найгель». «Белый отряд».

Том V: «Подвиги бригадира Жерара». «Приключения бригадира Жерара».

Том VI: «Торговый дом Гирдлстон».

Том VII: Фантастические повести («Затерянный мир», «Отравленный пояс», «Когда земля застонала», «Открытие Рафлза Хоу» и др.).

Том VIII: Рассказы.

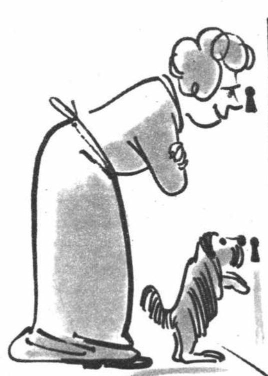
52 книжки «Библиотечки «Огонек» советских и иностранных писателей.

Подписка на журнал «Огонек» и литературные приложения к нему принимается в городских отделениях «Союзпечати», конторах и отделениях связи, а также общественными уполномоченными на заводах и фабриках, шахтах, промыслах, стройках, в колхозах и совхозах, РТС, учебных заведениях и учреждениях.

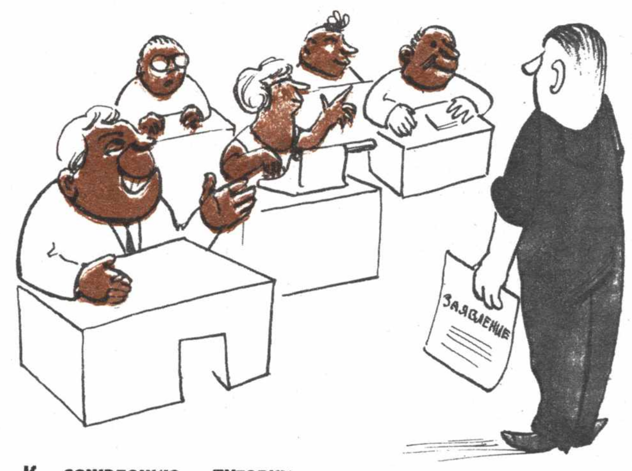
Редакция журнала «Огонек» и издательство «Правда» подписку не производят.



— Я сделал из ковра самолет.
Рисунок Г. и В. Караваевых.



Без слов...
Рисунок А. Грунина.



— К сожалению, путевки на юг все израсходованы.
Рисунок А. Грунина.

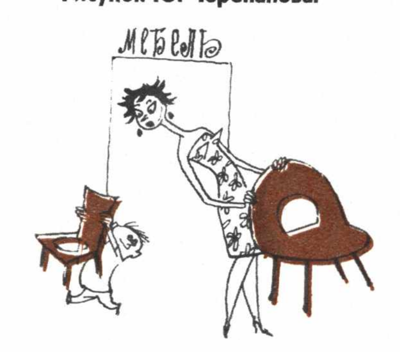


Без слов...
Рисунок В. Тамаева.

— Я тебе говорила: не давай мастеру на чай!
Рисунок В. Тамаева.



— Неужели мое кресло уже устарело!
Рисунок Ю. Черепанова.



Ю. ШУБИН,
государственный советник юстиции III класса

ЧЕТ

Может быть, об этом и не стоило писать, если бы случай был единственным в своем роде. Однако есть, к сожалению, немало доверчивых людей, которые легко ставят свои подписи под различного рода письмами и заявлениями. Они не задумываются над тем, насколько правдивы те факты и просьбы, под которыми они расписываются. Порой просто из-за слабости характера они не могут отказать знакомому человеку. «Ну и что? Поставлю свою подпись — это же пустяк!» — считают они.

Пусть такие люди серьезно задумаются над тем, что рассказано в этом открытом письме авторам ряда аналогичных заявлений, направленных в различные органы.

* * *

Уважаемые тт. Богданов, Федоров, Пантюшенков и Райский! Не случайно вашему заявлению, поступившему в Прокуратуру СССР, было уделено особое внимание. По своему содержанию оно с первых же строк вызывало тревогу. А то, что под ним подписалось несколько человек, лишний раз подкрепляло веру в его правдивость, исключало возможность в чем-то сомневаться. Допускаем, мог ошибиться один человек. Но под этим заявлением стояло несколько подписей. Не может быть, чтобы все были неправы.

«Мы, ленинградцы,— пишете вы,— ранее не знавшие друг друга, люди разного возраста и профессий, познакомившись между собой во время хождения по инстанциям из-за постигшего всех нас горя, обращаемся с общей просьбой: помочь нам в нашей борьбе за правосудие и справедливость. Сами мы ни правосудия, ни справедливости в г. Ленинграде добиться не можем. Наши судьбы были различны, а сейчас все мы ходим по разным приемным и жалуемся на беззаконные действия или бездействия работников ленинградской милиции и прокуратуры...»

События, о которых сообщалось в вашем заявлении, действительно требовали тщательного расследования: убийство комсомольца Коли Богданова; убийство Эльвиры Карловны Федоровой; незаконное привлечение к уголовной ответственности Анатолия Пантюшенкова; многолетняя безнаказанная травля инженера П. Райского.

«Во всех указанных случаях,— пишете вы,— усилия административных органов были направлены на сокрытие истины... Тысячи людей уже знают о вышеприведенных фактах и бурно реагируют на них...»

* * *

Большое, непоправимое горе обрушилось на вас, Николай Ильич Богданов, и на вашу жену Екатерину Михайловну.

Это было в новогоднюю ночь. Ваш сын Николай, семнадцатилетний юноша, студент третьего курса Ленинградского радиотехнического техникума, вместе со своими друзьями встречал Новый год. Их было четырнадцать. И среди них была одна... Но об этом после.

Коля, как всегда, был тих и немногословен. И в то время, как другие веселились, пели и танцевали, он стоял в стороне.

О чем он думал? Трудно сказать. Наверное, его тяготило собственное отчуждение. Может быть, именно поэтому он с готовностью принял предложение ребят выйти из душной квартиры на лестничную площадку.

Теперь уже никто не может вспомнить, кем была высказана мысль подняться на чердак и посмотреть на ночной Ленинград. Николаю это понравилось. Уже через минуту он и его два лучших друга были там, у раскрытого окна, рядом с блестящей от только что прошедшего дождя крышей семиэтажного дома.

Двое вышли на крышу. Звали и Колю. Но он не пошел. По-видимому, так оно и было: спустившись с крыши, ребята неосторожно посмеялись над ним, назвали его трусом...

В квартиру он с ними не вернулся. Сказал, что болит голова, что он хочет подышать свежим воздухом.

Коля, конечно, слышал голоса ребят, когда они через полчаса поднимались за ним на чердак. И ее голос — той, в глазах которой быть трусом нельзя...

Холодом сжало сердце ребят, увидевших, как Коля выскочил на крышу, упал и заскользил вниз...

Екатерина Михайловна до сих пор не может понять, что побудило сына выйти на крышу. Ведь он всегда боялся высоты.

Здесь не все ясно, не все объяснимо. Поэтому рождаются беспочвенные догадки, предположения, мучительный вопрос: не было ли здесь преступления? Не столкнули ли Колю с крыши? И хотя все догадки противоречат здравым рассуждениям, они навязчивы. Они заставляют отца писать одно заявление за другим, выдвигать все новые и новые версии, требовать их проверки. На все это можно сказать одно: следствие велось тщательно и кропотливо, один раз, другой... Следователи в своем выводе единодушны: убийства нет и не могло быть. Здесь только несчастный случай. Нелепый, трагический, но только случай! Вы же, Николай Ильич, не верите следователям. Вас гложут сомнения. И вы снова и снова беретесь за перо.

Одно из ваших заявлений лежит передо мной. Чем больше его читаешь, тем ощутимее цель, которую преследовали его авторы.

Вас, Николай Ильич, интересовало одно: подробности гибели сына. Действительно, вначале некоторые обстоятельства были неясны, и вы, как отец, имели право требовать их выяснения. Но в этом же заявлении шла речь и о других событиях, не имеющих никакого отношения к печальной

ЫРЕ ПОДПИСИ

судьбе Коли Богданова. Вместе с вами это заявление подписали три других человека, чьи интересы не имеют ничего общего с вашими. Вы нужны были им лишь как своего рода приманка. Нужна была ваша подпись, ваше имя и ваше горе. Они знали, что люди не могут пройти мимо вашей боли. И они надеялись, что от большого сочувствия к вам достанется понемногу и им. Используя вашу беду в личных целях, они умело перетасовали свои и ваши интересы, объявили их тождественными. А затем, заручившись вашей подписью, написали в заявлении (и от своего и от вашего имени): «Мы полностью отвечаем за справедливость всего изложенного выше...»

В чем же справедливость? С этим вопросом мне и хотелось бы обратиться к остальным авторам письма.

* * *

Вы помните, Георгий Федоров, наша беседа началась с того, что вы извлекли из карманов кучу медицинских справок. Составленные в разное время, они скрупулезно фиксировали синяки и царапины на вашем теле.

— Все эти побои,— жаловались вы,— были нанесены мне моей бывшей женой. Она убила мою мать, а теперь издевается надо мной. Я требую привлечь ее к уголовной ответственности!

Давайте разберем вашу историю по порядку. С женой вы прожили немного — всего один год. Затем подали на развод. Вначале в вашей семейной жизни все шло как будто хорошо. Правда, на первых порах молодоженам приходилось довольствоваться небольшой комнатушкой в бараке. Но уже через несколько месяцев вам предоставили отдельную квартиру со всеми удобствами в новом доме. Там же поселилась и ваша мать.

Жена ожидала ребенка, а вы приходили домой пьяным, устраивали скандалы, дебоширили, избивали жену. Среди справок, которые вы сейчас носите при себе, нет той, где говорится о побоях, причиненных вами жене на седьмом месяце ее беременности.

Ваша мать была тяжело больна. Она часто и подолгу лежала в больнице, страдала гипертонической болезнью, три раза перенесла инфаркт миокарда.

Однажды, когда ни вас, ни жены не было дома, Эльвира Карловна скончалась...

Узнав о ее смерти, вы сразу же приехали с работы домой. Обстоятельства смерти еще не были известны, но первое, что вы сделали,— набросились с кулаками на жену, обвинили ее в убийстве свекрови и выгнали из дому вместе с грудным ребенком.

Совместная жизнь стала невозможной. Это подтвердил и суд. Вас обязали платить алименты. За бывшей женой было признано право на часть занимаемой жилплощади.

Такая ситуация вас не устраивала. Мог удовлетворить только один вариант: жена — в тюрьме, ребенок — в детдоме.

Посыпались заявления и жалобы. Врачи обвинялись в даче заведомо ложного заключения о причинах смерти Эльвиры Карловны, а бывшая жена — в нанесении телесных повреждений, повлекших за собой смерть свекрови.

Следственные органы возбудили уголовное дело и произвели расследование. Судебно-медицинские эксперты подтвердили первоначальные выводы врачей. Было установлено, что смерть вашей матери наступила от острой сердечно-сосудистой недостаточности, явившейся результатом гипертонической болезни, а имевшиеся на теле незначительные повреждения могли быть получены в момент смерти при падении и в причинной связи со смертью не находятся.

Не стоит перечислять все факты, которые полностью опровергают предположения о насильственной смерти вашей матери. Об этом вы достаточно осведомлены.

Теперь ваша бывшая жена и ребенок живут в той же самой квартире. Раздела жилплощади вы не хотите, но иногда появляетесь там и учиняете очередной скандал. Для чего? Для того, чтобы получить новую справку о побоях. Чтобы вновь и вновь ходить, выражаясь вашими словами, по различным инстанциям, жаловаться на то, что вас (мужчину!) систематически избивает женщина.

В заявлении, одним из авторов которого являетесь и вы, есть такая фраза: «Нами движет не чувство личной мести, а глубокая озабоченность тем, чтобы повторение таких преступлений в дальнейшем стало невозможным». Если речь идет именно о вас, то такая фраза, мягко говоря, звучит по меньшей мере иронически...

* * *

«...Пантюшенков Анатолий Александрович, 1935 года рождения, уроженец г. Ленинграда, русский, беспартийный, образование высшее...»

Нет, это не листок по учету кадров. Это выписка из приговора народного суда, которым вы, Пантюшенков, в марте 1962 года были осуждены к одному году исправительно-трудовых работ с удержанием 20 процентов заработной платы в доход государства.

С тех пор прошло более трех лет. И в течение всего этого времени вы настойчиво добиваетесь полной реабилитации, требуете привлечь к уголовной ответственности должностных лиц «за произвол и беззаконие».

Что же случилось на самом деле?

Тот день прошел бурно. Сначала отметили радостное событие в жизни приятеля у него дома. Потом ходили по магазинам, пили «на троих» с малознакомыми и вовсе не знакомыми людьми. Похождения завершились, как свидетельствуют материалы уголовного дела, «сумбурной встречей» с группой парней у телефона-автомата. Молодые люди — в том числе и вы,— заняв весь тротуар и пугая прохожих, размахивали руками, хлопали друг друга по спинам, шумели, выкрикивали непристойные слова. Потребовалось вмешательство народных дружинников.

Вы и до сего времени считаете, что не сделали абсолютно ничего плохого. Подумаешь, «человек немного выпил и словесно выразил свое возражение задержавшим его дружинникам»! Странно, когда идет разговор о действиях дружинников и пришедших к ним на помощь работников милиции, вы кипите негодованием, и слово «произвол», как говорится, не сходит с уст. Но стоит лишь заговорить о непосредственно ваших поступках, как интерес к беседе у вас теряется.

И все же вспомните, какие грязные слова бросали вы в штабе народной дружины в адрес дежуривших там девушек-комсомолок, насколько, извините, хамским было ваше поведение, когда в ответ на попытку пожилой женщины утихомирить вас вы обозвали ее «проституткой»!..

Теперь вы в позе обиженного и оскорбленного. Вы казуистически придираетесь к отдельным ошибкам дружинников и работников милиции при оформлении протокола о вашем задержании. Атакуя «инстанции», вы возводите ошибки в степень беззакония, как будто они могут оправдать вас как дебошира. Послушать вас, так выходит, что это вы пострадавшая сторона, что это вам нанесли оскорбление, что это вас нужно было оградить от наглости и цинизма.

В заявлении, подписанном вами, говорится: «Усилия следственных органов направлены вместо действительной борьбы с преступниками на то, чтобы любыми средствами опорочить пострадавших». Выдавая себя за «пострадавшего», вы в то же время не опровергаете да и не можете опровергнуть того, что бесцеремонно нарушили общественный порядок, нанесли грубые оскорбления людям.

* * *

Есть в том самом заявлении, подписанном четырьмя авторами, такая «сильная» фраза: «Объектом преступлений шайки воров и бандитов стал инженер-строитель, 1930 г. рождения, Райский П. Л.».

Несчастный случай с Колей Богдановым произошел в новогоднюю ночь. Хотите знать, Николай Ильич Богданов, как встречал Новый год Павел Райский? Тот самый Райский, чья подпись под коллективным письмом стоит рядом с вашей?

В 11 часов вечера он уехал на своей автомашине к знакомым. Соседу, у которого были гости, он сам перед отъездом великодушно предложил воспользоваться в случае необходимости его, Райского, комнатой («чтоб гостям не было тесно»). Поздно ночью, возвращаясь в пьяном виде домой, он грубо нарушил правила уличного движения, пытался скрыться, но был задержан. Его строго предупредили и... отпустили. Неприятная встреча с орудовцами испортила настроение автонарушителю. Придя домой, он устроил скандал и выгнал из своей комнаты соседей вместе с их гостями. А через несколько часов, несмотря на предостережение, вновь сел за руль автомашины и на улице сбил женщину...

Райского лишили водительских прав. Машина стояла во дворе около дома под открытым небом. Дождь и снег испытывали ее прочность.

Дом, где жил Райский, ремонтировался. Строители предложили хозяину автомашины убрать ее в другое место. Хозяин отказался. Тогда рабочие сами соорудили небольшой навес над ней, но полностью уберечь от порчи беспризорную машину так и не удалось.

Меньше всех это беспокоило самого Райского, который проявил полное безразличие к сохранности своей собственности. Более того, он и здесь оказался «великодушным», разрешил своему соседу снять аккумулятор с машины и беспрепятственно пользоваться другими частями и деталями.

После первой же ссоры с соседом великодушие испарилось и Райский подал заявление в милицию, обвинив соседа в краже автодеталей.

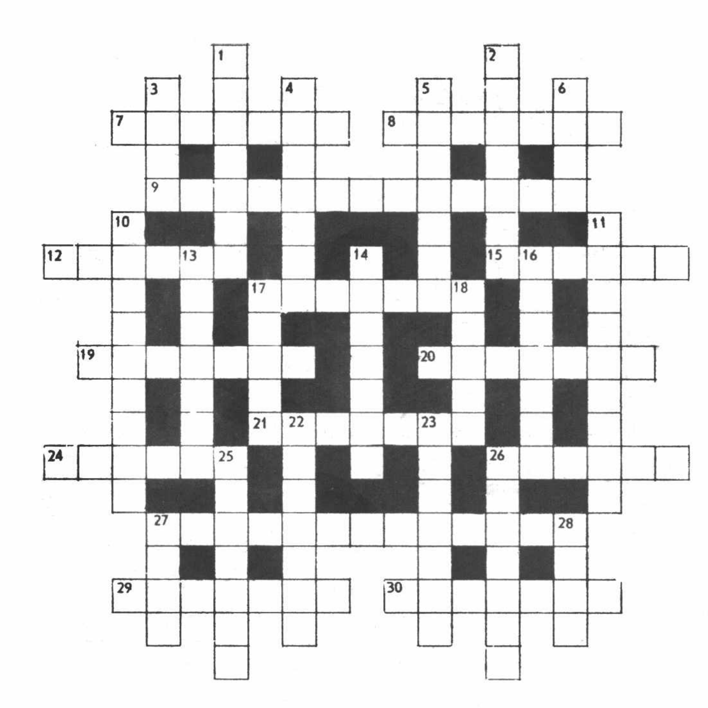
Ссора оказала благотворное влияние на память Павла Лейбовича: он вдруг «вспомнил», что два года назад сосед украл у него 150 рублей. А вслед за этим посыпались и другие «воспоминания»: о том, что сосед занимался кражами автомашин, что он развратник и негодяй, что он пытался его, Райского, убить и т. д. и т. п.

Так Павел Райский стал «объектом преступлений». Так он стал пострадавшим и, разумеется, «борцом за справедливость». Так, Николай Ильич Богданов, он причислил себя к тем, кому должно протянуть руку помощи.

* * *

Заявление проверяли многие люди. И никаких нарушений справедливости и правосудия не нашли. Не нашли не потому, что подходили к этому делу предвзято, защищая честь мундира, как указывается в письмах, а потому, что этих нарушений не было. Переписка с авторами заявлений занимает целый том. Сколько усилий и времени потрачено зря! И все потому, что некоторые люди не дорожат своим именем, своей подписью, играя при этом унизительную роль мнимых борцов за мнимую справедливость.





КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Сигнальное устройство. 8. Фотографическое изображение. 9. Художественная литература. 12. Высоковулканизированный каучук. 15. Рыба семейства карповых. 17. Город в Башкирской АССР. 19. Морское млекопитающее. 20. Первая русская летчица. 21. Ночная птица. 24. Римский поэт-сатирик. 26. Передвижной цирк. 27. Высшее учебное заведение. 29. Река в Якутии. 30. Советский писатель.

По вертикали:

1. Украшение. 2. Цветок. 3. Отличительный знак государства, города. 4. Маленькое блюдце. 5. Амортизатор автомобиля. 6. Бобовое растение. 10. Водитель сельскохозяйственной машины. 11. Русский живописец. 13. Опера П. И. Чайковского. 14. Озеро в Венгрии. 16. Часть света. 17. Ритмическая единица стихотворной речи. 18. Приток Тобола. 22. Вязаная рукавица. 23. Карельский и финский народный музыкальный инструмент. 25. Персонаж романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». 26. Автор комедии «Школа злословия». 27. Минеральная хромовая краска. 28. Белый клен.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

7. Ельмарен. 8. Арсеньев. 9. Катакомба. 11. Помпа. 13. Салон. 15. Планшет. 17. Дефо. 18. Июль. 19. Александрит. 22. Тмин. 23. Фата. 24. Пшеница. 25. Аракс. 27. «Антар». 28. Космонавт. 31. Хлорелла. 32. Лицензия.

По вертикали:

1. Гликоген. 2. Галка. 3. Тент. 4. Бром. 5. Пегас. 6. Бертолле. 10. Кондратенко. 12. Пропашник. 14. Аристофан. 15. «Перекоп». 16. Терраса. 20. Умбриель. 21. Ютландия. 26. Сквер. 27. Атрек. 29. Соль. 30. Анис.

На первой странице обложки: Сергей Есенин.
Фото Н. Свищева-Паола.

На последней странице обложки: Вечер на озере.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 02075. Подписано к печати 29/IX 1965 г.
Формат бум. 70 × 108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 2582. Тираж 1 850 000. Изд. № 1586.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото А. Лехмуса.

В парке культуры и отдыха «Сокольники» горит дом. Трещат языки пламени, дым валит валом. И, как положено, мчатся к горящему дому пожарные на ярко-красных машинах. Только пожарные эти... мальчишки.

Знаете ли вы, что в Москве в составе Добровольного пожарного общества одиннадцать тысяч молодых борцов с огнем? И триста лучших из дружин юных пожарников тренируются в Сокольническом парке. Здесь все по-настоящему. Красные машины со свирепой сиреной. Колокол тревоги. Полосатая караульная будка. Огнетушители и рукава, которые в любой момент могут ударить мощной струей пены. Комбинезоны, пояса с карабинами, несносимые и несгораемые башмаки... И, конечно, венец всего этого великолепия — сверкающие каски!

Лагерь этот не просто «пожарный», он и спортивный. Ребята здесь неукоснительно соблюдают режим. В полной форме они соревнуются по бегу, проползают по узкой «мышеловке», бегут по буму, словно это — асфальтовое шоссе, птицей взлетают по лестницам-штурмовкам, тренируются с топориками, наконец, в мгновение разворачивают бесконечную змею рукава. Словом, ребята умеют делать все, что положено взрослым пожарным.

В лагере ребята отдыхают: играют в пинг-понг, ходят в кино, катаются на карусели... Они живут по графику — до того момента, когда вдруг грянет сигнал тревоги: пожар!

И тогда помчатся ярко-красные «ГАЗ-69» с мальчишками в грозно сверкающих касках к горящему дому. И неважно, что этот дом, разрисованный по мотивам русских сказок, сколочен специально для пожаров. И что горит он, бедняга, уже четвертый раз в этом году, а сгореть не может, потому что юные пожарные вновь и вновь побеждают огонь.

Игра? Да, конечно. Но от этой игры до настоящего дела — лишь шаг.

Римма и Игорь Алиевы из дома № 8 по Первой Строительной, как гласит суховатый стиль протокола о награждении, «ликвидировали пожар до прибытия пожарной команды». За это их и наградили. Как взрослых. Впрочем, не совсем как взрослых: когда Игоря спросили, что бы он хотел получить, фотоаппарат или медаль «За отвагу на пожаре», мальчишка честно ответил: «Фотоаппарат».

Это одна сторона дела. А вот и другая: десятиклассник 707-й московской школы Толя Сидоров, ветеран, если так можно выразиться, юных пожарников, решил избрать своей профессией борьбу с огнем. После школы он поступит в Пожарно-техническое училище.

Лагерем юных пожарников интересуются не только в нашей стране. Он привлекает внимание многих наших гостей — финнов и англичан, шведов и японцев, американцев и чехов, монголов и французов...

И. ПАВЛОВА



Идут дружины юных пожарников.

СВЕРКАЮ



Юра Поликарпов из 79-й школы-интерната — «ветеран» пожарного дела.

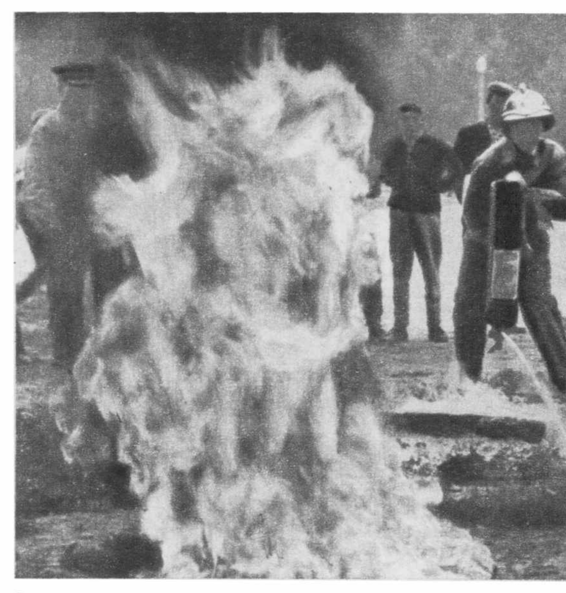


ЩИЕ КАСКИ





В считанные секунды к пылающему дому примчались машины, еще мгновение — и на огонь обрушились струи воды.



Огнетушитель — верный друг пожарного, но управляться с ним не так легко. Здесь тоже требуется сноровка.



Скорее на помощь друзьям!

Настоящему пожарному нужно научиться преодолевать препятствия.




Цена номера 30 коп.
Индекс 70663